

СТРАННЫЕ ВЕЩИ

МАГЕРРАМ ЗЕЙНАЛОВ

Магеррам Зейналов

Странные вещи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69836815

SelfPub; 2023

Аннотация

Победит ли Цой Чака Норриса? Что прячет под шинелью Газманов? Где в «Тетрисе» скрыта супер-игра? Действительно ли Влад Сташевский – вампир? А главное, смогут ли школьники остановить пришельцев и страшную училку русского-литературы? В этой книге вы найдете ответы на эти и другие вопросы.

Содержание

Часть первая. Бомбибомы	8
Глава первая	9
Глава вторая	20
Глава третья	35
Глава четвертая	42
Глава пятая	50
Глава шестая	61
Глава седьмая	69
Глава восьмая	78
Глава девятая	86
Глава десятая	95
Глава одиннадцатая	104
Глава двенадцатая	120
Часть вторая. Турбо	127
Глава первая	130
Глава вторая	142
Глава третья	158
Глава четвертая	169
Глава пятая	176
Глава шестая	183
Глава седьмая	187
Глава восьмая	197
Часть третья. Чудеса на виражах	204

Глава первая	211
Глава вторая	226
Глава третья	236
Глава четвертая	249
Глава пятая	254
Глава шестая	266
Глава седьмая	274
Глава восьмая	281
Глава девятая	290
Глава десятая	301
Глава одиннадцатая	306
Глава двенадцатая	316
Глава тринадцатая	326
Часть четвертая. Любовь – это	348
Глава первая	349
Глава вторая	357
Глава третья	370
Глава четвертая	385
Эпилог	390

Магеррам Зейналов

Странные вещи

Это случилось много лет назад, в одном таежном городе. С высоты гугл-карт, которых тогда еще не изобрели, он походил на серое пятно посреди огромного зеленого поля.

Именно над этой тайгой тогда, 30 апреля 1994 года, проносясь метеорит и упал в лесу недалеко от грибных троп. На следующий день из райцентра на огромном оранжевом вертолете прилетела ученая комиссия, покрутилась по лесу, но ничего не нашла.

Местные газеты окрестили метеорит "Новым Тунгусским", а мэр приказал найти его и сделать городской достопримечательностью.

Дело в том, что в том бетонном городе с достопримечательностями было совсем плохо. Их роль играла старая деревянная церковь, почерневшая от времени. Еще у них был археологический музей, но в нем имелись только кости мамонтов.

Зато сам город был совсем новый. Такой новый, что его редко наносили на карты. "Н-ск? А где это?", – спрашивали иные сибиряки.

И никто тогда не знал, что именно Н-ск скоро станет едва ли не самым важным городом России. А все благодаря Ренату, Алене, Денису и еще нескольким смелым (и не очень) ребятам, которые и сами не догадывались о своей смелости.

Сейчас, спустя годы, когда случилось все то, что случилось, и когда за толстым слоем мировых новостей в правдивость изложенных ниже событий уже никто не поверит, я вернулся в Н-ск, чтобы встретиться с героями этой истории и воссоздать ее по крупицам.

Труднее всего пришлось с Ренатом. Он раздобыл, полысел, стал авторитетным человеком с собственным взглядом на все, что бы то ни было. В школе я просто дал бы ему в нос и получил то, что мне нужно.

– Ты должен воссоздать эпоху, – сказал мне Ренат, – мы же о ней пишем.

– Нет, – возразил я, – мы пишем о том, как спасли мир от пришельцев.

– Никто в это не поверит.

Я посмотрел на Рената и вдруг на секунду представил, что ничего этого не было. Ни похитителей тел, ни Стражей Врат, ни Навигатора, ни «Друзей отечества», ни молнии, которая ударила в антенну в тот самый момент, когда «Комбинация» запела про бухгалтера.

– Я ведь прав. – Ренат будто прочел мои мысли. – Все это

похоже на бред. Но вот что поможет придать рассказу достоверности...

И он вынул из стола папку.

Итак, Ренат передал мне свои записи, которые, по его словам, «помогут воссоздать эпоху». И согласился рассказать свою часть истории, только при условии, что эти записи непременно попадут в текст.

Нет, конечно, я вставил их не все, а только те, что действительно могут поведать о том времени и его героях.

Кроме того, замечу, что у Рената своеобразное чувство юмора, вкуса и меры. К тому же, в его заметках есть некий посыл, который сегодня мне кажется несколько сомнительным.

А еще у автора есть подозрение что некоторые, если не все, из описанных там событий были преувеличены, а то и вовсе выдуманы. В отличие от главного: тогда, в мае 1994-го, мы действительно спасли мир.

Часть первая. Бомбибомы

Глава первая

В которой Ренат понимает, что воровать – это плохо

Пятница, 6 мая 1994 г.

Ренат стоял у доски в ожидании подсказки, весь такой красный, что вчерашний шрам на щеке был почти не заметен.

– Итак, кто из героев повести Лермонтова был фаталистом?

Людмила Евстафьевна и раньше отличалась сугубой дошностью к деталям, но сегодня превзошла сама себя. Правда, это никак не влияло на положение Рената, поскольку «Героя нашего времени» он не читал. Совсем.

Класс затаил дыхание. Стояла тишина, какая наступает в последнюю секунду перед казнью. Одни с ужасом смотрели на учительницу, другие не сводили взглядов с Рената, третьи глядели в окно, будто там и вправду происходило что-то важное. И все думали об одном: «хорошо, что это не я».

И только Денис, сидевший, вопреки привычке, в первом ряду, улыбался. Он почесал ухо. «П» – догадался Ренат. Денис погрыз карандаш. «О». Взъерошил волосы. «Р»...

– Поручик, – по буквам произнес Ренат.

Учительница посмотрела сначала на Рената, потом на Дениса, который застыл с высунутым языком. Но какую букву означал язык, Ренат забыл.

– Кондратьев! – скомандовала она, – марш на «камчатку»!

Денис схватил в охапку свои принадлежности и рванул в конец класса.

– Поручик, – медленно повторил Ренат и тут вспомнил, что где-то что-то слышал, – Голицын?

Его голос дрогнул.

– Это ты меня спрашиваешь? – вздохнула Людмила Евстафьевна. – Ладно, садись. Двойку ставлю пока только карандашом, так что не падайте духом, поручик.

Идея с шифровками-жестами принадлежала Денису. Впрочем, как и все прочие хитрые планы в классе. Денис был генератором идей, проектов, кампаний. Ничто из того, что он придумывал, не работало. Но Денис не опускал руки. Дениса Кондратьева интересовал не результат, а сам процесс.

– Есть план, – сказал он, как только Ренат вернулся и сел рядом.

– Хитрый план, да?

– А то! Можем заработать.

Последнюю фразу Денис произносил часто. Она казалась ему важным, возможно, решающим аргументом. Ты подбрасываешь и подбрасываешь монету, и однажды она ложится нужной тебе стороной.

– Помнишь, ты говорил, что у твоего бати есть принтер.

– Дэн, нас посадят.

– Мы же не будем печатать деньги. Там специальная бумага нужна. Я уже пытался.

Ренат не должен был рассказывать о принтере. Ведь мама постоянно говорила, что надо держать язык за зубами. Но у него не всегда получалось. К тому же Денис был его лучшим другом.

– Мы будем печатать книги.

В те дни город заполнили книги с яркими цветными обложками. Люди с придыханием произносили загадочное буржуазное слово «фэнтези». На обложках всегда красовались мускулистые парни с большими артефактами, и девушки в бронелифчиках.

План Дениса состоял в том, чтобы набрать вручную пару-тройку книг в текстовом редакторе на школьном компьютере. Принести дискету на работу к папе Рената, там распечатать пару десятков экземпляров, отвезти все на великах на дачу к Усману, там все подшить нитками. А потом оттащить книги к Политехническому и продавать прямо на улице студентам.

Согласно плану, деньги на бумагу мог одолжить Крапива.

– Я не хочу иметь с ним дело. Проще сразу банк ограбить. Или контракт с дьяволом подписать.

Упомянутый Крапива учился в классе «Е».

В класс «А» детей специально отбирали по собеседованию. Из остальных формировали классы от «Б» до «Д». В какой-то момент руководство школы решило, что пришло время изолировать самые криминальные элементы в отдельной группе – классе «Е». Ренат подозревал, что директор смотрела в видеосалоне «Побег из Нью-Йорка». Там целый город огородили и отправили туда всех преступников.

У каждого в школе была кличка. Кроме Крапивы. Это была его настоящая фамилия. Никто не рискнул бы дать ему «погоняло». С ним вообще не стоило рисковать.

Крапива был невысоким, но в свои 12 лет уже мускулистым, жилистым и удивительно крепким в драках. Он носил настоящую щетину, а однажды избил старшеклассника.

Удивительно, но Денис с ним дружил. Денис вообще со всеми дружил.

– Ты становишься опасен, – сказал Ренат и показал на свой шрам.

За день до того они отправились на стройку чтобы произвести испытание ракеты на новом топливе. Это тоже было затеей Дениса. Топливо состояло из смертоносной смеси карбида, перекиси водорода и нескольких других ингредиентов. Ракета взорвалась при запуске, окатив ребят осколками стекла и металла. Тут же послышались крики взрослых, и пацаны рванули прочь со стройки. Только перебравшись через забор, Ренат заметил, что воротник его свитера липкий

от крови.

А еще он потерял на стройке коллекцию Бомбибомов. Хуже того – чужую коллекцию Бомбибомов.

На перемене Ренат отловил у столовой Алекса из «А».

– Алекс, прости, я потерял твои Бомбибомы, – сказал он. – Я тебе редкими Турбами отдам.

Редкие Турбы были такими ценными, что шли за полные наборы других вкладышей.

– Все ок. Это уже не моя проблема, – небрежно ответил Алекс.

– В смысле?

– Я должен был пацану из «Е». Теперь с ним разбирайся.

В животе у Рената похолодело так быстро, словно там только что взорвался Сабзиро.

– Крапиве? – с ужасом понял он.

– Да, кажется. Такой маленький, волосатый и очень злобный. Похож на Челентано.

Ренат понадеялся, что Денис за него впишется перед Крапивой. Но Денис прогулял последний урок и скрылся. И когда Крапива поймал Рената в лестничном пролете между этажами, заступиться было некому.

– У тебя есть неделя, чтобы вернуть мои Бомбибомы, – объяснил Крапива.

От Турб он отказался. От настоящего Сеговского каттри-

джа со вторым Комбатом – тоже.

– Мне нужны мои Бомбибомы, – отчеканил он, а затем произнес самое страшное слово: – Счетчик.

Это означало что через неделю ему уже нужны будут две пачки бомбибомов. Потом три. А потом... потом Крапива нехорошо улыбнулся.

– Тик-так, тик-так, тик-так, – произнес он и закачал головой.

«Семь дней», – со страхом подумал Ренат. Бомбибомы уже давно никто не собирал, даже младшие классы. Выменять их было не у кого.

Оставался один выход – деньги. Нужно было купить кучу жвачек обязательно из разных блоков. Все их раскрыть и собрать полный набор.

Забыв в школе сменку, Ренат поплелся домой. Там он поужинал, не глядя в тарелку и не рассказывая о делах в школе. А в телевизоре кот Матроскин, словно на что-то намекая, произнес: «Чтобы купить что-то ненужное, сначала надо продать что-то ненужное».

«Верно!», – подумал Ренат и немедленно вспомнил про Фенимора Купера. Все пять томов его откровенно скучного (ни грамма фантастики и ни щепотки юмора) и бессмысленного эпоса об индейцах лежали на книжной полке. Но, к сожалению, на самом видном месте.

Этот пятитомник Ренату подарили на день рождения род-

ственники. Теоретически, это была его собственность. Но только теоретически. Если бы Ренат продал книги и купил на них вкладыши, у отца возникли бы вопросы. Он бы непременно сказал, что «книга – лучший подарок», что она развивает людей, а без книг «ты останешься оболтусом».

Конечно, Купера можно было тихо стащить. Это же его, Рената, книги. Но воровать – это плохо. Мало того, что читать не любишь, так еще и вор. У ренатова отца были старомодные взгляды на частную собственность.

Когда Ренат вернулся со школы, родителей не было дома. Чтобы не думать о плохом, он весь день провел перед телевизором. Показывали «До 16 и старше», ведущий Жора катался в немецком музее на макете Фалкора, дракона из «Бесконечной истории». Потом пел Газманов и еще какие-то люди в шинелях.

Он подогрел суп, пообедал, а ближе к вечеру свернулся в огромном отцовском кресле и пытался читать. Телевизор оставил включенным, чтобы не было страшно без родителей.

Неужели это и есть тот трагический выбор, какие встречаются в литературе, думал он. Стать вором или оказаться на счетчике.

Мать пришла чуть раньше отца и тут же побежала на кухню готовить ужин.

Потом они ели холодец с чесночными дольками, а отец рассказывал маме о работе, где только что кто-то сильно про-

воровался.

– Люди все говорят про хорошие времена, про плохие, – сказал он, – Но, по моему мнению, ничто не оправдывает воровство. Времена на самом деле всегда одинаковые, а все остальное – дело наших рук.

Потом он посмотрел на Рената.

– Вот в нашей семье никогда не было воров. Голодали, да. Но никогда не брали чужого. Или общего.

Уши Рената покраснели. Он почувствовал себя таким виноватым, словно совершил нечто страшное, например – украл книгу из библиотеки.

Ночью Ренат лежал в кровати, погрузившись в тяжелые, совсем не детские думы. Он представлял, как его ставят на счетчик. Как у подъезда караулит ватага страшных подельников Крапивы, почему-то всех маленьких и волосатых, как монстры из фильма «Зубастики».

И не заметил, как уснул. Ему приснилось что он бежит по бесконечному коридору, а над ним мерцают люминесцентные лампы. Как за ним гонится Крапива, чьи глаза горят холодным зеленым светом. «Тик-так, тик-так», – пронзительно шептал Крапива. А руки его становились все длиннее и длиннее...

В ночной тишине было слышно тиканье часов. Из-за занавесок мертвенно-желто светил уличный фонарь. Телевизор в родительской комнате давно молчал.

Тогда Ренат понял, что проснулся и что не сможет уснуть, если не решит проблему. Он встал и прошел босиком к креслу, где комком валялась одежда. Стараясь не шуметь, нашарил в тумбочке фонарик с динамо. Потом натянул футболку, свитер, вязаные носки, брюки. Ремень щелкнул громко, словно выстрел, и Ренату показалось, что родители вот-вот проснутся.

Очень медленно он вышел в коридор, там захватил дубленку, колючий шарф, сапоги и валенки. Придерживая язычок замка, аккуратно закрыл за собой дверь.

И, дрожа от холода, переоделся в промерзшем подъезде.

Ночь накрыла Рената лютой стужей. Обычно в Н-ске в метель становилось теплее, чем в ясные дни. Но сегодня зима нагрянула в начале мая, и с нею пришел пронзительный мокрый ветер.

До стройки было метров семьсот по прямой. Но это были очень длинные семьсот метров.

Утопая в снегу, Ренат шел по номинальной дороге. Потом вдоль забора садика с издевательским именем «Солнышко». Далее через парк, где было уже совсем темно, зато сугроб оказался ниже колена.

Недостроенный дом, к которому шел Ренат, пугал своим видом не только малышей, но и суровых двенадцатилеток.

Дом этот, по слухам, начинал строить некий банкир. Но его взорвали. Банкира, то есть. После него стройку продол-

жил вор в законе по кличке Шаман. Но его застрелили. Говорили, что тут теперь откроется гостиница, куда приедут туристы из столицы и из Америки, и привезут доллары и сникеры.

Но вместо богатых интуристов на этой стройке пока жили «бичи». Ренат узнал это слово от старших ребят. Бичи ему представлялись суровыми мужикам с замазанными сажей лицами и почему-то с кнутами в руках. Больше всего они походили на бастующих шахтеров из новостей.

«Они опустившиеся», – сказал как-то один из пацанов. И Ренат сделал вывод, что бичи выпрыгивают из-под земли. И как хлысть тебя кнутом!

Да, это была самая высокая и самая зловещая стройка в городе. Даже прошлым вечером Ренату пришлось набраться храбрости, чтобы пойти сюда с другими ребятами. Тогда их было четверо.

Ночью стройка выглядела уж совсем жутко. А Ренат теперь был совсем один.

Железный забор, который должен был охранять здание от детей, так замело, что тот превратился в покатую горку, хорошо утопанную детскими ногами в валенках, ботинках и маленьких пластиковых лыжах, которые недавно вошли в моду.

Ренат как раз переходил через забор, когда завывала собака. Он спохватился и понял, что стоит на вершине горки, и

его видно как на ладони. Снегопад прекратился, облака поредели, и сквозь них светила почти полная луна. Ренат тут же вспомнил фильм «Американский оборотень в Лондоне», и сердце его ушло в пятки.

Потом он взял себя в руки и зашагал к тому месту, где они еще недавно играли. Это был подвал.

Путь к нему лежал через середину здания, где сквозь пустоты на месте недостроенных потолков виднелось небо. Лестничные пролеты тоже были не достроены. Ренат стоял на первом этаже и смотрел на них снизу.

В этот момент небо окончательно прояснилось, и в лунном свете наверху обозначилась фигура. «Бич», – догадался Ренат.

Фигура стояла всего двумя этажами выше. Черная и какая-то кривая.

Всего секунду или две мальчик смотрел на нее, но этого времени ему хватило, чтобы представить самого страшного, жуткого, нечеловеческого бича.

Ренат выхватил из кармана фонарик и принялся быстро давить динамо. Мерцающий свет фонарика осветил лицо. И Ренат его узнал.

Это был Крапива.

И с ним было что-то не так.

Глава вторая

**Четырьмя днями ранее,
Понедельник, 2 мая 1994**

Рыбалка не удалась. Полищук уже сдувал свою новенькую резиновую лодку, когда нечто сияющее пронеслось над его головой. Яркое, как маленькое солнце, оно промчалось беззвучно, не оставив за собой ни топливного шлейфа, ни прочих улик.

Полищук зажмурился и посмотрел в небо. На юге, там, где скрылись огни, за деревьями стало подниматься зарево. Зеленое. Будто солнце сменило цвет и решило подняться с неожиданной стороны.

Когда Полищук вышел на дорогу, рядом затормозил Митсубиси Паджеро. Затемненное стекло машины открылось. Показалось квадратное лицо, возвышавшееся над бордовым пиджаком.

– Ты тоже видал?

Полищук кивнул.

Машина крутанула колесами, облив рюкзак Полищука грязью, и скрылась за поворотом.

Полищук отряхнул рюкзак, сложил в него лодку и закинул

груз на спину.

Казалось бы, к маю река должна была прогреться, и рыбы в такое время уже выползают из своих зимних берлог. Да и заводь подходящая, спокойная – лови не хочу.

Но все, что удалось поймать Полищуку, это два тощих язя. Они теперь лежали в целлофановом пакете, с которого созерцала тайгу чуть потертая Вероника Кастро.

Полищук посмотрел на часы. Паром отходил через час, но до него нужно было еще дойти.

Мужик вышел на дорогу и поспешил в ту сторону, откуда приехал джип.

Обладателя бордового пиджака звали Сидорович. Паджера была его седьмой машиной за три прошедших года. Дела Сидоровича пошли в гору с самого развала СССР, а то и чуть раньше. Да так круто пошли, что дома у него с недавних пор завелись весы, чтобы быстрее считать деньги.

Ребенком Сидорович не испытывал любви к музыке. На уроках музыки он прятался на задней парте, а когда нужно было петь гимн СССР, просто открывал рот.

Но именно музыка вознесла Сидоровича к невиданным высотам.

Именно через Сидоровича проходили вторые и третьи составы таких титанов эстрады, как «Ненси», «Комбинация» и даже младший брат самого Алексея Глызина.

У Сидоровича был личный шофер и охранник, молча-

ливый Рузбек, способный пальцами согнуть пятикопеечную монету. Он никогда не задавал лишних вопросов и исполнял самые деликатные поручения.

Рузбек ждал Сидоровича как раз на даче, куда тот ехал. А больше никому Сидорович не доверял. Их дружба была скреплена не общей любовью к Шнитке, Микеланджело и поэтам Озерной школы, а кровью.

Приемник в магнитоле Паджеры поймал местную радиостанцию:

«— Прошел праздник, важный как для верующих, так и для атеистов. Не хочется загонять всех в сухие статистические рамки – у нас много и тех, и этих. Наш сегодняшний гость – Михаил Заволинин, рабочий завода КБНЗ-ЦБУ. Скажите, Михаил, как вы встретили светлый праздник Воскресения Господня?»

– Я человек неверующий, и в воскресенье отмечал День солидарности трудящихся. Другое дело – как! Обидно мне за народ... Шарахаемся друг друга, а вот объединиться бы нам, да...»

Сидорович переключил волну, и салон Паджеры окутал «Дым сигарет с ментолом».

– О! – сказал себе Сидорович. – Мои поют!

Он не заметил, как начал сыпать снег. В начале мая тут такое случалось. Бывало, что и в июне, после короткой оттепели, вдруг начиналась метель.

Бизнесмен проезжал мимо дачных домиков. Большинство

из них были железными вагонами, в которых 15 лет назад жили строители города, а теперь их оприходовали местные бюджетники для своих летних нужд. Домики ласково называли «вагончиками».

У некоторых были парники, и по слухам, счастливым удавалось выращивать там помидоры, не хуже азербайджанских.

Свою родную дачу Сидорович называл буржуазным словом «фазенда». Та стояла в нескольких километрах от домиков местной черни, отгороженная лесом и высокой бетонной стеной. Поверх стены шла колючая проволока.

В одном таком «вагончике», мимо которого проехала Паджера, как раз в этот момент копалась в грядках учительница русского и литературы из школы номер 24. Звали ее Людмила Евстафьевна. Та самая, что отличалась дотошностью в деталях, когда дело касалось Лермонтова.

Начавшийся снегопад ей, как и Полищуку, тоже пришелся совсем некстати. Она приехала утром, чтобы достроить теплицу для своих кабачков. Привезла с собой полиэтилен и доски. Но внезапно выпавший снег положил конец ее планам.

Людмила Евстафьевна хотела грязно выругаться, но, будучи учительницей русского и литературы, молча накрыла свежие грядки все тем же полиэтиленом и вошла в дом.

ТО ЛИ ГРОЗА, ТО ЛИ ЭХО «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

У нашей редакции появились вещественные факты, доказывающие, что упавший вчера объект вовсе не является метеоритом.

Но начнем по порядку.

Ученые всего мира давно говорят, что в ближайшие тридцать лет ожидается глобальное похолодание, связанное с истончением озонового слоя и парниковыми газами. Немалую лепту в будущий катаклизм вложил и СССР со своей тяжелой промышленностью. Но надо задаться вопросом, а не стоит ли за надвигающейся катастрофой что-то еще.

Ученый Пезуанского университета в Гимарайни (Португалия), Аврелио Августуш Бондиуш высказал недавно предположение, что за похолоданием может стоять долго и планомерно выстраиваемая линия искусственных спутников Земли, запущенных Великими Державами в период Холодной Войны. Спутники эти имеют целью сконцентрировать воздушные потоки так, чтобы они остудили поверхность планеты в стратегических участках на территории противника, чем вызвали бы неурожай и голод.

По его расчетам, только над северным полушарием вра-

щается по меньшей мере 14 американских спутников, 7 советских и 3 китайских.

Читатель может спросить: а разве «холодная война» не закончилась?

Война-то закончилась, но бюрократия осталась. Как считает ученый, из страха наделать шуму ни одна из сторон не желает сбить однажды запущенные собственные «Спутники Смерти». Иначе мировая общественность узнает, что, помимо атомного оружия, ястребы Войны Держав разработали еще и метеорологическое. А такого скандала не выдержит ни одна демократия современности (включая нашу).

Вот и приходится политикам всего мира делать вид, что ничего не происходит. А тем временем на планете становится все холоднее и холоднее.

Таким образом, мы считаем закономерным, что внезапно наступивший вчера мороз (какого не фиксировали с 1979 года) совпал с падением так называемого «метеорита». И мы уверены в том, что это вовсе не небесный камень, а вполне земное оружие. Вопрос только в том, успеет ли наш корреспондент добраться до места крушения до того, как это сделают спецслужбы.

«Сибирь Секретная». 3 мая 1994 года.

Понедельник, 2 мая 1994

А снег все шел и шел, накрывая пригороды Н-ска, с его железными бараками, дорогами и грибными тропами. Становилось все холоднее. Солнце медленно проползло над кромкой деревьев, норовя в любой момент скрыться за ними. И когда это наконец случилось, тогда и грянул настоящий мороз.

Людмила Евстафьевна любила свой славный «вагончик». Тут у нее стоял письменный стол и были самодельные (сын смастерил!) полки для книг. А на этих полках (что главное) ни единого школьного пособия! Вместо них в своем уютном убежище Людмила Евстафьевна хранила исключительно книги и журналы по садоводству. Эта женщина умела отделять работу от трудового отдыха.

То был ее собственный маленький мирок. И она гордилась тем, что по линии КБНЗ-ЦБУ провела в него телефон.

Но когда пришел холод, телефон захрипел и умер.

Она положила трубку, вздохнула и с тоской взглянула в окно, за которым царил кромешная белизна.

Вьюга была в самом разгаре.

До парома идти около часа. А вернуться домой надо сегодня, потому что завтра начинается школа. И вообще, на носу опрос, а за ним сочинение по «Герою нашего времени».

Она оделась, вышла на улицу и зашагала вдоль обочины.

Была еще надежда, что кто-то из возвращающихся в Н-

ск подберет ее по дороге. Так бывало раньше – стоило ей пройти половину пути, как кто-нибудь окликал ее: «Людмила-Естафна, давайте подвезу!». И подвозили. Ее знала половина города.

Но в такую метель учительницу могут и не заметить. Да и машин меньше. Кто-то переждет ночь на даче и вернется в город завтра, когда снегопад закончится. И если так, то ей придется добираться до парома пешком.

Людмила Евстафьевна была невысокой, но крепкой женщиной, чье тело состояло не только из жира, но и хороших мускулов. Она всегда считала себя выносливой, способной и за огородом присмотреть, и вернуться в город, и тем же вечером проверить двадцать пять диктантов.

В пути она считала время.

До парома сорок минут пешком, там еще минут пятнадцать ждать, пока он отойдет. Десять до остановки автобуса. Потом на автобусе до дома. Итого...

Она шла, и видела, как справа от нее садится солнце. Последние его лучи окрасили красным половину ее лица.

Когда солнце скрылось, небо оставалось светлым. Таким оно и будет еще по меньшей мере час или два, потому что на дворе май. В Сочи, где двадцать лет назад жила тогда еще юная Людмила, сумерки наступали быстро. В Н-ске, куда она попала по распределению, все было иначе. Тут у нее есть время добраться до парома, прежде чем на дорогу выйдут волки. Волков она никогда не видела, но знала, что они где-то

там, в лесу.

Итого... Нет... А если паром только отъехал, значит полчаса ждать. Итак, сорок минут, плюс полчаса, плюс десять...

Она ужасно боялась волков. В 1956-м, совсем еще маленькой, они с бабушкой ездили в Москву, и когда пошли там в зоопарк, она увидела огромного-преогромного волка. Он был в холке выше нее, и не серый, а какой-то седой. Волк был похож на Акелу, но только очень страшный. И он без стеснения пялился сквозь решетку на маленькую Люду.

Люду-Люду Людусю волчик ам.

То, что вышло на дорогу, не было волком.

Нет, оно не вышло, а выползло. Вытекло. Маленькое, черное.

Как капля чернил, текущая по белому листу.

И «Людуся» закричала.

Сидорович сидел за дубовым столом и при свете настольной лампы рассматривал фотографии девушек. Одной из них предстояло стать вокалисткой третьего состава группы «Барбетки».

Первый состав работал по крупным городам, а покровительствовали им настоящие киты шоу-бизнеса, за которым стояли «солнцевские». С такими Сидорович тягаться не мог.

Второй состав работал по зажиточным местам – Тюмень, Куйбышев, то есть Самара. За ним тоже стояли серьезные

люди.

Хотя слава «Барбеток» отгремела в далеком (по меркам шоу-бизнеса) девяносто первом, в Н-ске их еще любили. И Сидорович выбил себе право покатать по региону местных девушек, похожих на оригинальных.

Он начинал с наушников и магнитофонов Panasoanic, Samsing, SQNY, и всего за два года дошел до живых людей. Пришел к успеху.

К фотографиям прилагалась кассета Nina, на которой девушки пытались петь. Он их всех прослушал еще час назад.

Сидорович не сразу понял, что ему мешает. И вслушался.

Бум.

Звук был таким, будто в окно ударил мягкий снежный ком. Через несколько секунд звук повторился.

Бизнесмен посмотрел в окно и в надвигающихся сумерках увидел лишь высокий забор собственной фазенды. Никого там не было, да и быть не могло. Тут на десятки километров вокруг не водилось детворы. Волки – да. Дети – нет.

Снег за окном казался голубым.

Постучался Рузбек. Сидорович разрешил войти.

Едва Рузбек зашел, звук повторился.

– Это там, – сказал Рузбек. – Я за стволом.

И охранник пошел за наганом.

Сам Сидорович предпочитал ТТ, который подарил ему знакомый майор. Хотя на самом деле не любил оружия и почти не умел им пользоваться. Но когда снаружи ударило еще

раз, бизнесмен уже надевал шубу и сапоги.

Еще удар.

Сидорович вышел на крыльцо. Отсюда удары слышались уже совсем отчетливо. Они стали громче. Казалось, кто-то всем телом бросается на металлические ворота. Звук шел оттуда.

Бум.

Мужчина проверил магазин пистолета и пошел к воротам. «Да что ж это я так психую?! Наверное, кто-то там замерз, вот и ломится в чужой дом», – подумал Сидорович, но крепче сжал пистолет.

– Чего надо?! – крикнул он. Сидоровичу не понравился собственный голос, вялый как у НИИшника.

Ответа не было.

Бум.

– Медведь, хозяин, – сказал Рузбек, – как пить дать, медведь.

Хорошо, что Рузбек рядом. Верный, надежный друг и товарищ. В нашем деле таких мало. Интересно, почему.

Бизнесмен давно собирался поставить камеру внешнего наблюдения, но руки все не доходили. Дом, то есть фазенду, достроили всего полгода назад. Даже внутреннюю отделку не везде закончили. В сауне вот вода не идет. А столько денег на нее вбухано.

Сидорович сделал несколько шагов к воротам, когда его окликнул охранник.

– Хозяин, давайте я.

– Стой тут.

Да что я, интеллигент, что ли? Медведя испугался? Весь город и так мой, а я боюсь. И кого? Алкаша или зверя.

На черных железных воротах блеснул огонек. Сидорович подошел, всмотрелся. Но на той стороне не было никого. Только дорога да пелена метели, а за ней угадывались очертания леса.

Бум.

По воротам ударило так, что холодный металл треснул бизнесмена по лбу. От неожиданности тот отпрянул, ноги застряли в свежем сугробе и Сидорович опрокинулся на спину.

– Я сейчас! – сказал Рузбек, и Сидорович услышал, как сапоги охранника захрустели по снегу.

Сидоровичу вдруг стало смешно от нелепой ситуации. Он, хозяин этого города, лежит на снегу, ударившись башкой о собственные ворота. Страх пропал. Бизнесмен смотрел, как снежинки падают ему на лицо, а чуть левее светит над калиткой фонарь.

И небо такое белое и ровное.

Свет фонаря перегородил черный силуэт.

Но это был не Рузбек.

Полицук совсем замерз. Он был в резиновых сапогах и,

несмотря на два слоя шерстяных носков, пальцев на ногах уже не чувствовал. Верно говорят, что пока ноги в тепле – холод не страшен. Но стоит обуви прохудиться, или, не приведи Господь, промокнуть, то все – пиши пропало.

В отличие от большинства, приехавшего в Н-ск после 80-го за северными льготами, Полищук тут родился. Он помнил суровые годы, холодный май 79-го, а до того – 64-го. Тогда снега высыпало видимо-невидимо. И когда где-нибудь в Сочи или Баку уже загорали на пляже, он еще надевал вязаные носки, сапоги, а поверх них валенки. Потому что на Севере ноги надо беречь.

А ведь утром стояла жара, от заводи шел душный запах прелой травы. Мох у дороги порыжел на солнце. Но внезапная метель пришла с такой силой, что мокрый рюкзак примерз к куртке.

Нет, брехня это, что алкоголь согревает! Полищук по телевизору услышал от американского, заметьте, врача, что при этом кровь приливает к коже, и потому только кажется, что ты греешься, а на самом деле ты замерзаешь. Полищук не верил местным врачам, но доверял американским, особенно тем, кого показывают по телевизору.

А, ну еще Чумаку, он мужик умный, вон очки носит.

Скоро впереди сквозь метель должна показаться башня электрической подстанции. А еще чуть дальше стоял паром. Он числился на балансе КБНЗ-ЦБУ и потому ездил через

речку, даже если на борту был только один пассажир.

Наверняка кроме него остались еще люди, кто в этот внезапно накотивший мороз спешил вернуться домой.

Спина Полищука промерзла так, словно не было на нем ни куртки, ни свитера. Усы рыбака покрылись инеем. Ветер дул сбоку, и правая сторона лица постоянно замерзала. Полищук боялся отморозить щеку и потому все время ее тер. Нет ничего хуже холодного и мокрого ветра.

Дома Полищука ждала родная будка, задняя стена которой прижималась к тепловой станции, поэтому в любой мороз было хорошо и уютно. Там под полками со жвачками и сникерсами есть печка, а на печке всегда стоит чайник. Голубенький такой, железный. А к нему чай с шиповником, который Полищук привез прошлым летом с юга. Вот бы оказаться там прямо сейчас.

Конечно, Полищук уже в свою будку не вернется. Точнее, он уже не будет тем старым добрым Полищуком. Но сам он этого еще не знал.

И разумеется, Полищук так и не увидел сквозь снежную пелену вышку подстанции. Он все шел и шел и уже было решил, что заблудился. Возможно, так оно и было, но какая теперь разница. Ведь по пятам за Полищуком ползло нечто. В белой мгле оно казалось черным и бесформенным, словно чернильная клякса, текущая по белой бумаге.

Солнце пропало совсем, но небо еще серело, когда чудо-

вище в обличье Полищука вышло к причалу.

Потом они плыли на пароме вдвоем – монстр и пацан, что сидел у противоположного выхода и всю дорогу читал книгу, так ни разу и не взглянув на существо, которое еще совсем недавно было человеком.

Существо не знало, что до этого момента мальчик никогда в жизни книг не читал. Да и сейчас тоже.

Глава третья

Пятница, 6 мая, 1994

Если уж быть совсем честным, до этого момента Крапива по-настоящему был напуган целых один раз. Это случилось год назад, когда он ночью посмотрел «Проклятие долины змей». Фильмы ужасов его никогда не ужасали.

Один умный пацан в школе заметил, что у Крапивы, наверное, в мозгу не хватает чего-то, отвечающего за страх. «Ты меня дегенератом назвал?», – сказал на это Крапива и разбил тому очки.

На самом деле Крапива страшно собой гордился.

Крапива не собирал карточки с Брюсом Ли и Ван Даммом. Не ходил на секции карате, ибо знал, что в настоящей драке никогда не нападают по очереди.

Кумирами Крапивы были авторитеты, которые крышевали ларьки.

У этих людей было уголовное прошлое.

У Крапивы – уголовное будущее.

– Ты что, приуныл типа? – спрашивали его в школе пацаны.

Он злился, посылал их, но понимал: если так пойдет даль-

ше, он растеряет весь свой авторитет. А сколько крови (в основном, чужой) было пролито, чтобы его заработать.

Если бы пацаны узнали, как их вожак напуган, как он не высыпается уже которую ночь, они бы не поняли.

«Пацаны не поймут», – повторял он себе, когда не было сил терпеть, и хотелось хоть с кем-то поделиться.

Но Крапива знал, что настоящий пацан должен терпеть.

А когда терпеть не могу, нет ничего лучше, чем отыгаться на слабом. Например, на вот этом.

– Эй, ты чего? – спросил Ренат, когда Крапива задел его плечом в очереди в столовую.

Крапива вспомнил недавний выпуск «В гостях у сказки», и покрутил пальцем перед глазами Рената.

– Должок!

– Какой должок? – не понял Ренат. – Я Андрею из «В» должен Бомбибомы. А ты точно на него не похож.

Ренат не понял, что сболтнул лишнего (с ним это часто случалось), и Крапива этим воспользовался. Он запомнил.

На следующей перемене Крапива нашел того самого Андрея из «В» и всучил ему пачку Турб.

– Это тебе за Бомбибомы, которые вчера потерял Ренат. Теперь он должен не тебе, а мне.

– Но Турбы дороже.

Это была правда. Бомбибомы стоили 100 новых рублей, Турбы – 150. Андрей быстро понял, что стал звеном ка-

кой-то стремной схемы, но уж больно ценным подарком были Турбы. Мальчик спрятал вкладыши в карман и посмотрел на Крапиву. Надо бы сказать «Спасибо», но ведь перед ним Крапива, самый мерзкий тип среди семиклассников.

– Просто считай, что тебе повезло, – сказал Крапива и пошел прочь.

Потом он подкараулил Рената в столовой и шепнул в ухо: «Семь дней, мой мальчик. Осталось семь дней». Ренат вскочил, и его вареная котлета, состоящая из хлеба и жира, шлепнулась об пол.

На уроке физики Ренат нашел в парте записку, оставшуюся от класса «Е», у которых только что был тут урок: «Я тебя выцеплю. К.»

Позже Крапива снова поймал Рената, уже в коридоре, прижал к стенке и негромко сказал:

– Часики тикают. Счетчик. Тик-так, тик-так...

Новое развлечение немного успокоило Крапиву. Но ночью страхи вернулись с прежней силой.

Раньше он не боялся темноты, но сегодня лежал и наблюдал, как на потолке шевелятся тени деревьев, и слышал, как у соседей за стеной кто-то смотрит «Байки из склепа».

Он помнил фильм, где главный герой постепенно превращается в муху. А Крапива ужасно боялся, что превращается в лоха.

«Лохов щиплют», – повторял про себя Крапива. У лохов отбирают деньги, которые те припасли на видеосалоны, где

крутят «Бесконечную Историю», «Говарда – утку», «Полет навигатора» и прочую шушеру для детишек.

Он не хотел превращаться в муху. В лоха.

В те же дни, между понедельником второго мая и пятницей шестого, пока Крапива страдал и думал о бандитской карьере, еще одно существо выползло из леса.

Ему не нужен был ни Полищук, ни Сидорович, ни учительница русского и литературы. Оно было разборчивее.

Оно добралось до города по дну реки, и всю рабочую неделю пряталось в темных углах, в подвалах, между трубами теплотрассы.

Оно изучало и выбирало.

В «Детском мире» тварь долго смотрела на охранника. А охранник, пользуясь служебным положением, смотрел «Дикую орхидею» на видеомagnитofоне, снятом с витрины, и самом дорогим телевизоре, выставленном на продажу.

В книжном магазине «Зазнайка» охранник спал. Уличив момент, пришелец принялся читать книги. Он хотел изучить мир, в который пришел. После нескольких историй про драконов и рыцарей, звездолеты и бластеры, он понял, что ему что-то недоговаривают.

Тогда существо обратилось к журналам и газетам, прочитало «Совершенно секретно», «Ровесник», «ТВ Парк» и кое-

что еще. После серии детективов «Выход Перекошенного», «Месть Перекошенного», «Перекошенный против Рябого» и «Перекошенный наносит ответный удар», оно знало о людях все что нужно.

Оставалось только одно – принять подходящий облик. Но он был разборчив, и умел ждать.

Понедельник, 2 мая

А началось все в тот день, точнее, вечер, когда Крапива возвращался в Н-ск.

Крапива был в лесу по очень важному бандитскому делу. Внезапная метель почти разрушила планы. Но Крапива все же встретился с нужными людьми и теперь возвращался домой, убегая от той самой выюги, что накрыла Людмилу Евстафьевну, Сидоровича и Полищука.

Мальчик спешил к причалу, когда увидел человека с рюкзаком на спине, что шел впереди. Человек вдруг остановился, затем нагнулся будто что-то искал в снегу, а потом так и нырнул в сугроб вперед головой. Но это было еще не самое страшное.

Крапива успел лечь на землю, когда увидел, как над человеком поднялась черная тень и накрыла его. Мужчина с рюкзаком превратился в большую черную каплю. Она пуль-

сировала и ходила волнами.

Крапива слышал крики мужика, которые вскоре превратились в монотонный вой, а потом вдруг в шелест. Да, в настоящий шелест, словно вокруг был не заснеженный лес, а осенний парк где-нибудь в теплом Подмосковье (Крапива побывал там однажды).

Теперь Крапива лежал в снегу и прижимал к себе сумку. В сумке у него был ценный груз в виде качественных негативов с Доном Драконом Уилсоном, Майклом Дудиковым и прочими каратистами для лохов. Все они были вложены в книгу про «Капитана Блада». Но книги, как известно, читают только лохи.

Капля перестала пульсировать и вновь обернулась человеком. Тот, как ни в чем не бывало пошел в сторону парома, а Крапива смотрел ему вслед. Что-то не так было с этим человеком. Не сразу Крапива понял, что именно, – его колени сгибались не в ту сторону.

А потом стало совсем плохо. Крапива понял, что замерзает. Он был в обычной тонкой куртке и даже без шапки. И сквозь кроссовки Adibas уже не чувствовал пальцев ног. Останься мальчишка здесь, тут бы и наступил ему конец. Настоящий мороз придет ночью. А значит, надо идти на последний паром.

Вот это и было самое страшное. Потому что на последнем пароме не оказалось пассажиров, кроме этого мужика с рюкза-

заком. Точнее, твари, что поселилась внутри него.

Паромщик всю дорогу сидел у себя за стеклом и вообще в их сторону не поглядывал. Так что если бы тварь попыталась вселиться и в Крапиву, то никто не смог бы ей помешать. Паромщик бы даже этого не заметил.

Дорога от одного берега до другого оказалась самой длинной в короткой жизни Крапивы. Двадцать минут растянулись до бесконечности.

Чтобы чем-то занять себя и не выдать страха, Крапива сделал самое ужасное в своей жизни: начал читать. Книгу он не в первый раз взял из дома и часто использовал в качестве кошелька. Там удобно было прятать деньги. Если класть купюры или пленки с героями по одной, и заталкивать их поближе к корешку, то и обнаружить их нелегко, если, конечно, заранее не знать, что они там.

«Приключения капитана Блада», – прочитал Крапива по слогам.

– Читают только лохи, – одними губами произнес он.

Если бы пацаны увидели его читающим, они бы не поняли.

Глава четвертая

Ночь на субботу, 7 мая 1994 года

Вообще, если совсем честно, Крапива был лишь самую малость мельче Рената. Но уж больно свирепый. Если обычного человека ударить, его естественное желание – уйти от боли. Боксеров на тренировках специально учат контринтуитивному – идти ей навстречу. Крапива обходился без учебы. Врежь ему – он не отступит.

В ту ночь Ренат направил фонарик вверх и увидел Крапиву. Тот, чуть ссутулившись, стоял на самом краю недостроенной лестницы. Маленький, злобный и чуть настороженный. В этот момент он походил на детеныша оборотня.

– Отцепись, Крапива, – сказал Ренат. – Чего пристал? Что тебе надо на самом деле?

Рената охватило отчаяние, а когда такое происходило, он предпочитал разозлиться, чтобы не заплакать.

– Вали отсюда, – просипел Крапива.

– Твои бомбибомы здесь. Я их найду и тебе отдам.

– Не нужны мне бомбибомы. Я прощаю долг, только вали быстрее.

Ренат хотел было уйти, и с удовольствием. Вот прямо сейчас. Он уже сделал пару шагов назад, к теплому дому и безопасности.

Но Крапива что-то скрывал, да и говорил сегодня тише обычного. Крапива – он и есть Крапива. Наверняка надумал что-то недоброе. Он был известен тем, что никогда ничего не прощает.

– Я не уйду, – сказал Ренат. – Буду здесь стоять хоть до самого утра.

– Да тише ты! Чего разорался?

Крапива бросил взгляд за спину, продолжая стоять на недостроенном лестничном пролете в двух метрах над Ренатом. Над ними сквозь тучи и недостроенную крышу светила луна.

Он выглядел озабоченным, может, даже немного напуганным, или это Ренату только показалось. Так или иначе, но отличник набрался храбрости.

– Щас спою, – сказал Ренат, вспомнив мультфильм про волка.

У Крапивы всегда было плохо со страхом. Он сиганул вниз, и если бы под ним был бетонный пол, он бы сломал или вывихнул ногу. Но тут он оказался почти по колено в снегу.

Как молния он рванулся к Ренату и двинул его в нос. Тот упал, а Крапива повалился на него сверху.

– Заткнись, заткнись, заткнись, – засипел Крапива в ухо Ренату и не давал тому подняться.

Тогда Ренат действительно испугался. Здесь был еще кто-то, кого боялся даже Крапива. Ренат попытался вырваться, и они покатались по снегу.

– Все, все, прекрати, – сказал Ренат, пока они крутились. – Я ухожу. Отпусти.

Крапива отпустил. Луна к тому времени вновь ушла за тучи, а фонарик валялся рядом в снегу и не работал, потому что никто не нажимал на рычаг динамо.

Было совсем темно, и в этой темноте они оба слышали, как что-то шуршит.

Они встали и прижались к холодной стене.

– Не шурши, – шепнул Крапива.

– Это не я шуршу, это ты шуршишь.

– Стой, не двигайся.

– Ты же сказал, чтобы я уходил.

– Будешь идти, и они услышат, как ты шуршишь по снегу.

«То уходи, то останься, – думал про себя Ренат, – что не так сегодня с Крапивой?».

– Это бичи, да?

Ренат вспомнил как опытные сталкеры говорили, что самый страшный бич обитает в самом основании строящегося дома, где пролегает теплотрасса. Насчет того, как выглядит этот бич, источники разнились. То он был похож на Шредера, то на второго босса в Баттлтодс. Но в эту минуту Ренат представил себе бича похожим на Фредди Крюгера.

– Я, пожалуй, пойду.

– Никуда ты не пойдешь, – Крапива вцепился в Рената. – Они найдут тебя и...

– И ч-чего... – у Рената задрожал голос.

– И это будешь уже не ты.

Крапива схватил Рената за руку и потянул за собой.

– Теперь у тебя только один вариант, – сказал он, – идти за мной. Ты должен увидеть это своими глазами.

Они пошли вдоль внутренней стены здания, где снега совсем не было, и потому получалось идти почти бесшумно. Потом свернули за угол и оказались у лестничного пролета, который исчезал наверху во мраке.

– Я фонарик там на полу оставил, – сказал Ренат.

– Забудь о нем, – ответил Крапива. – Его уже нет.

Они стали подниматься в полной темноте по лестнице без перил. Ренат все прижимался к стене, а Крапива держал его за рукав и тащил за собой.

– Мне никто не поверит, понимаешь, – говорил Крапива. – Я знаю, что они думают, что я сдулся. А они не видели то, что видел я. Любого бы кондрашкахватила, но не меня. Я ничего не боюсь.

Он еще несколько раз повторил что не боится, но Ренат чувствовал, что это неправда.

Вскоре над ними блеснула полоска света. Ступени стали видны, и ребята ускорились.

Они поднялись еще выше и оказались у квадратной щели на уровне пятого или шестого этажа. Ребята заглянули в проем и увидели под собой недостроенную площадку внутри здания, и на этой площадке стояли трое.

Лиц не было видно – только силуэты. Один принадлежал тощему мужику, второй был значительно шире и выше, с широкими плечами. Еще на площадке была невысокая полноватая женщина. Ее фигура показалась Ренату смутно знакомой.

Они стояли друг напротив друга и шуршали.

Да, больше всего это походило на шуршание. Словно они мяли пальцами пакеты. Только на самом деле ничего в руках у них не было.

– Бичи, – выдохнул Ренат.

– Никакие это не бичи. Гляди.

Тот, кто был тощим, прямо у них на глазах еще больше похудел. Шея его медленно вытягивалась и стала совсем длинной. Голова поднялась над плечами на добрый метр и начала раскачиваться из стороны в сторону.

– Это Нечто, – заметил Ренат.

Фильм «Нечто» показывали в видеосалоне полгода назад. В нем была самая жуткая сцена, когда у мертвого полярника живот превратился в огромную челюсть. Ренат помнил, как сидел в тесном зале, и в тот момент кто-то рядом в темноте от неожиданности громко пукнул, а в заднем ряду вскрикнула девочка.

Ренат с Крапивой пробирались обратно мимо ворот сада «Солнышко». Крапива все время оглядывался, хватал Рената за руку, тянул за собой или останавливал. Он выглядел растерянным, усталым, почти взрослым. Порой он держал Рената, но не как школьный хулиган, а как малыш держит за руку старшего брата. Ренат чувствовал к нему теперь только жалость.

Они держались мест, где не светили уличные фонари. В тени девятиэтажки Крапива остановился и посмотрел на Рената почти с мольбой, словно ждал определенного ответа. Он сказал, что одному ему не поверят, да и им двоим тоже. Нужны доказательства.

– Ты ведь понимаешь? Да?

– Да, я понимаю, – ответил Ренат неохотно.

– Слушай, насчет долга, – Крапива замялся. Слово пацана о том, что кому-то долг прощен, нельзя было нарушать, – Помоги мне, и я...

Тут Ренат неожиданно для себя пообещал, что на следующую ночь вновь придет на стройку. Он пообещал притащить с собой фотоаппарат с пленкой высокой светочувствительности. Они сделают фото и покажут другим. И это будет лучшее доказательство.

– Они же не двигаются, так что смаза не будет, – сказал Ренат. – Я поставлю «Зенит» на максимальную выдержку или даже на «В». И мы сможем, если повезет, разглядеть на фотке лица.

– Только никому не говори, пока не получим фотки. Никто не должен подумать, что я трус.

– Так никто и не...

– Заткнись, или еще раз в нос дам.

Крапива жил на Первомайской, а Ренат – дальше, на Дзержинского.

Они остановились у подъезда Крапивы и попрощались. Ренат повернулся, чтобы уйти, но Крапива его окликнул.

– Ладно, я могу тебя проводить до дома.

– Что меня провожать? Что я, девочка, что ли?

И Ренат пошел один. В подъезде он долго стряхивал с себя снег, чтобы потом дома не натекла лужа. Это (плюс сонное

лицо утром) наверняка бы его выдало. Пока чистил одежду, Ренат останавливался и прислушивался, не открывает ли кто-то из соседей дверь. Но никаких звуков не было, кроме шума ветра.

А уже в своей комнате, раздевшись, Ренат посмотрел на часы. Половина третьего. Значит, можно еще выспаться.

Хотя как уснуть после всех ужасов, что он увидел. Столько осталось вопросов. И еще было огромное желание разболтать все Денису. Нет, уснуть никак он не мог.

И уснул.

Глава пятая

ОСИН ПРЕДПОЧИТАЕТ КЛЕШ

В гардеробе всенародного певца много штанов, но он предпочитает клеш. Особенно – джинсы.

Любовь к «джинсе» у Жени Осина началась давно (лет 10 назад), когда та была в дефиците. Однажды он узнал, что в магазине «Людмила» «выбросили» «джинсу», почти «фирмовую», и понял, что надо брать. Стоять в очереди за американской мечтой пришлось долго – всю ночь. Молодые советские модники жгли костры чтобы согреться, писали на руках номера. Но мечта сбылась. Обновка оказалась продуктом известной в узких кругах индийской фирмы «Раджеш», да и к тому же 56-го размера.

По счастью, друг Жени учился в швейном техникуме и с легкостью перешил брюки под изящного, миниатюрного Осина. Да так, что и на хиповую безрукавку материала хватило.

«Орда Бурда». Казань. 30 апреля 1994

Пятница, 6 мая, 1994

В этом мире, где девочке двенадцати лет не хватало шмоток, проще всего было считать себя панком.

У Алены были единственные джинсы, которыми она страшно гордилась. Это были настоящие «Мальвины». Они и стали основой ее выходного гардероба.

Отец никогда бы ей не купил хорошую модную одежду. А эти джинсы прислала ей тетя из Питера. Алена с любовью вспоминала тот день, когда джинсы, аккуратно завернутые в трубочку, лежали в стандартной фанерной коробочке. Папа назвал их барахлом.

Но это было лучшее барахло на свете. И самое модное, единственно модное, что было у Алены.

Когда ручка протекла в ее кармане и образовала большое синее пятно, Алена сначала расстроилась. А потом решила, что она – панк.

Она взяла другую ручку и разукрасила джинсы надписями на английском, которые, по ее мнению, имели отношение к панку. А самым важным было слово SEX.

После этого пятно от чернил уже не сильно выделялось.

Когда джинсы порвались на одном колене, она сама разрешила их на втором. Очень аккуратно.

У Алены был плакат Sex Pistols, хотя она их никогда не слушала. Даже не слышала.

Был у нее и

безымянный магнитофон, который назывался просто Stereo, хотя на самом деле был моно, о чем тогда Алена не знала, потому что ей не с чем было сравнивать.

А из иностранных исполнителей на ее кассете была только Кармен.

По крайней мере, они пели с акцентом, и в конце каждой фразы у них шло «йеааа» – верный признак, что группа неместная.

Магнитофон Stereo жевал кассеты, так что, слушая песни, она всегда на него поглядывала. Эта привычка дошла до автоматизма.

Алена была панкершей, потому что в классе были другие девочки, у которых было все. Даже розовые лосины.

А когда ты панкерша, можно прийти в джинсах и папином свитере. И никто не подумает, что тебе не покупают нормальную одежду.

В предыдущей школе Алена была изгоем. Год назад, когда все стало совсем плохо, отец (хоть что-то полезное сделал) перевел ее в новую. Тогда Алена твердо решила, что никогда не окажется в прежнем положении. А значит, нужно правильно позиционироваться.

И Алена притворилась чокнутой панкершей. Потому что

одно дело, когда ты – чучело. И совсем другое – чокнутое чучело.

Был урок физики. Регина Олеговна, известная как «Рентгена», рассказывала о силе тяжести, когда обнаружила, что Люда ее не слушает.

– И чем мы тут занимаемся? – спросила она. Но Люда ее даже не услышала.

Девочка читала книгу и не заметила, как в классе наступила полная тишина. Не увидела она, и как Рентгена подошла.

Училка захлопнула ее книгу собственной рукой.

Люда подскочила так, что чуть не перевернула стол. А это было вполне возможно, потому что Люда в свои двенадцать была здоровенной. Конечно, кличка у нее была «лошадь», а иногда «лошара». Ни у кого из девочек не было кличек, кроме нее.

А еще она была неуклюжей и витающей в облаках. Посади Люду у окна, и она найдет там массу интересного – жучков-паучков, дворника на улице, птичек, деревья. Даже начнет рисовать.

Алена порой понимала, что не будь Люды, то объектом насмешек стала бы она. Это было верное наблюдение, но немного подлое, потому что Алена была благодарна Люде за то, что та такая, как есть.

– Я книгу читала, – сказала Люда, – Ахматову. Вот.

Она перевернула книгу обложкой вверх.

– Что ж, – сказала учительница, – Тогда почитай нам.

Люда никогда не понимала, когда кто-то шутит или говорит что-то на полном серьезе. В этом и была ее проблема.

Она стала читать. А дети – смеяться. Даже училка улыбнулась.

Хуже всего – когда учитель принимает участие в гнусности. Тогда все прочие наглеют. Раз уж старший позволил, значит и нам можно.

Вроде бы ничего, посмеялись. А у человека, может, шрам на душе на всю жизнь.

– Ну ладно, все. Хватит, – сказала Рентгена, а потом посмотрела на Люду, – Такое происходит уже не в первый раз. Как ты думаешь, почему?

Люда ничего не ответила. Она просто стояла и смотрела на класс.

– Ты витаешь в облаках. Ты как будто где-то не здесь. Так нельзя, девочка.

– Я больше не буду, – сказала Люда.

– Не уверена, что у тебя получится. Но мы постараемся тебе помочь, – ее голос вдруг стал ласковым, хотя глаза оставались холодными. – Вопрос в том, может ли человек измениться. Со временем, с возрастом.

– Я вот читала про Рембо, – сказала Люда. – Он сначала писал стихи, а потом перестал.

Кто-то засмеялся, поставив неправильно ударение в фамилии поэта. А потом весь класс принялся обсуждать, может ли человек измениться или нет. Они полезли ей в душу – без спроса и всем классом.

Вместо того, чтобы обсуждать силу тяжести, они обсуждали Люду.

Это была какая-то особая форма пытки. Все вроде бы старались ей помочь. Училка и школьники принялись давать советы. У всех вдруг оказался большой жизненный опыт.

Сцена травли всегда напоминает нелепый спектакль. И в этом спектакле всегда есть три роли, думала Алена. Три, а не две. Те, кто издевается, жертва и наблюдатели. Она и еще несколько ребят не участвовали в этом, но и не спасали Люду. Потому что опасно защищать жертву. Так можно потерять место в классной иерархии, свой статус. А в двенадцать лет нет ничего важнее статуса.

И те, кто молчит, тоже на самом деле жертвы, только собственного чувства вины.

Зазвенел звонок, но они продолжали говорить.

И только когда в дверях показалась учительница русского-литературы Людмила Евстафьевна, Алена набралась храбрости. Эта учительница всегда заступалась за Люду.

Алена вскочила и сказала то, чего сама не ожидала:

– Да заткнитесь вы, – заорала она. – Учитель должен учить, а не лезть в душу. Занимайся своими делами, Рентгена. А с Людой все в порядке.

Ой, что потом началось!

Они всем классом принялись пожирать Алену. Вспомнили, что она плохо учится, и что у нее ужасный прикид. Рентгена обозвала ее «металлисткой». Отличница с первой пары прицепилась к ее полосатому свитеру. А кто-то из парней с «камчатки» обозвал Фредди Крюгером.

Класс разразился смехом, таким долгим, что Алена поняла, что теперь и у нее есть кличка, и она прицепится к ней навсегда. Когда тебе двенадцать, все случается навсегда.

Но самое ужасное в том, что Людмила Евстафьевна за нее не заступилась. Она стояла и смотрела.

Нет, не просто смотрела. Она их изучала, словно никогда раньше не видела людей.

В каком-то смысле в предыдущей школе было даже хорошо. Потому что тогда отец еще не пошел вразнос, не превратился в эксплуататора. В те дни, что бы ни случилось, Алена знала, что придет домой. А дом – это убежище. Это ее собственный мир, где все у нее под контролем.

Теперь отец приходил с работы, и к тому времени дом должен был быть чистым, а ужин готов. Три месяца назад сломалась стиралка, он не стал ее чинить, потому что не было денег.

– Это все они виноваты, воры и подонки, – говорил отец.

У него всегда были виноваты некие «они». Кто это – она не знала, потому что там было много политики, с предателями, врагами и тайными экстрасенсами.

Он не был виноват, а стирать одежду вручную приходилось ей. Она наполняла ванну горячей водой и работала до боли в руках.

Иногда приходили его друзья. Они пили, спорили о политике и экстрасенсах и иногда поглядывали на нее так нехорошо, что, даже запершись в своей комнате, она не чувствовала себя в безопасности. А когда они напивались, она тайком удирала на улицу.

Она сидела во дворе с магнитофоном Stereo и слушала Агату Кристи. У нее не было денег на батарейки, но один из пацанов пристроил к магнитофону автомобильный аккумулятор. И его можно было заряжать.

В тот день у отца тоже были гости.

Алена сидела на бордюре и слушала музыку. Тусовалась с ребятами из соседнего класса и смотрела на окно своей кухни на первом этаже.

Она вернется, только когда гости уйдут. Даже если будет уже ночь.

– Был такой мастер. Звали его Ип Ман, – рассказывал Егор. Он был местным специалистом по кунг-фу среди две-

надцатилеток. Он смотрел все кунг-фу фильмы. – Однажды, когда Ип Ман ужинал в харчевне между провинциями У Вей и Хун Вей Бин, к нему пристали грабители. Они приказали ему отдать им все свои деньги, осла и черный пояс. В качестве ответа Ип Ман взял свои палочки для еды, поймал ими в воздухе семь мух – столько же было и бандитов – и положил их перед собой на стол. С тех пор никто не приставал к великому мастеру Ип Ману. Так он и дошел до города, где открыл свою школу Ушу, в которой и научил всем своим хитростям не менее великого Брюса Ли.

– И, тем не менее, Чак – реальный чемпион мира, а Брюс просто актер, – заметил один из собеседников.

– Но Брюс круче, это правда. Мне брат сказал, – это был главный аргумент Егора. Старший брат его был видным отличником, мастером единоборств и председателем школьного совета. Он был признанным авторитетом, но, к сожалению, только для самого Егора.

– Брюс не провел ни одного реального спарринга, – сказал собеседник.

– Ну вот, – Егор всплеснул руками. – Каждый раз когда я говорю про Брюса, ты вспоминаешь про Чака.

– Но реальный Чак побил бы Брюса.

– Начинается, – сказал Егор и закатил глаза.

Алена даже убавила звук магнитофона, чтобы послушать разговор.

Если уж по-честному, Егор ей нравился, хотя и был коро-

тышкой, и стригся не по моде коротко.

– Синтия Ротрок, – сказала вдруг она.

Боже, какой черт меня дернул влезть в разговор. Сиди и страдай в одиночестве.

Ребята посмотрели на нее, и она выключила магнитофон.

Она поймала себя на том, что Егор разглядывает ее особенно пристально, и это придало ей сил.

– Ее мужа убили прямо на свадьбе, – продолжила она. – А она пришла и отомстила за него. Несмотря на все предрассудки. Она сделала это.

– Да, – подтвердил Егор. – Но сначала она нашла мастера, который ее всему научил.

– Да, ладно! – возмутилась Алена. – Каждый из них находил крутого мастера, который давал ускоренные уроки кунгфу. И Джеки Чан, и Ван Дамм и карате-пацан.

Пацаны закивали.

Егор хитро улыбнулся:

– Но не Брюс. Брюс в начале фильмов всегда уже мастер.

Пацаны снова закивали, и это ее вконец разозлило.

– Брюсу приходилось стирать белье? Убирать квартиру? Каждый день хорошо выглядеть? И при этом побеждать в драках? Да она бы побила этого вашего Брюса как нефиг делать.

Алена добавила бы еще злобных одноклассников и учителей, но не была уверена, что Синтия училась в такой же ужасной школе, как она. И потом, это было уже слишком.

Алена еще раз подумала о том, как важен в этой жизни статус. А раз ты назвался панком, то нефиг портить себе имидж всякими объяснениями.

– И вообще, я так сказала, – закончила она и включила Агату Кристи на полную катушку.

Глава шестая

Суббота, 7 мая, 1994

Разбудил Рената звук телевизора в соседней комнате. Там казачий хор пел песни. Ренат посмотрел на часы, было уже 10 утра.

Он вспомнил программу передач на сегодня. Она обещала интересные выходные. Тут были и «Мыши-рокеры с Марса» и «Эхо-взвод» и «Пираты черной воды», а вечером должны были показать фильм по Хи-мэну с Дольфом Лундгреном в главной роли. Ренату ужасно не хотелось пропускать все это. Особенно Хи-мэна. Но долг требовал бросить все и выполнить обещание.

Если бы прошлым утром кто-то сказал Ренату, что тот увидит монстров, он бы ни за что не поверил. И уж тем более не поверил, если бы ему сказали, что он станет помогать Крапиве выпутаться из неприятностей.

Ренат обязался достать пленку со светочувствительностью аж 800. Такая пленка стоила уйму денег. И видел он ее в жизни всего пару раз.

Он легко выклянчил у отца деньги, сославшись на то, что его «потребности как фотографа растут», и ему «нужно учиться на более качественных материалах». Отец похвалил

Рената и дал сколько надо.

Ренат начал поиски с «Детского мира».

Еще год назад этот магазин полностью соответствовал своему названию. Но теперь в нем из детского оставались только игровые автоматы и прилавок с очень дорогими картриджами для «Денди», «Сеги» и некой «Супернинтенды». В основном тут продавали одежду и электронику.

«Детский мир» разросся. Снаружи к нему лепились пластиковые пристройки с товарами подешевле и книгами.

«Делай со мной что хочешь» – было написано на одной книге. На обложке с нарушением базовых принципов анатомии была нарисована женщина. Ренат завис над книгой на добрых полминуты. Он готов был что-то сделать, но в свои двенадцать не очень понимал, что именно.

Вокруг толпились люди. Колонки Эс-90 оглашали окрестности Эйс-оф-Бейсом.

Коктейль из запахов духов, пластика и пота оглушал не меньше, чем звуки.

Это было идеальное место для Дениса, но Ренат предпочитал проводить время дома или в библиотеке, то есть там, где потише.

Рената немного угнетало, что он соврал отцу, самому хорошему и честному человеку на свете. В их семье не было принято врать. Еще Рената удивило, как легко он смог это сделать, как быстро придумал доводы, как убедительно их преподнес.

А Дениса с самого утра преследовал Иисус.

Иисуса вообще было очень много в последнее время. Стоило включить телевизор, и там немедленно появлялся кто-то, кто говорил про Иисуса.

Официально Иисус был добрым, кем-то вроде Супермена или даже Ленина. Он спасал людей, дарил детишкам конфеты, сидел с ними на лавочке и говорил о справедливости.

Но если ты грешник, то когда умрешь, будешь вариться в котле с маслом целую вечность. И это пугало Дениса до чертиков.

Однажды Денис обжегся всего одной каплей масла, и у него тут же появился волдырь.

А тут тебя всем телом опускают в масло. Да еще и навсегда. И только потому, что ты где-то в жизни кого-то обманул и не успел покаяться.

Денису было в чем каяться.

Кто-нибудь приносил в школу крутой пенал со встроенной лупой и градусником. Или машину на пульте управления без провода. Или модных в этом сезоне пластиковых роботов-животных. И все это покупали им родители.

Денису никогда ничего не покупали. Папа у него был электриком в компании, которая зарабатывала много, а платила копейки. Он боялся потерять эту работу, потому что на зар-

плату жены не прожить.

А все потому, что мама работала в его школе уборщицей и тоже не хотела рисковать. Получался такой замкнутый круг, где каждый из взрослых боялся сделать шаг вперед. И только Денис в меру своих сил пытался вырваться из этого круга.

Однажды мамина сестра приехала к ним погостить. Она посмотрела на их черно-белый телевизор, на старую стенку из ДСП, на стремные обои и сказала: «Ну это же стыдно, нашла бы другую работу или пошла бы в другую школу. Мальчик же там каждый день тебя видит, ему наверно так стыдно за тебя перед одноклассниками».

Только Денису никогда не было стыдно за маму. Мама честно зарабатывала на жизнь.

А он, Денис, был жуликом. И за себя ему не было стыдно (до появления в его жизни Иисуса). Потому что «хочешь жить – умей вертеться».

Денис покупал наклейки с Ван Даммом, клеил их на куски толстого ватмана и продавал в качестве картонок, потому что картонки всегда стоили дороже. В кладовке у Дениса был самодельный фотоувеличитель, на котором он печатал все того же Ван Дамма (почему-то именно он продавался лучше всего). Денис делал большие фото на бумаге «Березка» и «толкал» в школе по четыреста рублей.

Шестьсот рублей стоили фотографии большого формата в «Филателии» – магазине, где раньше продавали марки, а теперь все, кроме марок.

– Вокалист группы Эй-си-ди-си Ангус Янг писал ужасные, дьявольские песни, – говорил у входа в «Филателию» высокий парень с добрыми слезящимися глазами. – Но однажды он чуть не погиб в катастрофе и испытал клиническую смерть. Он воспарил над собственным телом, увидел себя со стороны и вдруг понял, что все потерял, – парень сделал паузу, – ...но нашел Иисуса.

Парень выглядел нездешним, на нем была модная оранжевая куртка с широкими плечиками, яркие, но не теплые сапоги, мокрые от растаявшего снега. В такой обуви можно и замерзнуть. Он раздавал бесплатно буклеты с полиграфией такого высокого качества, что Денис продал бы душу дьяволу, чтобы иметь дома такой крутой принтер.

– А ты нашел Иисуса, – сказал гость Н-ска и всучил Денису буклет.

И теперь, куда бы ни шел Денис, везде за ним следовал Иисус. Иисус сам его нашел.

У Дениса возникла острая необходимость увидеть Рената. Ренат всегда был такой спокойный. Он будто всегда знал, что правильно, а что нет. Настоящее духовное мерило. Вроде Толстого, но без бороды.

Но Рената дома не оказалось, и потому Денис просто бродил по городу, чтобы снять беспокойство. Можно было пойти в видеосалон, но Денису было жалко денег.

Денис понял, что он самый настоящий жадина, хотя и

Иисус, и Ленин наказали людям делиться.

Они (в смысле, Денис и Ренат) нашли друг друга у бокового входа в кинотеатр «Аврора», где давали напрокат видеокассеты по самым низким ценам. Ренат стоял у огромного плаката фильма «Нико 7». С плаката на него, хитро прищурившись, смотрел Стивен Сигал.

– Не нашел, – сказал Ренат, едва увидев Дениса.

– Чего не нашел?

– Не важно, – Ренат вздохнул и принялся разглядывать кассеты.

Денис помялся немного и спросил:

– Как ты думаешь, я жулик?

– Нет, конечно, иначе я бы с тобой не дружил.

– Я покупаю подешевле и продаю подороже. Это спекуляция.

– Это же только бизнес, ничего личного... наверно, – Ренат пожал плечами.

– Послушай, вот Ленин говорит, что я спекулянт и меня надо в расход. А вот у Иисуса ничего такого вроде нет. Как ты думаешь, Иисус слушается Ленина?

– Хороший вопрос.

В разговор вмешался продавец кассет – старик лет сорока:

– Я думаю, ребята, Иисус и Ленин не дружат.

– Это хорошо, правда? – спросил Денис.

– Для нас с тобой да, – сказал старик. – Иисус победил, и

мы можем торговать.

Продавец кивнул на плакат с Сигалом и показал на коробки с кассетами.

– Я тебе расскажу кое-что важное, – сказал мудрец из видеопроката, – На самом деле нет таких фильмов – Нико 1, 2, 3, 5, 7 и так далее. Это все разные кино и называются по-разному. Но с теми дурацкими названиями никто их в прокате брать не будет, потому что фильмы все одинаковые. Но зритель должен как-то понять, что это продолжение одного и того же фильма. Кто-то скажет, что я обманываю людей? На самом деле я исправляю ошибку. Так что, – старик улыбнулся, – можно делать все, что угодно, но только не обманывать по-крупному.

Это немного успокоило Дениса, и он повернулся к Ренату:

– А ты что тут искал?

– Пленку на восемьсот. Желательно, Кодак.

Эти слова Денису ничего не говорили. Умение пользоваться фотоаппаратом никак не входило в его бизнес-планы.

– Тебе зачем?

Этой ночью Ренат дал слово Крапиве, что никому не будет рассказывать про инопланетян. А он знал, что слово надо держать. Так поступали все хорошие ребята из книг и некоторые хорошие ребята из фильмов.

– Мне пленка нужна сегодня, причем срочно, – он тут же придумал что сказать. – Для ночной съемки Полного парада планет. Второй такой будет только 21 октября 2015 года, а

это офигеть как далеко.

– Решим, – сказал Денис.

Прямо из проката он позвонил в два-три места, нашел пленку и даже взял с Рената проценты за посредничество. Ничего личного, просто бизнес.

Глава седьмая

Ночь на воскресенье, 8 мая 1994 года

Когда Ренат вновь тайком вышел ночью из дома, у него возникло чувство, что делает он это далеко не во второй раз. Настолько привычной вдруг стала вся процедура. Даже одеваясь в подъезде, он уже не так нервничал.

К этой ночи снег уже почти весь растаял и превратился в черную слякоть. Было прохладно и душно.

Сегодня Ренат уже почти не боялся. Может потому, что его там ждал Крапива. Он даже представил себя Джимом Хокинсом, покидающим «Подзорную трубу», чтобы провести тайные переговоры с Джоном Сильвером. Была в этом какая-то романтика.

Пробираясь сквозь пролесок, что за садиком «Солнышко», он услышал, как за ним кто-то идет. Снег тут еще не растаял, и его хруст был хорошо слышен.

Ренат обернулся, но увидел только собаку. Она была достаточно большой, чтобы сожрать человека. Ренат ужасно боялся собак.

Он ускорил шаг и быстро добрался к тому месту стройки, где забор был повален.

Фосфоресцирующие стрелки отцовских командирских

часов показывали, что до полуночи остается десять минут. Они с Крапивой условились встретиться тут в полночь и пойти дальше вместе.

В лунном свете Ренат увидел детский силуэт чуть поодаль у забора.

Но это был не Крапива.

Эта история еще памятна многим.

Раннее утро 1 мая 1964 года, Новоплотицк... Тысячи людей видят над городом ярко светящийся шар. Ядерное нападение? Тайное оружие «наших» или «врагов»? Новость успевает попасть на страницы некоторых газет, областные журналисты выезжают на место событий, и вдруг – тишина. Будто ничего и не было. В прессе ни слова. Официальные лица, как говорится сегодня, по comments.

Проходит пятнадцать лет. Снова майское утро. Странные огни видят в других города области. За этим следует крохотная заметка в заштатной газете Усть-Нахимовки, а затем полная тишина. И это на фоне разговоров о грядущем конце света, что заполнили область. Но суровая цензура не дала истине пробиться сквозь кабинеты советской номенклатуры.

Сегодня пришло время пролить свет на те события. И редакция нашего еженедельника, не ограниченная устарев-

шими препонами, берется за перо, чтобы доказать вам, нашим верным читателям, что истина где-то там.

Продолжение следует...

«Тайны Югры» 7 апреля 1994 года

– Ты же всегда был таким честным, – укорил его Денис. – А я проверил через своих ребят. Нет никакого парада планет сегодня. Для чего тебе пленка?

– Ты следил за мной?

– Ну да, а что мне еще делать.

– Спать, что еще.

Но Денис не хотел признаваться в том, что ужасы про кипящее масло не давали ему уснуть.

Его окно на улице Дзержинского было чуть выше окна Рената, который жил в соседнем здании. Денис знал, что Ренат, как правильный мальчик, в десять ложится в кровать, полчаса читает перед сном при свете ночника, и ровно в половине одиннадцатого выключает свет.

В эту ночь свет у Руслана горел дольше обычного. А на балкон с фотоаппаратом он не выходил. Это было странно.

Тогда Денис позвонил одиннадцатилетнему астроному с Ленинградской и спросил, когда по плану парад планет. Астроном сказал, что точно не сегодня, и вообще за парады пла-

нет отвечают не астрономы, а астрологи.

Денис боялся заснуть – могло присниться кипящее масло. И потому он сидел у окна и следил за подъездом Рената. И когда тот появился на пороге и побрел прочь со двора, Денис вскочил и стал одеваться.

– Так зачем тебе пленка? – повторил Денис.

– Слушай, Дэн, уходи. Я слово дал.

– Кому? Что случилось? Зачем? Сколько ты должен?

– Крапиве.

– Крапиве? – Дениса передернуло. – Во что ты вляпался? Давай я поговорю с Крапивой. Найдем способ, выкрутимся.

– Ты не понимаешь, я дал слово.

– Да-да. Ты уже говорил. Благородный рыцарь всегда держит слово. Айвенго и все такое.

– Айвенго!

Ренат обернулся на голос и увидел Крапиву.

– Айвенго. Я говорил тебе – молчи. А ты хвост привел, – Крапива присмотрелся к Денису. Денис, как известно, был в хороших отношениях со всей школой, включая Крапиву. – Хотя тебе можно. Пойдешь с нами, только не шуми.

– Что там у вас? – спросил Денис. – Берете меня в долю?

– Это не коммерческое предприятие, а исследовательское, – сказал Ренат. – Там инопланетяне. Они притворяются людьми и готовят вторжение на Землю.

Оказывается, Крапива рассматривал несколько версий, включая демонов.

Но Ренат объяснил ему, что демонов не существует, потому что это антинаучно, в отличие от инопланетян, Бермудского треугольника и телекинеза.

Ребята сели на скамейку под деревом. Ренат передал Крапиве новый фонарь с динамо (который купил взамен потерянного вчера), а потом полез в рюкзак.

Он достал из него номер газеты «Трудовой Н-ск». Там, сразу под статьей о тяжелой жизни рабочих при капитализме, было большое интервью с мэром города, в котором тот особо подчеркнул, что упавший недавно метеорит нужно найти и сделать из него достопримечательность, которая приведет в город туристов с «Большой земли».

– Это никакой не метеорит. – Ренат развернул карту области и указал на лес к востоку от города. – НЛЮ грохнулся где-то здесь. И именно тут ты увидел, как в человека вселилось существо.

– Не в простого человека, – сказал Крапива. – Этот мужик в киоске жвачками торгует. Я его узнал, когда жвачки брал. А потом проследил за ним. И он вывел меня сюда.

– А почему ты решил, что они собираются захватить Землю? – спросил Денис Рената.

– Инопланетяне всегда так делают, – уверенно ответил тот.

– Он прав, – кивнул Крапива. – Я как раз на той неделе в видеосалоне фильм смотрел. Там инопланетяне вселились в жителей маленького городка и по одному уничтожили всех

главных героев.

Денис тоже вспомнил этот фильм и потому быстро согласился.

Крапива вновь поймал себя на том, что начинает бояться.
– Ну все, не ссать, пошли, – сказал он. – Ты настроил фотик?

Ренат кивнул.

Головы инопланетян качались на длинных шеях как колосья пшеницы на ветру.

– Ну и уроды, – заметил Денис.

Инопланетяне говорили. Но не как вчера, шелестом, а на человеческом языке.

– Я обеспечу ускоренную стройку. Как говорят здешние теплокровники, «время – деньги». А значит, мне нужны дополнительные ресурсы, еще немного.

– Я их найду, – сказал холодный женский голос. – Из школьного фонда.

Трое мальчишек немедленно его узнали:

– Людмила Евстафьевна, – хором прошептали они.

– Я подозревал, что в последнее время с ней что-то не то, – сказал Денис. – Ты видел, как она нас вычислила на «Герое нашего времени»?

– Только слепой бы не вычислил, – сказал Ренат. – Ты мне

семафорил как матрос с флагами.

Денис не знал, что такое «семафорить», но уточнять не стал.

– Тише вы, – прервал их Крапива. – Сфоткаем и мотаем отсюда.

Ренат был из богатой семьи, и фотоаппарат у него был фирмовой – Зенит ТТЛ «экспортный». Ренат достал его из рюкзака так небрежно, что Денис обзавидовался. Сколько еще таких крутых фотоаппаратов было у богатого Рената?

– Вот это, – Ренат указал на объектив, – Гелиос-85 миллиметров, светосила – полтора, самая сильная, какая только есть. Я им ночью светлячков в Пятигорске фотографировал. Папа на него лодку выменял.

– Мало говори, – сказал Крапива. – Щелкай и валим.

Они стояли у оконного проема двумя этажами выше инопланетян. Только сегодня Ренат понял, что перед ними недостроенный актовый зал или киношный или что-то типа того. Потому-то их окно ведет внутрь здания.

– А вспышка-то тебе зачем? – спросил Крапива. – Мы же засветимся.

На фотоаппарате действительно была вспышка.

– Чтобы вспышка включилась, его нужно подсоединить шнуром вот сюда, – Ренат указал гнездо на «Зените». – А без этого она не работает.

Он поставил фотоаппарат на подоконник, вынул из рюкзака несколько больших кусков пластилина и стал их разми-

нать. Потом достал изоленту.

– А это зачем? Щелкаем и мотаем, – повторил Крапива.

– Это так не делается, – сказал Ренат, – нужна длинная выдержка, на «В». Если держать кнопку пальцем, на фото будет дрожание. Значит надо прилепить кнопку изолентой. Я это уже делал ночью в Пятигорске, когда Туманность Ориона...

– Окей, давай быстрее.

Ренат торопился как мог. Он дал пластилин ребятам чтобы они мяли, пока сам взвел затвор и замотал изолентой кнопку. Потом бережно положил фотоаппарат на подоконник, нацелил его на инопланетян и закрепил в нужном положении пластилином. На холоде пластилин быстро застыл, так что получилось надежно.

Тем временем инопланетяне продолжали обсуждать свой план. Они собирались организовать в этом самом зале концерт западно-сибирского состава группы «Комбинация», и этот концерт был им как-то нужен для вторжения. Но как именно, ребята не поняли.

Ренат включил секундомер на командирских часах, и открыл крышку объектива.

– Нам потребуется десять секунд. Тут очень мало света, – объяснил он. – Будет немного размыто, но это хоть что-то.

Он закрыл объектив, и, не поднимая фотоаппарат, отмотал изоленту.

– Ну все, валим, валим! – зашептал Крапива.

– Стой, еще один кадр, – сказал Ренат. – Я на одной трид-

цатой сделаю. Если тот запоролся, у нас будет запас.

Он поднял фотоаппарат с подоконника, поменял выдержку, прицелился и нажал на кнопку.

Вспышка сработала.

Худой инопланетянин рухнул на землю и завопил: «Это Стражи Врат! Они пришли за нами! Не хочу обратно на Вексолианские Рудники!».

Крупный инопланетянин посмотрел наверх и встретился взглядом с Ренатом. Он указал на мальчика пальцем и зашуршал на нечеловеческом языке.

– Охотник! Убей их! – сказал он на языке обитателей Земли.

Голова учительницы русского и литературы спустилась обратно к плечам и стала шире. Рот ее превратился в ровную круглую дыру.

И она зашуршала. Так громко, словно друг о друга терлись миллионы картонок с Ван Даммом.

– Валим! Валим! – завопил Крапива.

Глава восьмая

Ночь на воскресенье, 8 мая 1994 года

Когда происходило что-то страшное (например, приходилось сдавать норматив по физкультуре или убегать от хулиганов), Ренат обычно представлял себя сидящим в голове у гигантского робота из японских мультиков. Ты вроде бы и снаружи, но и спрятался внутри, и всем руководишь из безопасного места. Вот ты опустил рычажок, и ноги ускорились; вот нажал на красную кнопку, и заработал турбо-двигатель, отвечающий за прыжки. А зеленая кнопка включает ночное видение. Только она не всегда работает.

Один Ренат бежал сейчас вниз по лестнице, а другой, у него в голове, пытался понять как связана группа «Комбинация» с инопланетянами. Девушки из группы совсем не походили на чудовищ. Если честно, единственным из звезд, похожим на пришельца, был Кай Метов. Еще недавно возник некий Влад Сташевский, но этот скорее напоминал смесь вампира с Дорианом Греем. Но это все мистика, вампиров не существует.

– Сюда, сюда, быстро, – орал Крапива, показывал дорогу, толкал и хватал за шкирку то одного, то другого, не давая им отставать. Они прыгали сквозь пустые окна и через недо-

строенные лестницы. А позади них неотвратимо шуршала учительница русского и литературы.

Они оказались у пролома в заборе.

– Бежим по дороге! – воскликнул Денис. – Нам же пофиг куда, лишь бы подальше!

– Нет, пошли через лес, – возразил Крапива, – Она тяжелая и будет проваливаться в снегу.

Ребята поверили Крапиве. Тот имел богатый опыт побегов от взрослых. Иногда при этом он еще нес в руках что-то тяжелое. Например, магнитофон.

Едва они вбежали в пролесок, как на заборе возник зловещий силуэт Людмилы Евстафьевны. Луна была почти полная, и в ее свете учительница выглядела особенно зловеще.

– Надо разделиться, – проговорил Денис на бегу.

– Нет, – прохрипел Ренат. – В фильмах героев съедают, именно когда они разделяются.

Они выбежали на хорошо освещенную центральную улицу Ленина. Людей тут не было, но проехало несколько машин. Ребята кричали, звали на помощь, но никто не помог, даже не остановился.

– Мы теряем время, – сказал Крапива. – К гаражам.

Это был хороший план.

Год назад, по указу мэра, все гаражи в окрестности перенесли на один пустырь, и теперь он представлял собой сплошной лабиринт. Вход и выход из него не знал никто, кроме автолюбителей и местных пацанов.

В гаражах можно было прятаться и делать что-нибудь тайком от взрослых. Полгода назад Денис с Ренатом и еще парой ребят жгли тут армейскую дымовую шашку, которую достал Денис. Шашка дала густой столб дыма высотой в девятиэтажку, но никто их не остановил.

Сюда же, «в гаражи», пацаны ходили на самый серьезный махач.

По совпадению, никто не знал этот лабиринт так хорошо, как Денис с Крапивой. У них тут были свои интересы.

Они забежали в лабиринт и остановились у «Катиных гаражей». Гаражи так назывались, потому что на них кто-то написал много разного и нехорошего про некую Катю. Раз в неделю появлялась новая надпись, из чего Ренат решил про себя, что на самом деле этот кто-то эту Катю очень любит.

Подход к этим гаражам был самым запутанным, а в двух из них вообще никаких машин не было, потому что они бы все равно не смогли отсюда выехать. Это было самое потаенное место в лабиринте.

– Я фотоаппарат потерял, – понял Ренат.

– Дубина-дубина-дубина! – завопил Крапива и принялся бить кулаком по ржавой стене.

– Тихо, – сказал Денис, – Училка услышит.

– Да уже не услышит, – сказал Крапива. – Мы когда на Ленинградской были, ее не видели, а эта улица широкая. И она нас не сейчас, а потом, в школе выцепит. Выцепит, как

пить дать. Вы что, забыли? Она наша училка.

«Я тебя выцеплю. К.» – вспомнил Ренат записку Крапивы. Тот теперь выглядел таким расстроенным, что Ренат впервые его пожалел. У человека только что рушилась на корню бандитская карьера.

– Вы как хотите, – сказал Денис, – а я на ее уроки больше ходить не буду.

– Я вообще больше в школу не пойду, – сказал Крапива. – Пусть меня в десятую переводят.

Десятой школой родители пугали детей. Говорили, что туда отправляют самых трудных учеников.

– А ты что молчишь? – спросил Денис Рената.

Ренат не сразу признался:

– Нам сочинение писать по Лермонтову... я только один раз и все. Мне бы хоть тройку получить. У меня по остальным четыре и пять, ну кроме физры. Зачем оценку портить из-за чокнутой инопланетянки?..

Договорить он не успел. Крапива стукнул его в плечо.

– Ты больной?! Это Охотник! Это больше не твоя училка. Думаешь, Охотник поставит тебе троячок за сочинение? Он тебе кишки выпустить хочет, а не стихи Лермонтова читать.

Денис встал между ними.

– Ты все-таки зря фотик потерял. Ты его уронил? Где?

– Да нет. Я его там поставил на подоконник чтобы не уронить. Когда Крапива меня за шарф потянул...

– Ага, ну я теперь еще и виноват. Да если бы не я, вас

двоих давно бы уже сожрали. Вы лохи оба.

– Так, давайте все успокоимся, – призвал Денис, – Это был форс-мажор, и Ренат имел право налажать.

– А теперь из-за его лажи пацаны мне не поверят. Я свою репутацию два года выгрызал, а теперь мне конец. Скажут, что я ссыкло.

– Может, фотик еще там, – сказал Денис.

Ренат покачал головой. Он много смотрел и читал про инопланетян.

– Инопланетяне всегда прячут улики. Они в этом спецы. Наверняка они украли фотоаппарат. Или даже не украли, а подменили пленку. И когда мы ее проявим, там не будет ничего, кроме пустого зала. Это чтобы мы подумали, что все это была... коллективная галлюцинация, как вариант.

– Логично! – Ренат кивнул.

– Сложно, – засомневался Крапива. – Почему бы им просто не испарить нас лазерным лучом?

– Луч, – произнес знакомый голос.

Мальчишки обернулись и увидели Людмилу Евстафьевну. Училка русского и литературы стояла на гараже, выгнув спину, словно готовясь к прыжку. В свете луны ее лицо казалось серым. А глаза светились зеленым светом далекого и холодного космоса.

– Мамочки! – сказал Крапива, но тем не менее швырнул в учительницу камень и попал ей точнехонько в лоб.

Людмила Евстафьевна будто и не заметила камня.

– Луч, – повторила она, – света в темном царстве.

Она указала вниз в сторону одного из гаражей, где красовалось самое непристойное признание в любви к Кате.

– Катерина, – сказала учительница и начала шелестеть.

Она спрыгнула с гаража и опустилась на четыре лапы.

Это действительно было похоже на лапы. Руки и ноги учительницы выгнулись не в те стороны, стали длиннее. А голова...

В свете редких фонарей мальчики увидели, как голова ее разбухла. Рот стал круглым. Верхняя и нижняя губы слились в одну. А по периметру рта торчали одинаковые треугольные зубы.

Глаза поплыли в стороны и почти исчезли, покрывшись кожистыми наростами. Теперь голова учительницы напоминала червя из учебника биологии.

Голос ее шелестел, но рот оставался неподвижным. Звук шел из черной бездны внутри ее глотки:

– Печальный демон, дух изгнания, летал над грешною землей, – прощуршала она.

Она была в сером пальто. Теперь оно разошлось на спине, и из трещины вдоль позвоночника тянулись наружу толстые черные отростки, похожие на щупальца осьминога.

Людмила Евстафьевна поднялась на задние лапы и оказалась вдруг в полтора раза выше любого взрослого.

Все это произошло так быстро, что Крапива не успел дать ребятам команду перегруппироваться. И теперь они оказались в тупике – оба выхода из Катиных гаражей остались между ними и чудовищем.

Чудовище шло на них медленно. Как в фильмах ужасов или страшных снах.

Оно занесло лапу над Денисом, размахиваясь все выше и выше.

А потом взяло и опрокинулось назад.

Тварь стала кружиться по земле, быстро перебирая лапами, словно опрокинутый жук. Только кружилась она боком, потому что из спины у нее торчало что-то металлическое.

Ребята подняли глаза и увидели Алену, известную в узких кругах как Ненси.

– Ненавижу литру, – сказала Алена и выплюнула жвачку.

– Все, пацаны, валим, валим! – затараторил Крапива, хлопая ребят по спинам. – Оно еще вернется.

И они побежали прочь из лабиринта.

«Крапива прав, оно вернется, – думал на бегу Ренат, сидя в голове воображаемого двуного робота. – Они всегда возвращаются».

А чудовище еще долго каталось по земле и скулило:

– Луч. Луч. Луч. Света. Света. Света. Луч. Луч. Луч. Катерина б...

Глава девятая

Излучина реки Малая Камыша лежит почти в ста километрах от последнего населенного пункта – Усть-Нахимовки. Когда-то тут жили поморы и старообрядцы, затем каторжане. Говорят, именно в этих лесах, отступая от Красной армии, замерз и был съеден медведем белогвардейский генерал Антон Иванович фон Висборф, прославившийся знаменитым «Стоянием у Чуевки».

Именно тут, у Малой Камыши, мы познакомились с лесничим Иннокентием Вялинок. Именно Вялинок подтвердил наши догадки о том, что в мае 1964 года, а затем ровно спустя 15 лет, в 1979 году в этом суровом краю появлялись пришельцы.

Вот как описывает эти события сам Вялинок: «Сначала услышал грохот, выскочил из мастерской и гляжу, небо горит. Ну все, думаю, обломались большевики, вот он, Бог, и его Конец Света. А потом свет стал сужаться, раз – в одну точку неба метнулся, раз – в другую. И гул такой вокруг – «ууу», аж ставни в доме трясутся. Кстати, я не пьющий».

Он передал нашей редакции несколько рисунков, которые с удивительной точностью совпали с фотографиями, имеющимися в нашем распоряжении. Такого рода доказательства уже трудно оспорить, запретить или запрятать в ар-

живах КГБ.

Продолжение следует...

«Тайны Югры» 14 апреля 1994 года

Воскресенье, 8 мая 1994 года

Они убежали далеко-далеко, в другую часть города. Еще немного, и вышли бы к трассе на аэропорт, а по ней раз в час круглые сутки ходили автобусы. Могли бы улететь в другой город, будь они постарше и будь у них деньги.

Небо уже светлело.

– Ах да, – сказала Алена, сняла с плеча сумку и достала оттуда фотоаппарат Рената.

Тот аж подпрыгнул.

– Алена, ты – круть! – сказал Ренат и схватил свой «Зенит».

– Для тебя я Ненси.

Крапива посмотрел на фотоаппарат, потом на Рената.

– Ты скажи, почему у тебя вспышка сработала?

Ренат стал разглядывать вспышку:

– Вот черт. Это другая, она сразу через башмак¹ работает, а не через шнур. У меня их две штуки.

¹ Крепление для вспышки на фотоаппарате.

– Я тебе покажу башмак, экспериментатор, – Крапива погрозил Ренату кулаком, но при Алене не стал драться.

– Зато у меня есть хорошая новость, – сказал Ренат. – Раз вспышка сработала, значит, фотография будет четкой. Ну, более или менее, при такой выдержке и «засвете».

– Идем проявлять, – сказал Денис и взял Рената под руку.

Было почти шесть утра, когда они добрались до дома Рената. Проявлять и печатать фотографии решили у него, потому что только у Рената был настоящий (а не самодельный, как у Дениса) фотоувеличитель, да еще и комната, которую не надо делить с прорвой маминых зимних «закруток».

Действовали по плану.

Ренат тайком вернулся в квартиру, разделся и лег в кровать. Подождал полчаса и пошел открывать дверь.

Мать обычно просыпалась в это время. И получалось что к Ренату очень рано утром пришли гости. Подозрительно, но не до такой степени как возвращение домой после ночной прогулки с оравой друзей.

А так, это гости. Да, рано. Но воскресенье же.

Они собрались в его комнате и побросали куртки на кресло.

– Просторно же у тебя, буржуй, – сказал Крапива.

Ренат ничего не ответил, а полез под кровать за фотоувеличителем.

Это был маленький серый чемоданчик, который легко со-

бирался в полутораметровый агрегат. Машину мечты. Настоящую лабораторию профессионального фотографа.

– Ну все, – сказал Ренат. – Затыкаем окна. А то светло уже совсем.

Они повесили на карниз одеяло и в этот момент вошла мама. Она осмотрела гостей.

– Рано же химичить собрались, – сказала она. – Ладно, только карниз не сломайте. Возьмите одеяло с антресоли, оно полегче будет.

Дети кивнули.

– Хорошо, мама, – сказал Ренат.

– Ладно. Завтрак я накрою тогда через полчаса.

– А мы не будем.

– Будете.

Мама закрыла дверь.

Еще полчаса заняла вся процедура, пока в комнате не стало совсем темно. Ренат поставил пленку в бачок проявляться и только после этого включил красную лампу.

Крапива сидел в кресле на куче курток и с восхищением глядел на Рената.

– Нет, все-таки ты не лох и не шнырь, – сказал Крапива. – Ты будущий медвежатник. Фартовый.

Ренат ничего не ответил. Минут пятнадцать заняла проявка. Ренат вытащил пленку и повесил сушиться.

– Руками не трогать, а то можете повредить.

– А мы и не собирались, – сказала Алена.

– Да и разглядывать что-то смысла нет – это негатив и к тому же крохотный, – добавил Ренат и посмотрел на пленку. Вся она была насквозь прозрачной и только на одном ее конце чернело два прямоугольника использованных кадров. – Только Кодак жалко. Я еще никогда не снимал на восьмисотку. Такие кадры можно было сделать...

Он вздохнул.

Постучала мама.

– Входи, мы еще не печатаем.

Хотя ребята не спали всю ночь, у них разогрелся аппетит. Мама приносила все новые и новые порции бутербродов с колбасой.

Ренат предусмотрительно запрещал ей включать свет, чтобы она не заметила, насколько они уставшие и не выспавшиеся. Так и завтракали при свете единственной красной лампы.

– Хорошо, – сказал Крапива. – А как ты нас нашла?

– Да я не спала. Смотрела в окно и вижу, как вы по одному выходите во двор. А ты, – она указала на Дениса, – так подозрительно крался за Ренатом, что я не могла за вами не пойти.

– Не удивлюсь, если завтра о нас будет знать вся школа, – вздохнул Крапива. Он все еще беспокоился о своей репутации.

ции.

– Почему? – спросил Ренат.

– Потому что, я смотрю, больно много народу не спит в это время и пялится во двор.

– Не факт, – сказал Денис. – Может, мы какие-то особенные.

– Избранные, – подсказал Ренат.

– Нет, ну не совсем так, – Денис засмутился. От идеи чьей-то, помимо Иисуса, избранности попахивало грехом, а ему очень не хотелось в кипящее масло. – Хочу сказать: возможно, раз мы здесь, значит, именно мы нужны для того, чтобы остановить инопланетян.

– Да. Только мы можем спасти человечество. – Иронической улыбки Алены никто не разглядел.

– Ну, все, готово, – сказал Ренат и положил фотобумагу в проявитель.

Ребята сгрудились над ним и стали смотреть как на бумаге проступают первые пятна фотографии.

Стены и пол на фото получились четкими. Даже грязь была хорошо видна. Словно фото сделали не ночью, а пасмурным вечером.

Но фигуры существ оказались мутными. Особенно головы. Те походили на клочья дыма.

– Ты был прав, – сказал Денис. – Это они нарочно сделали, чтобы у нас не было доказательств. Они знали, что мы их фотографируем. Инопланетяне всегда так поступают.

Ренат покачал головой.

– Нет, это из-за длинной выдержки. Они шевелились, а пол нет. Потому фигуры смазались.

Крапива сидел в кресле и выглядел жалким. Гроза сверстников был растерян, словно отличник, свернувший не в ту подворотню.

Денис не стал отправлять бумагу в закрепитель, а смял и бросил в сторону.

Вторая попытка удалась. Крупный инопланетянин (тот, что приказал училке напасть на них) вышел четким, так как свет луны, шедший через недостроенную крышу, падал прямо ему на лицо. Голова торчала над плечами на добрый метр и выглядела нечеловеческой. Один глаз был чуть ниже другого, нос кривой, но не как у боксеров.

Двое других терялись в темноте, а окружение и вовсе казалось сплошным черным пятном.

– Есть! – сказал Крапива. – Ты гений, очкарик!

– Я не очкарик, – уточнил Ренат. – Надо сделать еще один экземпляр предыдущей фотки. Там видно, где они находятся. Только обе фотки вместе могут быть хорошим доказательством.

– Есть еще кое-что, – сказал Денис. – Людмила Евстафьевна, то есть Охотник, знает, где мы все живем.

Все с ужасом уставились на Дениса.

– Ну да, – сказал Ренат. – Она же наша училка.

Крапива махнул рукой и встал:

– Так, народ, слушайте меня. Мы еще живы, а значит – они не такие сильные, как кажутся. Им важнее всего затаиться, и потому они не будут наводить шухер. Не захотят привлекать внимания.

– Ну разве что ночью в окно заберутся, – добавил Ренат.

– Не заберутся, иначе бы уже забрались, – успокоил его Крапива. – Это же Охотник, а не Человек-паук. Вот я на шестом этаже живу, ты, – он указал на Рената, – на пятом, а ты, – указал на Дениса, – вообще на девятом.

Алена долго не вмешивалась в разговор, а тут прокашлялась.

– Только я на первом живу. И у нас даже решетки нет, потому что воровать нечего. А папа и так встает с трудом после пьянки, он точно не сможет от этой твари отбиться.

Ренат тем временем закончил печатать, и включил свет. Все зажмурились.

– Так, народ, – сказал он. – Я знаю, что это все похоже на кино, а в кино дети сами выкручиваются. Но мы сами не справимся. Нам надо рассказать все взрослым. А в идеале – милиции.

Крапива оказался категорически против милиции, Алена порывалась пойти спасти отца, но Ренат напомнил ей, что монстр ее не видел.

Они еще немного поспорили и начали зевать.

– Так, народ, давайте разойдемся, выспимся и вечером встретимся тут, – сказал Ренат. – Утро вечера мудренее. Хм... в нашем случае наоборот.

Глава десятая

Воскресенье, 8 мая 1994 года

Город готовился к празднику. На площадях и по телевизору выступали работники милиции, мэрии города, криминальные и духовные авторитеты.

Как и на прошлой неделе, город оброс гвоздиками. На площади Ленина шел чемпионат по шашкам. Главный приз – телевизор Sony Trinitron – предоставил генеральный спонсор мероприятия, патриотическое общество «Друзья отечества».

Денис записался на чемпионат еще вчера. До того, как узнал, что инопланетяне хотят захватить Землю.

Площадь Ленина казалась самым безопасным местом в городе. Никакие инопланетяне в такой толпе не рискнули бы напасть на школьников.

– Нам нужен взрослый союзник, – повторил Ренат вчерашний тезис.

Они все плохо выспались и потому отгоняли сон двухлитровой бутылкой Херши-колы. Стаканчиков у них не было, и бутылку передавали по кругу.

Ребята сидели на ступенях Дома культуры. За их спинами был вход в комнату смеха. Но желающих полюбоваться дав-

но не смешными кривыми зеркалами не нашлось. Так что, никто не сгонял компанию с насиженного места.

Они стали перебирать взрослых, которые могли бы пригодиться и поверить доказательствам в виде двух мутных фотографий. Кандидатурами были пьяницы и городские сумасшедшие. Выходило, что те, кто мог поверить, не могли помочь. А те, кто мог помочь, никогда бы не поверили.

Недалеко от них на сцену вышел казацкий хор и грянул «раааааскудрявый, клен зеленый...». Строить планы по защите Земли стало совсем невозможно.

Делать было нечего. Пришлось зайти в комнату смеха. Кассир с радостью продал им билеты.

И уже на входе вечно подозрительный Крапива оглянулся и увидел в толпе ее, Людмилу Евстафьевну.

– Она тут! Валим, валим! – сказал он и втолкнул компанию в зеркальную комнату.

– А, по-моему, тут совсем не смешно, – сказала Алена, – даже оскорбительно.

Она потрогала свою голову – в зеркале та была размером с колесо машины и такой же круглой.

– Училка-оборотень здесь, – сказал Крапива. – Я ее видел.

– Нам нужны взрослые, – повторил Ренат. – Милиция.

– Вечно ты со своей милицией, – недовольно буркнул Крапива. – И что мы им скажем? Что училка пыталась нас сожрать?

– Ну, убить.

– Ага, школьная учительница – мокрушница. – Крапива грустно хихикнул. – А мотивы? Они не просто нам не поверят, они еще и ей наступят. А нам надо затаиться.

– Я знаю, что делать. Возьмем у нее анализ крови, – сказала Алена. – Прямо сейчас. Я уколы могу делать. На папе тренировалась.

– Я тоже, – сказал Крапива.

Все удивились. Казалось, Крапива ничего в этой жизни не умеет кроме как воровать магнитолы из машин и кошмарить сверстников.

– А ты каким боком? – удивилась Алена.

– Долгая история, – сказал он и погрустнел.

– Хорошо, послушайте, – продолжила Алена, – Меня она не видела. Для нее я – обычная девочка. Я подкрадусь со шприцем и возьму у нее немного крови. А потом мы пойдем в лабораторию. Там все увидят, что кровь нечеловеческая, и мы найдем взрослого, который нам поверит.

– Плохой план, – сказал Ренат, – тебя запалят. Не ходи.

– Не запалят. Я так колоть умею, что никто и не заметит. Тем более в такой суматохе. Раскудрявый, лист зеленый... какой-то там... я влюбленный, – запела она.

И выскользнула наружу.

Ренат хотел рвануть за ней, но Крапива крепко схватил его за руку.

– Разберется, не маленькая, – сказал он. – И потом, там

куча народу. В худшем случае засветится.

– Но Алена...

– Ненси, – поправил Крапива. – Ее зовут Ненси.

Из Записок Рената.

За несколько месяцев до описываемых событий.

Ненси

Если вы вдруг приедете в Н-ск, пойдете на улицу Дзержинского, поймаете там первого кому на вид сорок, и спросите его, кто в 90-е наворотил больше всех дел, вам сразу скажут о Денисе. Утром первого сентября Денис приходил в школу в белой рубашке, и к обеду она становилась серой, местами бурой от крови, синей от ручки и чуть разорванной сзади от гвоздя.

Если что-то происходило в школе, это чаще всего происходило с Денисом.

Когда на школьный склад завезли неоновые лампы, вечером лампы не работали, потому что Денис их нашел и открыл конденсаторы на шокеры. [Я и сам не буду рассказывать, как из конденсатора сделать шокер, и вам не советую, если знаете].

Свои 15 минут славы Денис заслужил, когда стащил откуда-то три недогоревшие дымовые шашки. Они были круглые, размером с банку из-под тушенки, и советского зеленого цвета, а на дне лоснилось нечто густое и черное.

Первую шашку положили за «Катиными гаражами», налили внутрь ацетона и подожгли. Тонкая струя черного дыма потянулась вверх, но скоро исчезла. Так мы несколько раз заливали ацетон и поджигали шашку, пока та не выгорела до конца. Принялись было за вторую, но пришел сторож и нас разогнал.

– Тут палено жечь, все видят, – заметил Дэн и вытер черный нос черным пальцем.

– А есть варианты? – спросил Егор.

Вариант был. Денис предложил жечь шашку в подвале. Там точно никто не увидит.

«Окно Овертона», характеризующее для Дениса понятие «чистый», было таким широким, что в него мог въехать мусоровоз.

Единственный подвал, в который мы могли попасть, охраняли бабули. Они как таможня оценивали всех, кто проходил мимо. И мы не хотели светить грязным Денисом и слышать: «О, наркоманы пошли. Наркоманы!».

Поэтому для начала мы Дениса вымыли и переодели.

Когда мы подошли к заветному входу в подвал, там как раз проходила смена караула – две старушки поднимались со

скамейки, а на их место заступали две другие. На скамейке напротив сидела вечно враждовавшая с ними панкерша Алена. Панком она была номинальным, потому что из ее магнитофона на аккумуляторе играла в это время «Ненси».

«Дым сигарет с ментолом пьяный угар качает. В глаза ты смотришь другому, который тебя ласкает», – скулил магнитофон.

Алена бабулек не боялась.

В американских фильмах, когда выключается свет, кто-нибудь говорит «а давайте, я спущусь в подвал», идет вниз, под его ногами скрипят деревянные ступени, и играет зловещая музыка.

Но это не наши подвалы. Бетонный город типовой застройки исключал любые скрипы. Дерево – для немощных капиталистов. В нашем городе из бетона делали все – дома, ступени в них и игрушки на детских площадках.

Так что вы теперь знаете ответ на вопрос, почему именно там мы решили поиграть с дымовыми шашками.

Мы стояли в большом подвальном помещении, которое тускло освещала свисавшая с провода лампа. Вдоль стен лежали мешки с картошкой. Мы залили ацетон в шашку и подожгли. Ацетон сгорел быстро, но шашка так и не загорелась.

– Температуры мало, – сказал Жека с Первомайской, – надо еще.

И мы налили еще.

Дым сигарет с ментолом пьяный угар качает.

Я иду на звук песни.

Сзади за мою рубашку держится Жека. Ему тоже страшно.

Никакой зловещей музыки, никаких скрипок. Ужас наступает и без этого. Лишь от наших шагов, от медленно нарастающего звона в ушах. Кажется, я отравился.

Сзади пробивается сквозь дым тусклый свет лампы.

Жжет в горле. И чем выше поднимаемся, тем сильнее жжет. Я нагибаюсь ближе к ступеням и в конце концов уже ползу.

И тут музыка стихает. Кто-то сзади кричит «помогите!». Потом что-то щелкает, и накатывает волна яркого света напололам с матюгами. Сильные руки поднимают меня на ноги, я открываю глаза и вижу Алену.

Ненси.

Она вытаскивает меня из подвала. Я стискиваю зубы на ее кожаном воротнике. Медная заклепка царапает щеку. Чистый воздух как анестезия смывает боль.

Я смотрю снизу вверх на героическое лицо Ненси и глубоко вдыхаю от счастья и восхищения. А еще потому, что снова могу дышать.

Так я впервые влюбился.

– Эй, ты тут вообще! – сказала Алена и протянула Ренату шприц с кровью. – Видишь, не засветилась.

Ренат взял шприц.

– Ненси, ты зверь, – сказал Крапива.

Теперь предстояло сделать главное – найти лабораторию и врача, который бы им поверил. Но сначала Денис должен был отыграть партию в шашки.

Компания столпилась перед столом, где против Дениса играл неизвестный мальчик. Собирались было уходить, но тут Денис, сам того не ожидая, победил. Потом победил еще раз, и еще.

– Это все от стресса, – сказал Денис. – Он увеличивает мозговую активность.

И тут понял, что действительно может выиграть Сони Тринитрон.

Нормального телевизора у него дома не было. Только старый «Горизонт» без пал-секам модуля. Потому Денис пропускал все крутые передачи и сериалы, которые шли по ТВ-6. До него доходили слухи про программу «Про Это», которую лучше смотреть без родителей.

Сони Тринитрон показывали в рекламе. И вот что удивительно: даже на «Горизонте» Тринитрон показывал лучше, чем сам «Горизонт». Денис не мог понять, как это работает.

– Ребята, – воодушевленно сказал он, – идите в лаборато-

рию без меня. Я тут побуду.

– Ты спятил! – ахнул Ренат.

– Вы не понимаете. Это такой шанс...

У Рената был телевизор ГАО, который тоже рекламировали по телевизору.

Вообще-то у него было два телевизора.

На том, что стоял в его в спальне, он частенько смотрел ужастики.

– Мы не должны разделяться, – напомнил Ренат. – Отойдешь от основной группы, и тебе конец.

Крапива покачал головой. Он знал, что жизнь – это не кино.

– Жизнь это не кино, – так и сказал он.

– Я останусь с Денисом, – сказала Алена. – Тут полно народа. А если училка нападет, я ей еще чем-нибудь заеду.

Крапива хлопнул в ладоши:

– Ну все, валим, валим!

Глава одиннадцатая

Из Записок Рената.

За год до описываемых событий.

Габдул

В тот год Габдул еще не работал в лаборатории, где делали анализы крови. Он был продавцом книг, а из-за сходства одновременно с Цоем и Брюсом Ли, казался мне мастером кунг-фу. Есть еще каратэ, но кунг-фу круче, потому что его придумали китайцы. А китайцы, как известно, самые сильные. Особенно такие, как Габдул.

В те времена изо всех щелей, как зомбаки из-под земли, поперли невидимые ранее сэнсеи. Они селились в каждом унылом ДК, каждом подъезде, каждом киоске, под каждым батончиком Сникерса.

Было не ясно, откуда взялись эти сэнсеи и где они обитали раньше. Может, их забросили сюда японские подводные лодки.

За небольшую плату сэнсеи готовы были преподавать юным

падаванам уроки джиу-джитсу, шакатана, рюноске-ицунбоси, боритсу, и любой другой вымышленный и не очень способ защитить себя от «а если найду».

В нашей школе тоже был сэнсей. И по-японски он знал два слова: «Кипадачи» и «Куцадачи». Уроки его стоили 30 (еще советских) рублей в месяц. Я посчитал, что за эти деньги могу 30 раз сходить в кино, или 200 раз в видеосалон (билет на фильм стоил 15 копеек). Тогда я все мерял в эквивалентах видеосалона: буханка хлеба – 2 фильма, батончик «Баунти» – 20.

А к

огда меня впервые пытались посадить на шпагат, я вдруг понял, что нужно искать другой способ овладения мастерством.

И решил учиться кунг-фу у первоисточников, признанных мастеров – Брюса Ли и Джеки Чана. Они не заморачивались шпагатом. Им все давалось легко.

Пока старшие верили в исцеляющую силу Кашпировского, я верил, что уборщик из монастыря может за две недели научиться кунг-фу у старого бомжа.

"Карате-пацан", "Змея в тени орла", "Американский ниндзя" с Майклом Дудиковым... Все это помнят лишь упомя-

нутые выше седобровые мастера кунг-фу, древние как стареющий Эдриан Пол.

И сам Майкл Дудиков.

И пока наши матери в шлемах и латах бились в кровь в очередях за мясом по талонам, мы смотрели "Не отступать и не сдаваться" – фильм, где дух Брюса Ли делает из пацана моего возраста матерого бойца. За две недели и без шпагата.

Н-ск был серым, бетонным и майским. Солнце в это время года никогда не садилось, но его было мало, чтобы создать день. Оно ползло партизаном по небу вдоль горизонта, пряталось за вросшие в унылый щебень девятиэтажки и выныривало ненадолго, чтобы показать свое грустное оранжевое лицо.

В городе 20 часов в сутки стоял вечер. Серый.

По обочинам ютились черные блиндажи недотаявшего снега. Я шел домой из видеосалона.

Ничто не предвещало беды.

На Ленинградской били кого-то рыжего, свалив его в лужу. Били трое. Ребята чуть постарше. Били молча, чтобы никто не услышал.

Но я услышал. Они не знали, что я знал кунг-фу. А в давеча посмотренном "Не отступать и не сдаваться" как раз был такой момент, когда пацан, ну, то есть, я, с лету (ногой вперед) прыгает, ну, то есть, прыгаю, на пятнадцатилетних, которые бьют слабого.

Я прыгнул...

Что главное в такой ситуации? Правильно: сгруппироваться, прикрыть лицо и затылок и громко кричать "не бейте, пожалуйста". Я так и делал. Брюс Ли такому приему не учил. Подозреваю, он его и не знал.

Рыжий не стал за меня заступаться. Он убежал.

Мир казался нереальным и несправедливым. В фильмах бандиты всегда нападали по очереди. Пока Чак Норрис бил одного, остальные восемь окружали его, трясли палками и ждали своей очереди. А эти как-то быстро и слаженно меня одолели. Да и в прыжке я, надо сказать, промазал.

Готов спорить, они не смотрели кунг-фу фильмов.

А потом вдруг меня перестали бить. Послышалась ругань и строгий взрослый голос. Я вскочил и увидел.

Передо мной был китаец. Я протер слипшиеся от грязи глаза и увидел знакомого дядю Габдула, у которого покупал

недавно книги.

Габдул меня спас.

– Ты их побил? – спросил я восхищенно, пока мы шли прочь от места схватки.

Сейчас я понимаю, что Габдулу было около двадцати. Но тогда он казался мне бывалым опытным бойцом, и отдаленное сходство с Брюсом только подтверждало это.

– Запомни пацан, – сказал он. – Лучший бой – тот, которого ты избежал.

Тогда я ничего не понял. Я рассказал про того рыжего, который уж точно избежал боя, бросив меня одного.

– Так это он меня привел, – ответил Габдул.

В тот день я еще не знал, что к карате Габдул не имеет никакого отношения.

Воскресенье, 8 мая 1994 года

Габдул был взрослым мужиком двадцати лет или около то-

го. Он недавно стал стажером в лаборатории при каком-то бывшем НИИ. Само НИИ уже года два как закрылось, и теперь на его месте стояли очередные торговые ряды. Но лаборатория работала. Правда, теперь была частной и носила гордое имя «Лаборатория медицинского анализа «Экклезиаст».

Ренат знал Габдула давно, еще когда тот продавал в Филателии книги про Конана.

Габдул был докой в фантастике и все время рекомендовал Ренату каких-то Стругацких.

То, что Габдул любил фантастику, давал шанс, что он поверит во вторжение пришельцев.

Найти его было нетрудно. Публичные мероприятия он не посещал, а жил с мамой, от которой все время угрожал съехать.

Номер квартиры у Габдула был 42, и это, по его словам, должно было что-то значить.

Габдул вышел в подъезд и смерил взглядом Крапиву.

– Кажется, я его знаю, – сказал он, повернувшись к Ренату.

– Он со мной, – сказал Ренат.

– Ну не со мной же, – усмехнулся Габдул. – Я с дебилами не корешаюсь.

– Впусти, у меня к тебе серьезное дело.

Габдул заглянул в квартиру.

– Ладно, но только тихо, мама спит. И ботинки снимайте. Тапочек нет, так что вам придется босиком.

Комната Габдула была кладезем всего фантастического. Тут пахло чудом и плесенью.

Стены его квартиры были облеплены фотографиями звезд: Ван Дамма, Шварценеггера, Майкла Дудикова, Дона Дракона Уилсона. А на одной стене, прямо напротив сломанного дивана, висел плакат с загадочным словом *Stalker*. За словом из темноты плаката выглядывала зловещая морщинистая лысина.

Гости сели на диван.

– Ну что? – спросил Габдул. – Валяйте.

И они сваяли.

Сначала Крапива обстоятельно, ни разу не сбившись, рассказал, как у него на глазах в человека вселился инопланетянин. А закончил историю Ренат (запинаясь и размахивая руками) на том, как Алена воткнула железный прут в спину училке-оборотню.

– Отлично, – сказал Габдул, – Превосходно. Я в Молебке встречал контактеров, которые вот так же, как вы, клялись, что видели летающие тарелки. Где доказательства?

Ренат достал из сумки две фотографии и протянул Габдулу.

Тот долго смотрел то на одну, то на другую.

– Знаешь, да, у нас в филателии торговали фотоколлажами с Брюсом и Джеки Чаном...

– Постой, – Ренат достал и протянул Габдулу шприц. –

Это кровь училки. Ее Алена... Ненси достала.

– ...Да, только очень крутой коллаж, почти как насто...

Кровь, говоришь.

Лицо Габдула стало совсем серьезным.

Он взял шприц осторожно двумя пальцами поднес к окну и стал рассматривать на просвет.

– Нам надо отправить это в лабораторию, – сказал Ренат.

Габдул нахмурился, что-то припоминая, а потом улыбнулся:

– Есть кое-что лучше лаборатории.

В фильме «Нечто» был еще один жуткий момент. Полярник Макриди привязал к стульям несколько коллег, взял у них образцы крови, и по одному опускал в каждую чашечку с кровью горячий металлический прут. Когда полярник коснулся прутom очередного образца, кровь превратилась в маленькое чудище и закричала.

Габдул пошел на кухню и вернулся с зажигалкой, гвоздем и плоскогубцами.

– Поднесем к этой гадости раскаленный гвоздь и посмотрим, как она запоет.

– А может все-таки в лабораторию? – спросил Ренат.

– Не выйдет. Сколько бы в этой крови ни было от монстра, это в любом случае человеческая кровь. И она к тому времени свернется без специального консерванта. Не факт, что мы что-то узнаем таким образом. А тут наглядный эксперимент.

– Отличный план! – воскликнул Крапива и вскочил. – Ренат, доставай фотоаппарат. Будет у нас еще одно доказательство, если эта тварь начнет брыкаться...

– И орать, – напомнил Ренат, – в «Нечто» эта тварь орала. Крапива недовольно покачал головой:

– Ну опять ты начал. Это не кино, это жизнь. Не факт, что она будет орать. Это как-то слишком...

– Кинематографично, – подсказал Ренат.

– Вот именно.

Габдул сказал, что им придется провезти эксперимент на балконе, на случай если тварь все же завопит. Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить мать, они прошли по коридору на кухню и оттуда на балкон.

Тут их накрыло шумом толпы и военными песнями.

Габдул положил на столик железную крышку из-под банки и вылил в нее содержимое шприца.

Ренат вспомнил, как год назад Габдул спас его в драке от трех хулиганов, и вновь восхитился его храбростью.

– Так, ребята, отойдите к двери, – сказал он. – И потише, а то мама проснется.

Он взял гвоздь плоскогубцами и с минуту нагревал его огнем зажигалки.

– Ну что, поехали, – сказал он и махнул рукой.

Когда раскаленный кончик гвоздя коснулся крови, когда

глаза Рената округлились, а рука потянулась к ручке двери, когда Крапива взял с подоконника мухобойку и подвинулся ближе... ничего не случилось.

Возможно, кровь даже не зашипела, потому что все тихие звуки тонули в доносившемся снаружи «этот день победы, порохом пропааах...».

– Идиоты, – сказал Габдул, – А я-то думал... блин... только время с вами потерял.

Он отвернулся от ребят и стал смотреть, как внизу школьники надувают трехцветные воздушные шары.

– Там в Молебке были люди, которые рассказывали, как у них сходили с ума компасы, а часы шли в обратную сторону. Один ушел в лес, вернулся и всех уверял что его похитили НЛОшники. Ушел он с щетиной, а вернулся без. Говорил, что время шло вспять и щетина у него сама исчезла. Я уже было поверил, думал, что вот, мол, наконец-то настоящий контакт. Решил даже написать в газету про этот случай. А тут у него в кармане нашли бритву и мыло. Выходит, мужик отлучился побриться, – он покачал головой, – Нет, как хотите, а я на эту бодягу больше не поведусь. Инопланетянам мы не сдались, а может, их и вовсе...

– О, смотрите, – сказал Крапива и указал на стол.

Сгусток инопланетной крови не кричал. Он медленно пытался выбраться из крышки.

– Ну-ка, ну-ка, – сказал Габдул. На подоконнике лежал

выжигатель, – Как я сразу не догадался это сделать?

Он воткнул выжигатель в розетку, подождал, пока кончик нагреется, и поднес к сгустку. Кончик выжигателя был совсем красный от жара.

Тварь сама коснулась раскаленного металла, и тут случилось неожиданное. Она из темно-красной стала черной, напрыглась, словно обладала собственными мускулами, и прыгнула.

Все отскочили. Сам Габдул чуть не выпал с балкона.

Черное существо с отчетливым «хлюп» бросилось на стекло, отделавшее балкон от кухни.

– Валим, валим! – заорал Крапива.

Он первым выскочил на кухню. За ним остальные.

Но прежде чем Габдул захлопнул балконную дверь, сгусток прополз в помещение и спрятался под раковиной.

– Оно там, – указал Ренат дрожащим пальцем.

– Ацетон тащи, – скомандовал Крапива. – Мы его подожжем.

– Черт, это мой дом, – почти закричал Габдул, но зажал себе рот рукой. – Всем тихо, мама проснется.

Он приказал гостям оставаться на кухне, а сам рванулся в коридор. Пока его не было, Ренат и Крапива вооружились скалками.

Габдул вернулся с поллитровой бутылкой:

– Есть изопропиловый спирт. Я им головку магнитофона чищу.

Крапива отобрал у него бутылку, открыл пробку зубами и понюхал содержимое.

– Сойдет, – сказал он и стал лить спирт в щель под кухонную мебель, – Тварь сгорит, если она еще там.

– Ты спятил, – пробормотал Габдул и потянулся к карману, словно проверяя, там ли еще зажигалка. – Ты мне дом спалишь.

– А эта тварь ночью выберется и вселится в тебя или твою маму, – сказал Крапива страшным голосом. – И все, это будет уже не твоя мама.

– Не дам! – профальцетил Габдул.

Взрослый мужчина двадцати (или около того) лет теперь казался Ренату напуганным мальчишкой, а не мастером кунг-фу. Он выглядел таким потерянным, лицо осунулось. И этот человек спас его, Рената, от хулиганов. Подумать только!

Когда один в компании становится трусом, второму приходится быть храбрее.

Ренат посмотрел Габдулу в глаза.

– Сначала она будет вести себя странно, но ты не придашь этому значения, – сказал он. – А потом она начнет пропадать ночами, чтобы убивать школьников. А однажды ты найдешь у нее в комодке план вторжения на Землю. И уже не сможешь это игнорировать. Так вот скажи мне, – произнес Ренат совсем без дрожи, – ты готов убить свою маму?

– Ладно, Рипли, – вздохнул Габдул и протянул зажигалку

Крапиве, – жги.

Габдул принес из ванной ведро воды, чтобы потушить будущий пожар.

Крапива поднес зажигалку к разлитому на полу спирту, и тот вспыхнул с тихим хлопком. Большого шума не было, но Ренат почувствовал, как ему заложило уши.

Огонь шел из-под щелей в мебели сразу со всех сторон, и сомневаться не приходилось – если тварь еще там, она уже горит.

Крапива держал Габдула за руку, в которой тот держал ведро, не давая ему потушить огонь раньше времени.

Огненный комок вырвался из щели и закружился по полу. Ренат принял его сначала за шаровую молнию. Но это был он – инопланетянин. Нет он не кричал от боли, он пищал сразу на несколько голосов. Словно миллионы хомячков одновременно корчились от боли.

Ренат видел, как из огненного шарика в разные стороны тянутся черные отростки.

Габдул вырвался из хватки Крапивы и по широкой дуге вылил содержимое ведра на пол, до того как огонь добрался до занавесок.

Огонь мгновенно погас, но тварь стала кататься по полу, пытаясь себя потушить.

Крапива вырвал ведро у Габдула, накрыл им монстра и сел сверху.

– Быстро, несите что-нибудь тяжелое, – крикнул он, – пока пришелец мне в задницу не забрался!

– Гаабик, – раздалось из соседней комнаты. – Ты опять там химичишь?

– Нет, мам, – ответил Габик. – Просто тарелку разбил.

– Не сервизную?

– Нет, мам.

Больше она ничего не спрашивала.

Габдул пошел в свою комнату и вернулся с кипой книг. Он водрузил книги на ведро, увенчав стопку Советским энциклопедическим словарем.

Ренат вспомнил как недавно смотрел «Зловещие мертвецы». Там главный герой охотился за собственной отрезанной кистью, которая бегала по комнате и временами пыталась его убить. Он тоже поймал ее в ведро, а сверху положил книги. Только там самой верхней была «Прощай оружие»².

«Мы не в фильме», – напомнил себе Ренат.

– Кажется, оно не шевелится, – сказал Крапива, – Может, сдохло.

– Ага, – Габдул нервно усмехнулся. – Я сейчас уберу ведро, а оно раз, и тебе на морду... С другой стороны, – он почесал затылок, – не оставлять же его здесь.

– Нет, конечно, – сказал Ренат и придумал: – нужен ли-

² Роман Эрнеста Хемингуэя Farewell to arms можно перевезти и как «Прощайте, руки».

стовой металл. Мы его подсунем снизу и склеим как-нибудь края. Получится консервная банка с монстром внутри.

– И как склеим? – спросил Габдул.

– Ну... сварим.

– Не пойдет. Мама застучает. И потом, у меня нет сварочного аппарата.

Тем не менее, у Габдула нашелся кусок листового железа и два тюбика клея «Момент». Пока они работали, монстр не шевелился, и это облегчило задачу.

Для верности «консерву» обмотали бечевкой и положили в мешок. А сам мешок плотно завязали.

В коридоре они столкнулись с мамой.

– Кто это с тобой? – спросила грузная невысокая женщина с заспанным лицом.

– Это ребята пришли.

– Я вижу. Зачем?

Пауза обещала затянуться, но Ренат быстро нашелся.

– У меня кот умер, – сказал он печальным голосом, – А Габдул обещал гробик сделать. Не хоронить же его так.

Мама Габдула взглянула на мешок в руке у Крапивы.

– Бедняжка, – сказала она и чуть прослезилась. – У меня, когда мы жили в Перми, был песик, Максим. Его сбила машина, и мы с отцом сделали ему гробик. Я так плакала...

Пока Ренат надевал ботинки он бросил взгляд на ноги Габдула, и увидел, что тот еще в тапочках и явно никуда не

собирается. Габдул растерянно посмотрел на Рената.

Они вышли в подъезд.

– Ну вот что, – сказал несостоявшийся сэнсей, немного помявшись, – Я это... я больше теоретик по части НЛЮшников. Дело не только в риске. Я по части размышлений, научной базы. Так что, если что, вы звоните, проконсультирую.

– Мы позвоним, – буркнул Ренат чисто из вежливости. Он был разочарован.

– Ты трус, – сказал Крапива.

– У меня мама, – сказал Габдул.

– А у меня мамы нет?

Габдул что-то произнес одними губами, оглянулся, и повторил «ну вы звоните, если что». И закрыл за собой дверь.

Когда они уже были на первом этаже, сверху раздались женские крики. Кажется, мама Габдула нашла на кухне следы свежей гари.

На улице уже начало темнеть.

– Мы остались без взрослого, – сказал Ренат.

– Без них справимся, – сказал Крапива. – В кино дети сами все разруливают.

– Ты сам говорил, мол, это не кино.

Глава двенадцатая

Оно наблюдало и впитывало информацию.

Оно не могло войти в кого-то вроде Сидоровича, чтобы поглотить его память. Оно лишь могло принять чей-то облик и не имело возможности вернуться в предыдущую форму еще много месяцев.

И потому тварь изучала этот мир аккуратно, чтобы сделать самый важный выбор.

Настоящим кладезем оказался видеосалон «Красный Скорпион». Детишки сидели там в общем зале. Парочки и компании выбирали отдельные кабинеты, куда приходили со своей колой и «Дока пиццей».

В холле «Красного скорпиона» стены были покрыты несколькими слоями плакатов с рекламой кино. На роскошных диванах сидела пацанва и с деловым видом читала бесплатные журналы про кино и музыку. Ребята чувствовали себя богачами, рассуждали о достоинствах и недостатках актеров, бросались друг в друга недавно вызубренными именами режиссеров. Девочки на кассе уговаривали их раскошелиться на отдельный зал. И некоторые поддавались и покупали ВиАйПи сеанс японского мультика про «Корабль-призрак».

Это место было сокровищницей для понимания человеческих взаимоотношений. Пацаны говорили о пришельцах и

даже не догадывались, что сверху, через трещину в потолке за ними зорко и внимательно следит существо более развитое, чем человек, хотя такое же смертное, как и он.

На улице залаял огромный сенбернар. Его привел сюда один из мальчишек. Собаку не пустили внутрь, и ее пришлось привязать прямо под вывеской с большим красным Дольфом Лундгреном.

Пес оказался отличной кандидатурой, чтобы скопировать его внешность. Достаточно большой, чтобы разорвать кого угодно.

Воскресенье, 8 мая 1994 года

Прежде чем встретиться в условленном месте, ребята отправились по домам посмотреть «Дисней по воскресеньям». В твоей жизни могло произойти что угодно, но Дисней пропускать было нельзя. Да и родители что-то заподозрят.

Показывали «Русалочку» и «Черный плащ».

А потом они встретились на веранде садика.

В Н-ске было много детсадов. Половина из них назывались «Солнышками», вторая половина – «Чебурашками». В «Чебурашке» они и встретились.

За верандой давно не следили, краска с нее облезла, пол провалился в нескольких местах, часть скамеек треснула.

Алена выглядела измученной и казалась старше.

– Ты это... – заговорил Ренат, когда ее увидел. – Может домой пойдешь?

Алена помотала головой.

– Ей нельзя домой, – ответил Денис, – там отец. Они поспорились.

Рената кольнула обида, что Алена рассказала Денису нечто, чего не знали остальные. Они ведь сегодня остались вдвоем на празднике. И Денис вдруг оказался таким чемпионом по шашкам. Прямо гроссмейстер. Каспаров!

Денис перешел к самому важному.

В перерывах между партиями в шашки он узнал, кто тот грузный мужчина – босс инопланетян. Оказалось, что Сидорович.

Эта фамилия ничего не говорила Ренату. Зато Крапива что-то о нем слышал – вроде как Сидорович занимался музыкой и страшно богат.

Сидорович вышел на сцену и сказал, что в начале лета привезет в Н-ск «целую плеяду звезд российской эстрады»: Вику Цыганову, «Комбинацию», а если позволит бюджет, то и восходящую молодую звезду – Влада Сташевского, автора нового мега-хита «Любовь здесь больше не живет». Сидорович особо почеркнул, что это будет настоящий Влад Сташевский.

А главное – все эти звезды будут открывать крутую четырехзвездочную гостиницу, что строится в середине цен-

трального городского парка.

Тогда-то они с Аленой и поняли, что это то самое здание, в котором засели пришельцы. А еще, пока Сидорович выступал, в углу сцены неподвижно стояла училка. Та самая, которая Охотник.

– Я, конечно, пойду на Сташевского, он клевый, – сказала Алена. – Только непонятно, зачем концерт.

– Это «День Икс», – догадался Ренат.

– Что за день икс? – спросил Крапива.

– Мы не знаем, что это за день. Но помните, там на стройке Сидорович рассказывал, что нужно быстрее завершить строительство. Что-то важное и, возможно, ужасное произойдет на концерте. Поэтому они так и торопятся.

– И это как-то связано со вторжением, – добавил Денис.

– У меня есть идея, – встрепелась Алена. – Концерт – это повод собрать под прикрытием в этом городе всю их шайку. И никто не заподозрит неладного. Хотя кто вообще решил, что их всего трое? Может, в каждом городе уже давно орудует инопланетная банда. Ячейка. А тут у них сходка. И вообще... – ее передернуло. – Когда я Сташевского первый раз увидела, сразу поняла, что с ним что-то не то. У него такой холодный взгляд.

– Точняк! – подвел итог Крапива. – Все эти звезды... в них вселились пришельцы. И они сойдутся здесь, чтобы именно из Н-ска начать вторжение.

– Мне отец говорил, – сказал Ренат, – что раньше певцов

было мало. Ну там Кобзон, Магомаев. А сейчас их вон сколько. Твоя версия, – он набрался смелости и улыбнулся Алене, – кое-что объясняет. Наш российский шоу-бизнес – это хитрый план прикрытия, чтобы уничтожить человечество, а возможно, и жизнь на Земле.

Алена вмиг представила себе, как по городу маршируют тысячи одинаковых Сташевских. В черных плащах и с бластерами. Глаза у них горят зеленым нездешним светом, и они нечеловеческим голосом повторяют: «У меня нет друзей. У меня нет врагов».

Ее передернуло.

Алена представила, как бы на ее месте поступила Синтия Ротрок.

– Надо их остановить, – сказала она.

«Но у нас по-прежнему нет взрослого», – подумал Ренат. Но не сказал вслух. Он уже столько раз это повторял, что начинал всех злить.

Правда, поразмыслив, он решил, что сколько бы на эту планету ни залетело звезд эстрады, их все равно меньше, чем армий или даже полиции. Так что певцов недостаточно, чтобы захватить Землю или хотя бы один райцентр. А значит, план инопланетян в чем-то другом. Но в чем?

Ренат хотел поделиться своими мыслями. Но тут увидел, как в сумраке под фонарным столбом, всего в двадцати метрах от них, появился пес.

Ренат сразу его вспомнил: той ночью, когда они пришли

на стройку во второй раз, этот самый пес стоял в начале аллеи в лесу. Ренат еще сначала испугался, а потом подумал, что какой-то негодяй выгнал из дома сенбернара, когда тот вырос и оказалось, что он слишком много ест.

А сейчас сенбернар... Огромный как медведь сенбернар стоял под фонарным столбом. На территории садика «Чебурашка» кроме них не было никого.

Следующая мысль бросила Рената в озноб.

Могут ли пришельцы вселяться в сенбернаров?

Остальные сидели ко псу спиной и не видели его. А Ренат не мог ни пошевелить руками, ни издать ни звука. Он только смотрел туда. На пса, который вышел из круга фонарного света и черным зловещим пятном двинулся к ним.

Алена первой прочла ужас на лице Рената.

Она резко вскочила и встала почему-то в стойку «журавля», самую нелепую, хотя и красивую.

Ребята охнули. Особенно Ренат.

Они тоже вскочили.

И все четверо развернулись в сторону пса. Они стояли в разных позах, увиденных в кино или на уроках боевых искусств. Кроме Крапивы, который познавал мир на собственном опыте.

Им было страшно.

Им было очень-очень страшно.

Пока Крапива не начал первым. Он всегда начинал пер-

ВЫМ.

- Микеланджело.
- Леонардо.
- Донателло.
- Рафаэль.

Пес подошел к ним и сел.

- Очень приятно, – сказал он. – А я Страж Врат.

Часть вторая. Турбо

30 лет спустя. В доме у Рената

– Если б мне рассказали о таком, я бы ни за что не поверил, – сказал Ренат, наливая нам чай с шиповником из оранжевого заварного чайника в белый горошек. Кажется, такие чайники раньше были у всех, а потом исчезали, разбились или потерялись при переездах.

Ренат – один из немногих, кто остался в Н-ске, когда спустя много лет я вернулся, чтобы собрать по крупицам эту историю и рассказать ее. И никто лучше его не подходил на роль рассказчика. Он и его дом словно застряли в прошлом.

Вот, например, книги на его полках... Такие сегодня можно встретить только у букинистов, да и то не у всех. Вот Хайнлайн и Говард, Гаррисон и Нортон. Тома на дешевой бумаге, в пестрых обложках от Вальехо (его мы называли по ошибке Валеджо) и Джулии Белл. Эти обложки никогда не совпадали с содержимым.

А еще старые пластинки и кассеты. У Рената сохранились даже стойки для кассет. Когда мне было пятнадцать я бы отдал душу за все это, а в тридцать выбросил собственными руками. Я вспомнил, как Рената бесило, что коробки от кассет, вначале такие новенькие, так быстро царапаются.

Мы сидели на кухне.

– Страж Врат, – хмыкнул он, отхлебнув чаю. – Подумать только!

– Но ведь это было правдой, нам ведь не показалось. Я до сих пор помню, как...

До сих пор помню эти запахи. Все города пахнут по-разному. Южные широты бьют не только яркими красками, контрастом цветов, сумасшедшим небом, но и запахами, каких не было в Н-ске. Но Н-ск... Дорогой Н-ск! Я помню, как пахло весенним мхом и грибами в тот вечер на облезлой веранде садика «Чебурашка».

Я будто вновь туда вернулся и ощутил тот ужас, который мы испытали.

– Знаешь, – сказал Ренат. – Я уже потом, в институте, узнал, что Донателло, это скульптор эпохи Ренессанса. Блин... черт нас дернул тогда. Так нелепо.

– Да, вскочить и вот так сказать. Мне было очень страшно. Я думал, все, конец.

– Действительно страшно – это когда ты один, – сказал Ренат. – А если вас четверо, и правда на вашей стороне – все совсем иначе. Я тогда это впервые понял. До того только читал о таком в книгах про отважных пионеров, а тут вот осознал. Если ты на стороне Добра – которое с большой буквы, – то уже не боишься. Так все и работает.

– Ренат и его команда, – сказал я.

Ренат грустно улыбнулся.

– Сколько нас? – спросил он.

– Четыре!

– А сколько у нас мушкетеров?

– Четыре!

Потом мы пошли в другую комнату, где на стенах все еще висели плакаты из старых фильмов, а на книжных полках лежали номера давно не существующих журналов. Я мысленно окрестил это место «исторической консервной банкой».

Ренат полез в стол и достал несколько листков очередной рукописи. В школе я отчаянно завидовал его красивому почерку. Буквы у него были ровные, под нужным углом, как в прописях. Так писать могут только девочки. И Ренат.

– Я про страх говорил, – продолжил Ренат. – Тогда в первый раз подумал, что я не трус. Вот всегда думал, что трус, а оказалось, что нет.

Глава первая

Из Записок Рената.

За несколько месяцев до описываемых событий.

Декабрь 1994 года

Первый раз по-настоящему я испугался за полгода до описываемых событий. И, Боже, каким мелким и нелепым мне показался тот первый случай на фоне последующих ужасов, что мы пережили с Денисом, Крапивой и Аленой.

Все произошло дома у Валеры, богатого парня, приехавшего к нам с Большой земли, то есть из Питера.

Чем отличалась в девяностые богатая квартира? Не Сони Тринитроном против старого Горизонта, не полным набором киндеровских бегемотиков, охранявших на полке собрание сочинений Джека Лондона. И даже не Сегой вместо Денди. Хотя последнее – существенный показатель.

Обои, ребята! Богатая квартира отличалась обоями. Да и вообще мода на обои до сих пор отличает каждое новое десятилетие.

Советский печатный станок заклинило на производстве четырех видов узорных бумажных обоев в псевдо-викторианском стиле.

Эти обои были одинаковы и в вашем доме, и у родительских друзей в Москве, и у родственников на юге. Вы успели изучить их вдоль и поперек годам к семи, мысленно составляя из узоров загадочные, иногда страшные персонажи.

Обои у Валеры были розовые и без узоров. Эти мягкие прямоугольные подушечки превращали каждое прикосновение к ним в тактильный рай. Мы смотрели на видеомагнитофоне "Фредди Крюгера", и я украдкой их гладил.

Квартира Валеры, точнее, его Н-ских родственников, была непростая: от упомянутых обоев до упомянутого Сони Тринитрона, который рекламировали по телевизору. Тринитрон обладал магической особенностью выдавать сочное изображение, даже когда его показывали по совсем другому телевизору. Даже по черно-белому.

Именно к Тринитрону мы подключили приставку. И какая это была приставка! Спорю на пендель, вы о такой не слышали.

Сега тогда в нашем городе была только одна – встроенная в собранный из фанеры игровой автомат в холле местного бассейна. Было в ней всего две игры – "Флинтстоуны" по четным дням и "Соник" – по нечетным. Пять минут игры стоили рубль. Правда. У меня есть свидетели.

Рубль! Это, если кто помнит, 6 сеансов в видеосалоне и еще десять копеек останется.

А тут была другая приставка. Советская. Называлась она

"Кворум", и игры в нее загружались через аудиокассеты. Нужно было подключить "Кворум" к магнитофону, включить плэй, ждать полчаса и молиться, чтобы не было перепада напряжения. Иначе надо было отматывать кассету обратно и начинать с начала. Иногда приходилось ждать час или два, чтобы поиграть. Такой же "Кворум" был у Егора, а может, это был тот же самый, уже и не помню.

Валера был мастером правдивых историй и большим охотником привлечь к себе внимание. Ему не нужно было стараться, потому что дома у него было все. Но те два зимних месяца, что он, человек с Большой земли, провел в нашей провинции, Валера отрывался по полной. Едва он переставал быть звездой вечеринки, как немедленно придумывал что-то новое.

В тот вечер, после Крюгера, мы были готовы поверить во что угодно. И Валера это чувствовал.

– Под Ленинградом есть таинственное место, – сказал он, притушив свет дорогой люстры. – Это Пулковские горы, где ученые в тайне ото всех общаются с энлэошниками.

НЛО, Кашпировский и Иисус в те времена были властителями дум. Они всем скопом были той правдой, которую семьдесят лет скрывала от нас советская власть.

Четырнадцатилетний Валера рассказал, как он однажды был в экспедиции в тех местах и ночью с ним вышел на контакт энлэошник.

– Он сказал мне, чтобы я отошел от костра, потому что

огонь может его убить. Понимаете, на его планете не бывает огня, – Валера сделал паузу и отпил мажорного напитка Зукко. – И когда я вошел в лес, инопланетчик протянул ко мне свой тонкий светящийся палец и передал Великую Тайну.

– Чего? – спросил Бочкин, маленький круглый десятилетка, чье настоящее имя не вспомнят и летописцы. Бочкин верил решительно во все, что ему говорят старшие. Даже те, кто старше всего на несколько дней. Даже если они просто выше ростом. Или не выше. И младше.

Бочкин верил всем.

– Э, пацан, это такая важная и страшная тайна, что она способна изменить судьбу мира, – ответил Валера. – Но стоит тебе разболтать ее кому-нибудь, и инопланетянин придет за тобой и зажарит твои мозги.

Я быстро представил, как мои мозги жарятся. Ребята побледнели, Бочкин сделал шаг назад и прижался к стене, на которой висел Шварц из "Хищника".

Валера обвел нас торжествующим взглядом.

– А хотите я расскажу вам эту тайну? Прямо здесь и сейчас.

Мы не хотели, но никто не желал прослыть трусом. И потому мы просто молчали.

А потом мы забыли обо всем, потому что сели смотреть четвертого Фредди. Эта серия была самой жуткой. Там Фредди подвешивал детей за вены и использовал в качестве марионеток.

Мы молча смотрели фильм, на нервной почве выпили весь Зуко и перешли на бичовский Юпи. За окном медленно темнело. Стали названивать родители. То один из нас, то другой поодиночке отлучался в соседнюю комнату поговорить с предками.

К концу фильма мы были готовенькие. У меня из головы не выходила история про страшную тайну инопланетянина. Тайну, способную изменить мир и расплавить мозги.

Для пущего страха мы сидели при выключенном свете, и лишь экран телевизора и настенная ночная лампа освещали наши напуганные лица. Лампа, надо сказать, тоже была непростая. Как и все в доме у Валеры. Это были металлические пластины, вырезанные в форме огненных всполохов. И эти пластины не просто светились, а мерцали как огонь. Такие лампы я видел несколько раз в девяностые. Но уже потом – ни разу. Как говорят старики, таких уже не делают.

Пройдет много лет, и я, стоя у витрин магазинов электроники, буду пытаться найти похожие мерцающие лампы и вспоминать тот далекий вечер, когда Валера показывал мне, каково живется в доме у мажора.

Раздался девчачий крик, и из прихожей потянуло гарью и матюгами. Тут я обернулся и увидел новые всполохи огня. На этот раз яркие. Настоящие.

Визжал Бочкин. Матерился Валера.

Мы рванулись в коридор и увидели. Бочкин стоял заре-

ванный, а Валера – злой, красный и, впервые за два месяца, растерянный. Весь лоск с него сошел. А главное – гордость валериной квартиры (и даже не его, а родственников) – те самые розовые плиточно-подушечные обои – черной обугленной аркой окаймляли входную дверь.

Оказалось, что обои поджег Бочкин.

Как? Почему?

А дело в том, что Валера пока мы смотрели кино, разболтал Бочкину Великую Инопланетную Тайну. А Бочкин не выдержал и тут же по телефону рассказал ее маме.

А потом он испугался и решил бороться с инопланетянином огнем. Тот ведь испугался костра, и на его планете не бывает огня. Валера же сам сказал. Он старше на четыре года, а старшие не врут.

Оказывается, что пока мы были заняты фильмом, Бочкин отправился в ванную, нашел там одеколон и смочил им обои вокруг двери – на тот случай если пришелец ворвется в квартиру. Бедный Бочкин простоял весь конец фильма в прихожей и досматривал его через отражение в зеркале. Он уже собирался оставить затею, но тут ему показалось, что за дверью кто-то есть.

Ну и рука сама потянулась за спичками.

Мы уже спускались, когда я вдруг вспомнил часть его разговора в прихожей по телефону. "Синяя бездна без звезд", – сказал он тогда, я же услышал, но не придавал значения.

– Синяя бездна без звезд, – сказал я Бочкину, когда мы прощались у его двери (идти домой один он не хотел, а жил в соседнем подъезде на Дзержинского).

– Он тебе тоже рассказал?! – глаза Бочкина округлились.

– Да я краем уха услышал.

– Тогда он и за тобой придет.

– Кто? – спросил я, но холодок в груди уже подсказывал ответ.

– Инопланетянин со светящимися пальцами. Хотя, может, ты выживешь, ты ведь знаешь всего четыре слова. И, к тому же, ты никому не разболтал. Я ведь не считаюсь... наверно.

Я действительно никому не разболтал. Но недели две ложился спать, пряча под подушкой зажигалку и спрей от комаров. Спал я беспокойно. Разглядывал тени за окном и думал, как же звучит Великая Тайна целиком.

"Синяя бездна без звезд". А главное, как могла она изменить мир?

Инопланетянин не пришел ни за мной, ни за Бочкиным.

Точнее, инопланетяне пришли спустя полгода. Но совсем другие.

Воскресенье, 8 мая 1994 года

Сначала Алена позвонила с таксофона родителям ребят. Она сказала, что Денис, Крапива и Ренат останутся у нее до-

поздна, потому что репетируют некий спектакль. Она напле-
ла, что якобы они выиграли некий областной конкурс, и если
организаторам понравится постановка, то их пригласят аж в
Тюмень.

Эта история выставляла детей довольно ответственными
и целеустремленными. Они будут дома репетировать спек-
такль, а не черт-те где шляться.

У отца же Алены случился очередной кризис. И ему во-
обще не было дела до того, где его дочь.

Стало уже совсем темно. Музыка давно стихла, и послед-
ние прохожие спешили по домам. Некоторые из них огля-
дывались на девочку, которая стояла под козырьком телефо-
на-автомата в окружении трех ребят и огромного сенберна-
ра.

– Это не займет много времени, – сказал пес и повел их
в переулок.

Там они нашли скамейку, а пес принялся рассказывать,
как все было на самом деле.

Он был Стражем Врат. Охранял пункт гиперперехода
между звездными системами. К слову, в Солнечную систе-
му вообще запрещалось влетать. Люди считались слишком
юной расой.

Но еще менее развитыми, зато более технологичными бы-

ли шакхирианцы.

– Сразу видно, ужасная раса, – сказал Ренат. – В названии одни шипящие.

Пес поправил его, заметив, что расы не бывают хорошими или плохими. Считать иначе – расизм. Да и нельзя судить о ком-то по шипящим согласным.

В действительности шакхирианцы – это организация. Ее цель – порабощение малоразвитых существ на окраинах галактики, подальше от глаз Галактического совета и Стражей Врат, отважных, но малочисленных.

Галактика огромна, и жизни в ней очень много. Но ее окраины тянутся на миллионы и миллионы световых лет. Так что за всеми не уследить.

Самое ужасное, сказал Страж Врат, что недавно шакхирианцы изобрели некое новое Оружие Порабощения. Что это за оружие и как оно работает – неизвестно. Однако известно, что с ним для захвата Земли и пяти с половиной миллиардов ее жителей вовсе не нужна орда звездолетов.

Страж тут совсем один, а пока сюда доберется флот Галактического совета, будет уже слишком поздно.

Таким образом, вся надежда теперь только на маленькую группу детей.

– Таким образом, – заключил Страж Врат, почесав задней лапой за ухом, – вся надежда только на вас.

Воцарилась тишина, во время которой было слышно, как

высоко над ними из окна поет Газманов.

«Есаул, есаул, что ж ты бросил коня, пристрелить не поднялась рука», – укорял кого-то певец.

«По крайней мере, с нами теперь есть взрослый, – подумал Ренат, – да еще какой! Настоящий звездный рейнджер. Гроза космических пиратов».

В фильмах и книгах дети обычно сами выходили против зла. Инопланетян, бандитов и даже страшного клоуна побеждала обычная детская дружба.

Когда Ренат смотрел фильмы, в самый ужасный момент он говорил про себя: «Позовите взрослых. Срочно позовите взрослых». И в кино (если это было хорошее кино) у героев всегда находился веский повод не говорить взрослым. Чаще всего он был такой: «Они нам никогда и ни за что не поверят».

Но реальная жизнь – не кино. И они могут не справиться.
– Шакхирианцы строят эту штуку там, на стройке, – сказал Ренат. – И им нужно чтобы на концерте было как можно больше людей. Пришельцы с ними что-то сделают.

Ребята поежились, даже Крапиве было не по себе. Несмотря на то, что с ними был Страж Врат.

– Но ты же можешь нам помочь? – спросила Алена.

– Я помогу. Это мой долг, – ответил пес. – Только я тут один. Открыто и в одиночку мне трех шакхирианцев никогда не одолеть. А значит, будем действовать тайно.

– Ты же собака, – сказал Крапива. – Проникни туда, узнай,

что они там строят и уничтожь.

Пес умудрился усмехнуться. Совсем по-человечески.

– Думаете, я не пытался? – сказал он. – Кто-то из них всегда караулит логово. А сегодня там выставили охрану. Когда я проник в здание, один из них бросил в меня бутылкой. И чуть не попал. А еще обозвал меня «вонючей шавкой».

– Бедненький, – посочувствовала Алена и потрепала пса по гриве. – А ты не пробовал быть чуть посмелее?

– Я же сказал, – буркнул пес обиженно, – я тут один. А теперь мы – команда. Мы ведь и правда команда?

Он оглядел детей взглядом, полным надежды.

– Честно говоря, – сказал Денис, – нам пора спать. Утро вечера мудренее. Завтра все равно выходной. Встретимся в беседке утром, в десять.

– Согласна, – сказала Алена, которая спала в эти дни меньше всех. – Вряд ли за это время нас успеют поработить.

Сначала они пошли на Дзержинского. Там Алена, Ренат и Денис попрощались и разошлись по домам. А потом пес, несмотря на протесты Крапивы, проводил его до дома.

Когда Ренат вошел в квартиру, мать принялась было спрашивать его о спектакле, но, увидев, какой он усталый, быстро отстала. Он поужинал яичницей с жареной колбасой и горячим компотом. Клевал носом, пока пил компот. А по телевизору шел в это время «Кошмар на улице Вязов».

Там девочки прыгали через скакалку и повторяли счита-

лочку: «Пять, шесть – Фредди хочет всех вас съесть. Семь, восемь – кто-то к вам придет без спросу.

Девять, десять – никогда не спите, дети».

– Мне бы ваши проблемы, – сказал Ренат телевизору, помыл за собой посуду и отправился спать.

Прежде чем уснуть, он подумал, каким насыщенным получился его день. В него бы с легкостью уместилась неделя.

Он еще не знал, что в следующую неделю, если измерять ее в приключениях, у некоторых людей вместились бы целая жизнь.

Глава вторая

Понедельник, 9 мая 1994 года

На следующее утро они вновь встретились на пустынной веранде детского сада «Чебурашка». Страж Врат выглядел немного виновато, как может выглядеть только пес, укравший еду со стола.

– Я вчера малость смалодушничал, – начал он. – На самом деле я – единственный, кто может более или менее незаметно проникнуть на базу врага.

– Ну да, незаметно, – фыркнула Алена и улыбнулась. – Ты себя в зеркале видел?

– До некоторой степени я видел себя со стороны. Но вы-то еще дети, и я не могу оставлять вам самые опасные задания...

Мимо пробежала орава детей, пес тут же пригнулся и стал ловить зубами блох в правой лапе.

Около веранды остановилась девочка лет восьми, лохматая, чумазая, чем-то похожая на девчонковую копию Дениса. Она посмотрела на пса, прищурилась, потом перевела взгляд на затаивших дыхание ребят.

– А можно... – начала она.

– Вали отсюда, малявка, – сказал Крапива.

– Я покататься. Дай песика покататься.

– Это злой песик, смотри какой огромный. Он хрясь, и оторвет твою тупую башку.

– Ты врешь, я знаю таких песиков – это цембернарт. Они добрые, они мухи не обидят. Хочешь, я ему камнем заеду, он мне ничего не сделает, – девочка потянулась за булыжником.

Пес пригнулся еще ниже и пополз за спину Крапивы.

– Вали отсюда! – рявкнула Алена. – Он никого не катает. Он Афган прошел и нервный, укусит, и сама не заметишь, как без руки останешься.

– Да, – поддержал Денис. – Ты не знаешь, каких ужасов он в жизни повидал.

– У него сны про войну, – добавил Ренат. – Спит и ночью начинает орать человеческим голосом.

Девочка бросила булыжник на землю и рванула наутек. Когда она скрылась за поворотом, пес продолжил.

– Спасибо, ребята, – начал он, – думаю, мне пора набраться храбрости и пойти на стройку, разведать обстановку. Я буду там, а вы в школе.

– Я тут подумал и решил, что не хочу в школу, – сказал Ренат. – Училка же меня знает. И Дениса. Крапиве тоже не стоит появляться, хотя он и у другой училки.

– А я пойду в школу, – сказала Алена. – Буду следить за ней.

Алена еще вчера приняла это решение. Сначала она пред-

ставила, как будет сидеть в классе, всего в нескольких метрах от чудовища.

И поняла, что не боится.

И вовсе не потому, что Синтия Ротрок не испугалась бы. А потому, что она, Алена, уже однажды хорошенько врезала этой злобной твари. И может врезать снова.

И, к тому же, она будет в кабинете с липовой училкой среди бела дня и окруженная другими учениками.

Да и сидеть дома ей было куда опаснее, чем ходить в школу.

– Остается только утрясти все с родителями, – сказал Ренат.

– Да, – сказал Денис, – проблемка.

– А вот моим все равно, – усмехнулся Крапива.

– Мы и не сомневались, – вздохнула Алена.

Ренат никогда не врал родителям.

Стержнем семьи Рената была честность. Что бы ни случилось, ты всегда должен говорить правду, пусть и самую горькую (например, про тройку по математике). Даже ложь во благо, свойственную другим семьям, тут не принимали.

Но в последние дни, с тех пор как появились инопланетяне, этот стержень начал давать трещину. Если совсем чест-

но, все началось еще раньше – с истории с Бомбибомами, когда он не сказал родителям, что Крапива поставил его на счетчик. Он даже подумывал украсть из дома несколько книг и продать.

Какой нелепой и пустяковой казалась теперь Ренату та история. Даже с Крапивой теперь они почти подружились.

Ренат с ужасом осознал, как легко стала даваться ему мелкая ложь. Например, как он буквально на ходу придумал историю с мертвым котом, когда мать Габдула застучала их на пороге квартиры. Одно дело – мелкое мошенничество со сверстниками, вроде торговли самодельными картонками с Ван Даммом (но это была Дениса идея), а другое – врать взрослым. Они ведь не из детского мира, где все – только игра, и даже смерть условна.

Но ставки повышались, и теперь предстояло совершить самое страшное – прогулять уроки. И не один раз. И врать родителям.

Он все взвесил и решил для себя, что тотальные прогулы привлекут к нему внимание классного руководителя. А тот позвонит домой, и папа все узнает.

Ренат не знал, чего боится больше – гибели человеческой цивилизации или гнева отца. Вторая угроза казалась более конкретной.

Как именно «инопланетяне с шипящим названием» поработают цивилизации, Ренат не знал. Не знал этого и Пес. Так что представить себе можно все что угодно.

Это мог быть, например, вирус, который превращал людей в послушных рабов.

Ренат вмиг представил себе некий конвейер, в который рядами шагают дети, а выезжают существа с покорными, радостными лицами, похожими на маски. Дети с такими лицами пели песни в советских фильмах и в жутком клипе Пинк Флойд, который показали в «Марафон 15». «Что мне снег, что мне зной, что мне дождик проливной, когда all in all it's just another brick in a wall».

Ренат вернулся домой, пообедал и как раз успел к «Звездному часу». Все дети мечтали побывать на этой передаче. В соседней 23-й школе одному пацану даже удалось, и его за это побили.

Лучшим в этой передаче был финал. Ренат всегда представлял, как лихо он играет в финале. У противников не было бы шансов.

Ренат много читал. Правда, в основном, фантастику. Ну и еще кое-что из папиной литературы. И знал много умных слов.

Однажды в Пятигорске в гостях у бабушки они составляли слова из слова «Антигравитация». Бабушка сказала, что нет такого слова. Но он сказал, что нашел это слово у Уэлса в книге «Первые люди на Луне».

Бабушка, кстати, была учителем русского-литературы, как и Людмила Евстафьевна. Ренат с бабушкой на двоих при-

думали почти девяносто слов. Она выигрывала, и тут он написал слово «Вагина». Он покраснел. Она тоже. Она сказала, что нехорошо молодым людям материться и засчитала победу себе.

Потом он нашел это слово в словаре.

Но бабушка не любила проигрывать.

– Ну как ваш спектакль? – спросил отец, оторвавшись от Белля (это была скучная книга, никакой фантастики).

– Отлично, – сказал Ренат.

– Театр, это хорошо. И что вы ставите?

– «Собаку на сене», – сказал Ренат. Он совсем не был готов к вопросам и сболтнул первое, что пришло ему в голову.

– Лопе де Вега? – брови отца поползли вверх. – Хотя для начинающего театра сойдет.

Ренат смотрел фильм. А пьесу никогда не читал. Там не было фантастики.

– И кого ты играешь? – спросил он.

– Боярского, – буркнул Ренат, не отрываясь от экрана. Там победителю уже вручали новенькую Сегу.

Ренат делал вид, что страшно этим заинтересован. На самом деле он весь напрягся – имен героев он не знал. Кроме некой Дианы, имя которой в фильме повторяли раз сто.

– Теодоро, стало быть, – сказал отец.

Ренату было очень-очень стыдно. Ему казалось, что уши у него горят так ярко, что отец видит их свет. И обязательно

его разоблачит.

Ренат не отрывался от телевикторины, потому что боялся повернуться к отцу.

– А кто у вас художественный руководитель?

– Мы сами по себе, – сказал Ренат.

А потом понял, что теперь он уже человек пропащий, без стыда и совести, и тогда его понесло:

– Алена раньше театром занималась, у нее есть опыт. И она взяла все в свои руки. У нас была настоящая читка у нее на кухне. Мы сидели и читали друг другу свои роли. Алена сама будет играть Диану, – из него так и полились подробности фальшивой театральной жизни. – Но мы будем делать сокращенную версию. Некоторых персонажей придется выбросить, потому что у нас не хватает актеров. Всяких слуг и служанок. А Денис будет играть сразу всех трех ухажеров. У него хорошо получается говорить на разные голоса.

– Да, это здорово, – сказал отец.

– В общем, нам еще есть куда стремиться.

По телевизору пошли титры: «Ночь пройдет, и стану я на день взрослей. Сказка придет и уйдет, и детство уйдет вместе с ней».

А Ренат боялся повернуться, чувствуя, как его детство уходит прямо сейчас.

Его выручила мать, позвав к телефону.

Эта история могла бы закончиться тогда, в далеком 1979-м, когда советские чекисты засекретили «Дело об огнях Усть-Нахимовки». Или на прошлой неделе, когда мы получили неопровержимые доказательства того, что пришельцы посещали Землю. Но недавно в распоряжении редакции попали новые документы и леденящие душу подробности.

Доселе нам было известно, что пришельцы прилетали в эти широты дважды – в 1964-м и 1979-м. Но оказалось, что в областном архиве работает наш верный, но анонимный читатель. Именно он передал новые документы.

Дело было в 1949 году. Тогда по всему СССР прокатились лагерные бунты. Задели они и наши края. Почти 200 «зэков» прорвали ворота и выбрались на свободу. Половина из них была физиками, еще четверть лингвистами. От майских морозов не спасла их ни теория относительности, ни знание старо-валлийского. До Большой земли из них добрался только один – кибернетик Григорий Оттович Баумиц. В больнице, прежде чем отойти в мир иной, он рассказал врачам, что видел в небе огни и слышал гул. Словом, его показания полностью совпали со словами лесничего Вялинка.

Но и это еще не конец. В том же областном архиве оказались фотографии огней в небе, с надписью «Малая-КамышА/Усть-Нахимовка, май 1934 года».

То, что пришельцы приходят ровно день в день каждые 15 лет, говорит о некой закономерности, на которую нам еще предстоит пролить свет.

Продолжение, конечно же, следует...

«Тайны Югры» 21 апреля 1994 года

Денису не пришлось искать повод пропустить школу после майских праздников. Дело в том, что сразу после утренней встречи на веранде он отправился играть следующий раунд чемпионата по шашками. И игра удалась.

Причем, удалась настолько, что организаторы турнира пригласили его на финал чемпионата в Тюмень.

Когда в обед он вернулся домой, там отчетливо пахло канифолью. Значит, папа снова взял работу на дом.

Денис снял ботинки, вошел в гостиную, взял с полки комикс «Парк Юрского периода» и сел в кресло. Мамы не было дома, вот она придет, и он им обоим скажет, что уезжает в Тюмень, чтобы выиграть там нормальный телевизор.

«Парк Юрского периода» Денис перечитывал в седьмой раз. У него было только два номера, потому что покупать оставшиеся было накладно. Удивительно дорогая штука эти комиксы. Ты их читаешь, и они заканчиваются за полчаса, а стоят как толстые книги. Никаких денег на них не напасешься. Оригинальный фильм Денис еще не смотрел, и ему было

жуть как интересно, удалось ли злодеям отключить систему безопасности парка. Денис догадывался, что как только это случится, чудища вырвутся наружу.

Отец, невысокий седеющий мужчина с ровной круглой лысиной на макушке, работал паяльником над схемой. Схема показалась Денису знакомой. Не может быть. Сердце его сжалось. Вот они ряды серебристых цилиндрических конденсаторов, а вот еще квадратные красные конденсаторы. Судя по всему, это был пал-секам модуль.

Модуль был чашей Грааля, вратами в мир чудес – телевидение, по которому постоянно крутили «Хи-мэна», «Черепашек ниндзя» и бездну крутейших японских мультиков про роботов, которых Денис видел только на наклейках.

У немногих счастливиц были японские или корейские телевизоры, а оставшиеся подключали к своим советским ящикам эти модули. Стоили модули неподъемные 70 долларов, да и то были в страшном дефиците.

– Пап, а ты что делаешь?

Папа что-то бормотал себе под нос про резисторы, и ответил не сразу.

– Да вот, – он махнул рукой в сторону схемы. – На дом работу взял, там не успеваю.

– А ты знаешь, что это?

– Это такая штука, ее подключают к телевизору.

– Я знаю, чтобы каналы разные смотреть.

– А, ну, знаешь, молодец.

Он вновь было завис над платой.

– Пап, а мы можем ее себе оставить?

– Не можем. Она дорогая и потом сломанная. Надо починить.

– Тем более что сломанная. Скажи, что ты не смог ее починить и оставь себе.

Отец отложил паяльник и повернулся к сыну.

– Так, послушай меня. В жизни все не дается вот так, раз и сразу. Соберем денег, и когда дело дойдет до пал-секама, купим тебе пал-секам. Я не собираюсь ради каких-то паршивых мультиков рисковать работой.

– Некоторым, – сказал Денис, – дается все и сразу.

– Мы не некоторые.

Денис отложил комикс.

– Ты никогда не пробовал быть некоторым. Даже не попытался.

Он прочитал тоску в глазах отца. Они что-то там пробовали, три или четыре года назад, когда Денис был маленьким, пробовали и обожглись. По косвенным признакам, отдельным фразам, брошенным родителями, он предположил, что они во что-то там вложились и здорово прогорели. Они берегли его от лишней информации. Денис даже предположил, что может они в какой-то момент голодали, а он этого даже не заметил.

Прогорели, значит. И с тех пор больше не пытались. Уборщица, так уборщица, тихое гарантированное место для про-

стой женщины, которая не хочет рисковать. А на папу вообще можно навешать любую работу, и он за нее возьмется и даже домой принесет.

Когда папа так смотрел, то со своим вздернутым, но крупным носом был похож на старого, замученного жизнью бобра. «Как же мне надоели эти плотины», – говорил его взгляд.

– Я тебе вот что скажу. Мультки отвлекают от учебы. А ты на тройки учишься. Сколько у тебя по математике?

– Я нормально учусь.

– Но можешь лучше.

– И так сойдет!

– Но ты даже не попытался, – отец торжествующе улыбнулся.

Вот так, подумал Денис, на работе, небось, сидит себе, пашет как Папа Карло, а дома самый умный.

Мама пришла. Денис дождался, пока она не снимет обувь и выпалил:

– Я в Тюмень еду.

– Ага, молодец, – сказала она машинально. – Что?!

Отец посмотрел на него с любопытством.

– Если... – начал Денис. Он чувствовал, что не должен этого говорить, но плотина дала трещину, а потом рухнула. – Если вы не покупаете телевизора, я сам его выиграю. Тот самый Тринитрон из рекламы, который красиво показывает даже по другому телевизору.

– Это ты когда в Тюмень-то собрался? – спросил отец.

– Вот прямо завтра.

– Прямо завтра?

– Да, я утром сяду в поезд и к обеду буду уже в Тюмени.

Он посвятил родителей в шашечные успехи, рассказал, как лихо обыграл то одного противника то другого. А отец, пока слушал, из старого грустного бобра превращался в бобра средних лет и даже немного веселого.

– И ты вот так один поедешь в другой город? – спросила мама.

– Нет, нас из Н-ска трое, и еще один взрослый будет из организации «Друзья отечества».

– Друзья отечества, говоришь, – сказал отец, – это хорошо.

Правильное название.

Денис было решил, что родители будут ругаться, даже запретят ехать. Когда шанс получить желанное так близок, кажется, что вот сейчас кто-то тебя остановит. Но они быстро согласились.

Мама пошла к нему в комнату собирать вещи в дорогу. Она сразу потянулась в антресоль за свитером.

– Мам, оставь, я сам. И потом уже лето.

Мама вспомнила что пора делать ужин, вышла было, но остановилась на пороге.

– Знаешь, ты не подумай, что я взваливаю на тебя лишнее, – начала она и замолкла, очевидно, обдумывая слова, – Но если ты выиграешь, этот телевизор будет первой дорогой мебелью в нашем доме.

– Мам, телевизор не мебель. Мебель – это столы, стулья, сервант.

– Да? Так вот, если не выиграешь, ничего страшного, запомни. Это не будет трагедией. Мы что-нибудь придумаем. Главное – не взваливай на себя лишнее.

– Когда, мам?

– Что «когда»?

– Когда вы что-нибудь придумаете? Мне уже стыдно домой друзей звать. У Рената два телевизора и приставка. И дело не в приставке. У нас стенка старая, кресло без ножек и подлокотник шатается. У нас ничего нет.

– Ну зачем ты так... и потом Ренат к нам приходит.

– Ренату можно, он свой. И ничего вы не придумаете. Пришли вот один раз друзья, да. Два года назад. Я их абрикосами угостил, а ты меня отругала.

– Боженьки. Абрикосы. Неблагодарный. Я целый месяц на них копила, специально для тебя, чтобы ты их поел. А ты все раздал.

– Я тогда еще маленький был, не понимал. Я думал, покажу им, смотрите, у нас, может, все раздолбано, зато абрикосы есть.

– Я копила...

– Когда ты перестанешь копить? Не можешь, я сам все решу, и все у нас будет. И абрикосы и Тринитрон.

Мама ничего не ответила. Она стояла на пороге, пока он доставал из-под кровати чемодан и стал складывать в него

вещи. Она молчала, но он знал, о чем она думает. Думает, что он станет вором, – сейчас многие становились ворами. А если не вором, то мошенником. Хотя, какая разница.

Что бы сказал об этом Иисус?

Звонил Денис. Его было плохо слышно сквозь «Этот день победы... Порохом пропаяаах».

– Я на балкон вышел, чтобы родители не слышали, – кричал в трубку Денис.

– Это я понял. Что случилось?

– Я это... Вы же меня не спросили, как я вчера сыграл. Так я всех обыграл. Ну и еще две ничьи было...

– Ты про что?

– Шашки, я же в шашки играл! Ну вот еще и сегодня. В общем. Я уже в двух шагах от телевизора. Сегодня было всего две игры. Одна победа и одна ничья.

– Ну, поздравляю. А я тут при чем?

– Я еду в Тюмень, завтра. Там будет финал. Патриотическое общество «Друзья отечества» должно мне телевизор. Я не думаю, что пока меня не будет, пришельцы успеют захватить Землю. К выходным вернусь.

Ренат еще раз поздравил Дениса, и они попрощались.

«Хоть у кого-то все хорошо», – подумал Ренат.

Нет ничего хуже, чем когда у друзей все хорошо, а у тебя все плохо. Ренат поймал себя на мысли, что завидует Денису. Своим отъездом тот решил проблему прогулов.

«Наверно, я плохой человек», – подумал Ренат.

Удивительно, но в тот же день той же мыслью задался и Крапива.

Но случилось это совсем при других обстоятельствах.

Крапива встретил свою банду. Странно, что это не произошло раньше. Возможно, весь город был занят праздником, и коллегам Крапивы было не до него.

Самое ужасное, что среди тех, кого встретил Крапива, был Тимур-малой. Собственной персоной.

Глава третья

Из Записок Рената.

За несколько месяцев до описываемых событий.

Тимур-малой

Тимур-малой был продуктом своей эпохи. Хулиганистым пацаном, возможно, тем самым, который в рекламе Херши-колы катался по классу на коленях. Тем самым – кто пришел к успеху в ту безумную эпоху.

И сегодня, вспоминая Тимура-малого, я думаю о том, как мало всего у нас было в то время. А меньше всего – денег.

Ребенку в 90-е всегда нужны были деньги. На видеосалон, на «Мортал Комбат», на много всякого. Но у родителей денег не было. И приходилось действовать самим.

Советские дети, тимуровцы, помогали старшим бесплатно. Мы, дети 90-х, делали это за деньги. Перевел пожилого человека через дорогу – рубль, помог поднять сумку на пятый этаж – два.

Наши старшие вспоминают 90-е, приговаривая "хочешь есть – умей вертеться". И они "вертелись". Ездили челнока-

ми в Турцию, работали в ларьках и крышевали их. Вклады-
вали в Хопер-инвест.

Но не знали, что мы, их дети, делаем то же самое.

– Есть пачка наклеек с Ван Даммом, – сказал шепотом с
задней парты Денис. – Четыре рубля за десять пачек.

– Всего? Что с ними не так?

– Ну там это...

– Не тяни.

– Брак. Плохо клеятся.

Людмила Евстафьевна тем временем вещала у доски что-
то про Некрасова и голодные русские деревни девятнадцато-
го века. До того дня, когда она стала оборотнем, оставалось
еще несколько месяцев.

– Мы купим их, – сказал Денис, – возьмем в типографии
красивую бумагу, наклеим на нее и будем продавать как кар-
тонки. Скажем, что так и было.

– Дэн, нас побьют.

– А мы не здесь будем продавать. В тридцатом микрорайоне.

Меня передернуло.

Если и есть где-то на Земле вход в Ад, то он находится в тридцатом микрорайоне. "30 м. н.п." – говорилось в конце каждого газетного объявления о жилье. То есть "30-й микрорайон не предлагать".

Этот микрорайон стоял на окраине города, окруженный болотами и тайгой. Говорят, что в особо холодные зимы туда забредали волки и живьем уволокивали в лес заблудших алкашей. Считалось, что волки хорошо ориентировались в важных праздниках, вроде дня сталевара, радиолобителя и именин Анджелы Дэвис. Они караулили перекрестки каждый вечер пятницы.

Бетонные дома, п

остроенные в начале восьмидесятых, к середине девяностых уже стояли погруженными в болота по половину первого этажа, а сверху их накрывали сугробы.

Жили в 30-м микрорайоне самые опасные ребята. Лица у них были такие, будто именно они убили Бельмондо и Каттани.

Попадая в 30-й микрорайон, ты всегда был начеку, а в го-

лове твоей беспрестанно звучала музыка Морриконе. Та самая.

Но Денис был крут. Когда дело касалось денег, он ничего в жизни не боялся.

Мы должны были отправиться продавать «кардонки» с Денисом. Но его не пустила мама.

В чужом районе надо следовать двум простым правилам. Первое: не улыбайся. Второе: если идешь по чужому кварталу и увидел компанию пацанов – подойди к ней. Не проходи мимо, как последнее чмо. Тебя поймают и побьют. Так что, притопай и спроси что-нибудь сам, заведи разговор. Если над твоей шуткой посмеялись – все, бить не будут. Но никогда, никогда не улыбайся первым!

То была холодная осень 93-го. Я стоял за ржавой трансформаторной будкой, и двое микрорайонских ребят постарше разглядывали мои «кардонки». Наконец один протянул мне их обратно и сказал:

– Мы таких никогда не видели. Картонки бывают с черепашками-ниндзя, ну или там...

– С Барби, – подсказал второй.

– Наверно, – кивнул первый, – А картинок с Вандамом я

еще не видел. Могут не пойти.

– Рынок не примет незнакомый товар, – пояснил второй.

Это были девяностые. Дети хорошо владели как ножичками, так и экономическими терминами.

– Но цена хороша, – заметил первый.

– Да, надо бы Тимуру-малому показать.

От этого имени меня охватил ужас. Был у нас в городе и Тимур-большой (который еще встретится в этой истории). О нем я только слышал. Говорили, что он крышевал ларьки и заправки, что его боялись менты, что он побывал в Афгане и даже во Вьетнаме. И что он мог взять на гитаре загадочный аккорд барэ.

Так вот – Тимура-малого боялся даже он.

Меня повели к Тимуру-малому.

Мы зашли в лес. "Вот тут я и умру", – пришла мысль, когда мы остановились на опушке. Одновременно испытал облегчение – "зато не придется встречаться с Малым".

– Здесь, – сказал один из парней и указал на землю.

Второй подошел, стал разгребать опавшие еще в том году и успевшие почернеть листья. Под ними оказался люк.

"Халабуда" – вздохнул я с облегчением. Халабудами в нашем городе называли подземные станции, где пролегали теплые трубы, и куда в холодные (то есть в любые) зимы мы спускались, чтобы погреться.

Мы уселись в центре квадратного помещения, освещенного единственной лампой и тонким лучом пробивавшегося сверху света.

Шедшие вдоль стен трубы блестели влажной черной изоляцией. Там, где она была порвана, торчали наружу рыжие хлопья стекловаты.

Я старался держаться от нее подальше. Говорили, что от стекловаты руки чешутся потом целый месяц.

Что-то скрипнуло. Сверху ударил сноп света. Длинная тень упала вниз. Затем в этом свете, словно в луче софита, появился пацан ростом с меня. Он был тощий, а его оттопыренные уши просвечивали розовым. Я не сразу заметил две высокие фигуры по бокам от него. Одна шевельнулась, и искра от зажигалки осветила бородатое лицо.

– У нас гости, – полуспросил Тимур-малой.

Ему рассказали обо мне, показали товар.

Он долго рассматривал картонки, переворачивал, проверял не отклеиваются ли. Но я это предвидел и приклеил наклейки так аккуратно, что получилось без стыков.

А потом Тимур-малой посмотрел на меня и нехорошо улыбнулся.

"Вот тут-то меня и закопают", – снова подумал я.

– Какое совпадение, – протянул он. – Точно такие наклейки несколько дней назад мы продали в Двадцать пятую школу. По пять рублей за десять пачек.

"По четыре", – хотел поправить я, но спохватился.

– А, – заметил я глубокомысленно. – Только это не наклейки, а кардонки.

Еще никогда Штирлиц не был так близок к провалу.

Тимур-малой смотрел на мои руки.

– Я вижу, ты рукастый малый, – сказал он. – Будешь жить.

Следующий месяц домашних заданий я не делал. Я не выходил играть на улицу. Дважды пропустил воскресный Дисней и не заметил, как Чипа и Дейла сменили «Чудеса на виражах». Но я был счастлив.

Мы делали картонки. «Мы», потому что у меня в спальне образовался целый подряд пацанвы с конвейерным производством. Одни резали, вторые клеили, третьи гладили утюгом, четвертые продавали.

У меня водилось столько денег, сколько не было у некоторых взрослых.

Потом все закончилось.

А спустя какое-то время (уже после истории со вторжением пришельцев) Тимур-малой с улиц пропал.

Одни говорили, что он не поделил бизнес с Тимуром-большим и бежал в Нефтеюганск, другие – что, спасаясь от милиции, он ушел в лес, там отрастил бороду и вконец одичал.

Но, возможно, его не отпускала мама.

Понедельник, 9 мая 1994 года

Крапива встретил Тимура-малого в той самой халабуде. Тимур был печален.

– Говорят, ты сдал, – сказал Тимур-малой. – Пацаны докладывают, что ходишь ты преунылый, что связался с лохами.

Крапива не боялся Тимура-малого и врал легко.

– Со мной все в порядке, – сказал он. – А лохов, о которых тебе через мою голову сучат мои ребята, ты хорошо знаешь. Насколько я помню, это они принесли тебе немалые барыши с Ван Даммов.

– А, – внутренне улыбнулся Тимур-малой. Улыбаться лицом он не умел. – Мастера картонок. Ну и как они там?

– Живут-здравствуют.

– И на кой они тебе сдались?

Любой другой на месте Крапивы выбрал бы один из двух вариантов. Либо придумал бы историю о том, что есть хитрый плат с прибылью (а без нее было никак). И наваром он непременно поделится с Тимуром-малым.

Второй вариант – признаться во всем, начать каяться и развозить сопли по лицу. В пришельцев Тимур-малой никогда бы не поверил. Он верил в прибыль.

Крапива выбрал третий путь.

– Сам разберусь, – сказал он. – Двадцать четвертая школа – моя. А твоя зона – тридцатый микрорайон.

Крапива не боялся Тимура-малого.

В отличие от Рената, «Дюну» Френка Герберта Крапива не читал. Он вообще не любил (и почти не умел) читать. Но до аксиомы, что «страх убивает разум», дошел сам.

Если избавиться от страха, то видно многое. Что Тимур-малой иногда путает значения блатных словечек, что пару раз он соврал, что знает кого-то из воров в законе. Что жестами косит под героев Де Ниры, а выпячивает нижнюю губу как Корлеоне. Что очень много в Тимуре-малом напускного. Как это бывает с любимыми бандитами. И с пацанами двенадцати лет.

Тимур-малой внутренне улыбнулся.

– Все тот же старый добрый Крапива, – сказал он. – Не знаю, что задумал, но ты нарываешься, – он посмотрел на людей Крапивы, которые стояли тут же. И посмотрел недовольно. – Только имей в виду, если навар будет очень уж большим, за ним приду не я, а рыбки покрупнее. Так что ты не зарывайся и помни, кто твои друзья.

Когда они выбрались из халабуды, Крапива нехотя разбил нос сначала одному из своих людей, затем другому. Так было нужно, чтобы не потерять авторитет.

Уже уходя, Тимур-малой повернулся и сказал:

– Да и еще. На днях будет для тебя поручение. Барыши жирные, на всех хватит. Я с тобой поделюсь.

Очевидцу могло бы показаться что Крапива победил.
Но нет, это

была лишь тактическая победа. Завтра всплывет еще что-нибудь, что скомпрометирует Крапиву, и тут уже разбитыми носами не отделаешься.

Глава четвертая

Дорогие юные читатели – эта новость для вас. Американская компания «Порог» приступила к съемкам фильма «Смертельная Битва», по мотивам одноименной компьютерной игры, так полюбившейся молодому поколению. Известно, что заглавные роли в нем сыграют Жан-Клод Ван Дамм (Джонни Кейдж) и Синтия Ротрок (Соня Блейд).

Тюмень, Журнал «СибСофт», 10 мая 1994 года

Вторник, 10 мая 1994 года

– Я – Ненси, – сказала себе Алена, собираясь в школу.

Она чувствовала, что готова явиться на урок русского, который ведет оборотень. Готова как Брюс Ли, когда он вошел в Башню Смерти, как Соня Блейд перед встречей с Шао Каном.

Да, ей было страшно.

Но оставаться дома было еще страшнее. Потому что у них оставались ночевать друзья отца.

И ты не знаешь, как быть с ними, когда они ломятся среди ночи к тебе в комнату, а потом говорят, что перепутали дверь. С оборотнем все понятно: врезал арматурой по затыл-

ку и дело с концом. А эти... Они говорят, мол, просто пришли спать, потому что не идти же среди ночи домой, а ты тут вообще не главная, чтобы нас прогонять.

Сама она перебралась на балкон вместе с одеялами, и всю ночь там проспала неглубоким сном. А утром, чуть стало светать, побежала на кухню готовить завтрак всей отцовской компании, пока те еще не проснулись. Собрала с собой стопку бутербродов на завтрак и обед.

Так что, если оборотень, который вселился в Людмилу Евстафьевну, будет вести себя особенно буйно, она готова поколотить его прямо в классе. Как она уже сделала однажды.

Потому что она храбрая. Как Синтия Ротрок.

И вообще, она – Ненси.

А Ренат весь день в школе всячески избегал третьего этажа, где как правило обитала Людмила Евстафьевна. Даже туалетом он воспользовался тем мерзким, который на первом, и где у кабинок не было дверей.

Но то была оправданная жертва. Училка-оборотень не должна была его увидеть.

Там же, на первом этаже, обитал, как правило, и Крапива со своими дружками.

Дружки были на месте, а вот Крапива куда-то пропал. Да и Денис уехал в Тюмень до конца недели.

Ренат с ужасом думал о том, что они все теряют время.

Бездельничают. А флот вторжения, возможно, уже на орбите Юпитера.

Сидя на уроке музыки, он представлял себе как громадные звездолеты на полной фотонной тяге движутся к Земле. Он несколько раз посмотрел в окно, но летающих тарелок не увидел.

Ренат был одним из немногих в классе, кто любил уроки музыки. Он на них блистал. Потому что мог отличить три четверти от четырех. А однажды, когда учительница затеяла на уроке викторину, правильно угадал к какому времени года относится каждая из композиций Вивальди.

Каждый преподаватель уверен в том, что именно его предмет самый главный, и всегда напоминает об этом родителям на собрании. «Ваша дочь, конечно, замечательная. Но в ее сочинениях так много ошибок». «На физике и только на ней стоит наш мир». А математика – так это вообще «царица наук».

На этой ярмарке тщеславия для предмета Тамары Георгиевны не оставалось места. И Тамара Георгиевна год назад начала экспериментировать. Что-там у молодежи модного? Рок. Отлично, будет им рок.

Рок для Тамары Георгиевны делился на плохой и хороший. К плохому року относился «весь этот ваш металл». Был для нее и хороший рок. Гарри Мур, «Смоки» и группа «Скорпионз», у которой все прекрасно, кроме названия.

Сегодня она добралась до мюзикла «Звезда и смерть Хо-

акина Мурьеты», который считала правильной советской рок-оперой. Ренат уже слышал эту музыку у некого Эндрю Уэббера на папиной видеокассете «Иисус Христос – суперзвезда». Но спорить с учительницей не хотел, потому что думал о вторжении пришельцев.

К тому же у оперы был важный для Тамары Георгиевны контекст. Она (опера и учительница) говорила о борьбе отважного героя с ястребами капитализма, угнетающими рабочих и крестьян далекой Калифорнии.

В затылок Рената ударилась записка. Он нагнулся, взял ее и развернул. «Ты сегодня не блистаешь. Что-то случилось?», – говорилось в ней. И далее шла подпись: «Катя».

Катя проявляла к Ренату особый интерес, но происходило это почему-то только на уроках музыки.

Он перевернул записку и написал на обратной стороне: «Голова забита войной с пришельцами. Р.» и, когда учительница отвернулась, бросил записку Кате.

Так они и перекидывались посланиями до конца урока.

«Я трачу время, – думал Ренат, – пришельцы строят козни, а все куда-то подевались»

Он только сейчас вспомнил про Ненси.

Сегодня Людмила Евстафьевна совсем не походила на оборотня. Она улыбалась и вполне по-человечески рассказывала о дуэли Онегина с Ленским.

– Все грехи этого мира рождаются из мелочей, – говорила

Людмила Евстафьевна. – Кажется бы, безобидный флирт с чужой невестой привел к великой трагедии, – она говорила это, но смотрела вовсе не на класс, а в окно. Пару ребят, которые думали, что она их не видит и можно шептаться, Евстафьевна уже успела выставить за дверь, – Из этого мы делаем вывод – дамы должны быть всегда бдительны и не позволять себе лишних разговоров с посторонними мужчинами.

Алена считала иначе. Как по ней, то Онегин был редким проходимцем, столичным мажором, дорвавшимся до простых сельчан и несчастной дуры Ольги. Это же было очевидно. И непонятым оставалось лишь одно – как Людмила Евстафьевна превратилась не только в монстра, но и в ханжу.

Умение превращаться в чудовище казалось чем-то потусторонним, почти неправдоподобным. На этом фоне кажется более убедительным, и оттого страшным, когда человек становится лицемерным злыднем. Эту проблему не решить ударом арматурой по затылку.

– Если у тебя, провинциальной девицы, ветер в голове, – говорила оборотень, – это твои проблемы. Только будь добра, умей отвечать за базар.

Настоящая Людмила Евстафьевна никогда бы себе не позволила выражения «отвечать за базар». Это же не из ее лексикона. Неужели другие этого не видят?

Другие наверняка видели, но виду не подавали.

– В галактике есть места... – вдруг продолжила учительница. – Ну, представим себе это. Так вот, в галактике есть

места, где совсем не существует полов. А значит, убийств. И войн. Все живут мирно, ради общей цели, как единый организм.

«Так вот куда ветер дует! – поняла Алена. – Единый организм, стало быть».

– И поэзии, значит, тоже нет, – раздалось с камчатки, – Пушкина, Лермонтова.

Это говорил Андрей, троечник, который много читал, но не гнался за оценками.

Людмила Евстафьевна будто смутилась, потом кивнула.

– Да, представьте себе, – сказала она, – и поэзии тоже. Но вот что я вам скажу, детишки. Как сказал один мудрый человек, если Лувр будет гореть, я спасу из него кошку, а не Рембрандта.

«Эта тварь, – подумала Алена, – на редкость хорошо знает наш мир. Она всю использует память Людмилы Евстафьевны, но только в своих целях. Или они долго наблюдали за человечеством, прежде чем напасть».

Алена решила, что нужно поделиться этим соображением с Ренатом, раз уж они договорились, что она будет ходить на уроки, чтобы наблюдать за училкой. Ренат был самым умным в их компании, хотя и немного трусливым. Зато в пришельцах разбирался лучше всех, потому что все время про них смотрел или читал.

Они встретились в столовой, где в тот день давали пюре с

вареными котлетами и клюквенный компот.

– Ну как там наш оборотень? – спросил Ренат.

– Они хотят сделать нас бесполоыми, – сказала в ответ Алена.

– Ну-ка, давай поподробнее, – заинтересовался Ренат и почему-то покраснел.

Алена как могла процитировала слова Людмилы Евстафьевны.

– Общая цель, говоришь? Единый организм? – Ренат задумчиво кивнул. – Стало быть, они собираются превратить нас в коллективный разум.

Про коллективный разум он узнал из фантастических рассказов. Как правило, те истории были жуткими. Люди там были что муравьи, подчиненные единому интеллекту.

– По крайней мере, мы теперь знаем их цели. Осталось только узнать, с какими новостями придет наш Страж Врат.

Он еще вспомнил о Крапиве. Тот куда-то пропал с самого утра.

В эти минуты ни Ренат, ни Алена, ни Денис, ни даже Страж Врат не знали, что увидят Крапиву еще не скоро. А когда увидят, будет уже слишком поздно.

Глава пятая

Вторник, 10 мая 1994 года

Ничто не предвещало беды, пока рано утром на пороге дома Крапивы не появился сам Тимур-большой. Долговязый, лысый, как всегда одетый с иголки – в шикарных армейских ботинках, джинсах и черной косухе. В руке у него была желтая ленинградка³, которую он только-что у кого-то отжал.

Первым делом он похвастался трофеем, а потом рассказал Крапиве план.

В город оказывается завезли страшно крутую и страшно дорогую музыкальную технику. Грех такое не стащить.

Технику держат в гаражах. Только не в тех, что за микро-районом, а в больших у причала.

– Там этого добра хоть залейся, но времени у нас будет мало. Потому нужно максимальное количество рук. Максимальное, понимаешь?

– Хорошо, – сказал Крапива, потер руки и для пущей убедительности хитро улыбнулся.

С убедительностью не сработало.

³ Гитара производства Ленинградского завода.

Тимур-большой изучал лицо Крапивы.

– Что-то ты мне не нравишься. Тут ходят слухи что ты сдал.

– Да не, я в деле.

– Вот и отлично. На гаражи идем сегодня ночью.

– Как, сегодня? Почему так быстро?

Тимур-большой улыбнулся.

– Потому что с выходных все знают об этом плане, да тебе не говорят, – он похлопал Крапиву по плечу. – Ты не обижайся, но была версия, что ты заделался стукачом. Только вот Малой за тебя заступился. Говорит, что он тебя насквозь видит, и ты не стукач.

Крапива пошел бы на дело вместе с «тимуровцами». Но что будет, если их поймают? Тогда команда спасателей человечества – Денис, Ренат, Алена, Пес – останется без него. И они не справятся.

Вся эта аппаратура не стоила такого риска.

– Раз вы мне сообщили только сейчас, то имейте в виду – у меня дела. Я не могу вот так взять и сорваться.

– Ты что, баба? – сказал Тимур-большой. – Обиделся?

Прям как лох.

– Сам ты лох, – отозвался Крапива, хотя понимал, что может отхватить за это.

Тимура-большой сжал кулаки.

– Может, ты и не стукач, – сказал он, – но точно сдулся. –

Тимур сплунул на пол подъезда прямо у порога. – В любом

случае нам в деле такие, как ты, только мешать будут. Ты – лох, Крапива. Так и запиши.

Он подхватил гитару и скрылся в глубине подъезда.

Вторник 10 мая и ночь на среду 11 мая 1994 года

Одно дело, когда хорошую музыку слушаешь только ты. Другое, когда она доступна всем.

Если уж ты напоролся на потрясающую песню, то твоя святая обязанность – сделать ее достоянием общественности.

Микрорайон 7А состоял из однотипных дворов, будто размноженных под копирку. Дома в форме буквы «Г» образовывали квадрат с двумя выходами – практически питерские дворы-колодцы, только пониже и пошире. И акустика там была что надо, если ты решил поставить свою колонку S50 на балкон и порадовать соседей новым шлягером.

А новым шлягером в сезоне «весна-лето 94» был Газманов. «Поле-поле-поле свежий ветер пролетел. Поле свежий ветер, я давно его хотел», «Есаул, есаул, что ж ты бросил коня, пристрелить не поднялась рука». И наконец, главный хит – «Эскадрон моих мыслей шальных, ни решеток ему, ни преград».

Эти песни были настолько схожими, что пусти их на реверсе (если такая функция имелась в вашем магнитофоне) то никто бы и не заметил разницы.

К счастью, в культуре Стража Врат не существовало понятия музыки, и он не мог поведать о Газманове всей галактике.

О музыке он узнавал прямо сейчас, разглядывая свежую афишу группы «Комбинация». Группа собиралась дать концерт как раз в том недостроенном здании, куда каждую ночь приходили пришельцы, собравшиеся захватить Землю и поработить человечество.

Это не могло быть просто совпадением.

Объявление повесили поздним вечером, а концерт «Комбинации» должен был состояться в это воскресенье. Времени оставалось совсем немного.

Пока пес разглядывал объявление, пожилые дамы на лавке разглядывали его.

Чтобы не привлекать к себе внимания, Страж Врат почесался задней лапой, немного погрыз переднюю, словно выкусывая блох, извинился и пошел в сторону стройки.

С тех пор как он был тут в последний раз, здание преобразилось. Больше внутри, чем снаружи. Было уже далеко за полночь, а вокруг все еще сновали грузовые машины. У мешков с цементом курили люди.

В таком столпотворении никто не обратил внимание на пса, который обошел дом вокруг и нырнул в окно.

В нескольких местах работали сварочные аппараты, и в их свете он заметил на вершине центральной лестницы всю

троицу во главе с Сидоровичем. За их спинами был тот самый зал, где пришельцы собирались в предыдущие ночи.

Страж Врат не рискнул проходить мимо них и окольными путями добрался до того самого окна, откуда ребята следили за инопланетянами.

Пес выглянул в окно и посмотрел вверх. Над ним высилась стропила, и две дюжины рабочих монтировали крышу. Еще пара дней, и она будет готова.

– Эй, кто это там? – заорали внизу. – Чья собака?!

Страж Врат дал деру, чтобы его не увидели Сидорович с компанией.

Нужно было рассказать все ребятам, пока не поздно.

Он сел у подъезда, где жила Алена, и всю ночь смотрел на ее окно, как старый верный пес, ждущий хозяина.

Вторник, 10 мая 1994 года

Ты – лох, Крапива. Так и запиши.

Эти слова преследовали Крапиву весь день. Они его терзали.

Вся его предыдущая жизнь рушилась из-за пришельцев. И выход был один: найти доказательство существования инопланетян и предъявить пацанам. В фотографии они не поверят, а образец живой крови был благополучно сожжен дома у Габдула.

Нужна была улика. Настоящая и неопровержимая. Но чтобы она при этом не пыталась тебя съесть.

Пришельцы никогда не летают голыми. Они не Терминаторы. А значит, у них есть что-то. Какая-то неземная техника.

Вон даже в фильме «Нечто» инопланетянин заперся на складе и что-то строил.

Топор, молоток и даже пила – это слишком шумно. Крапива взял разводной ключ, в надежде, что сможет открутить что-нибудь от загадочного инопланетного устройства, которое наверняка существует.

Он заставил себя позвонить Ренату. Заставил, потому что Крапиве только что указали, что он фраер и общается с фраерами. Да еще и собирается просить у одного из них совета.

Но судьба человечества была важнее.

Мама Рената сказала, что тот только что ушел в школу. У Алены никто не брал трубку. А Дениса не было в городе. Номер говорящей инопланетной собаки Крапива не знал.

Значит, действовать надо самому.

«Дальше действовать будем мы», – подпел бы ему из окна Цой.

Итак, Крапива взял разводной ключ и вышел из дома. Он прошел по Первомайской, где справа от него на двери видеосалона «Красный скорпион» висела афиша. Того самого концерта «Комбинации».

Если бы Крапива обратил внимание на афишу, он бы сопоставил факты. Он бы понял, что именно для этого концерта в причальные ангары подогнали дорогую аппаратуру.

И если бы он пошел на ходку с Тимуром-большим и Тимуром-малым, то, возможно, сорвал бы концерт и сделал бы для человечества (и своей репутации в криминальном мире) куда больше, чем сейчас.

Но сейчас он шел в направлении пресловутой стройки с разводным ключом в руках. И почему-то был уверен, что пришельцы с далеких звезд тоже используют шестигранные болты.

Глава шестая

Среда, 11 мая 1994 года

Этой ночью Алена решила снова спать на балконе. Она поставила тут старую раскладушку, в изголовье которой не хватало нескольких пружин.

Квартиру она всегда убирала, и особенно тщательно – после отцовских попок. И проветривала каждый день. Но все равно воздух дома был спертый, нехороший.

Так что, спать на балконе оказалось настоящим счастьем. Словно она была и не на улице, но и не в этой ужасной квартире.

А утром проснулась и увидела пса. Сенбернар смотрел на нее и улыбался, как могут улыбаться только большие собаки, которые на стороне добра.

Алена открыла окно.

– Надо поговорить, – сказал Страж Врат. – Собирай всех.

В любой другой день Алена сначала прибрала бы дом, приготовила завтрак и обед, а уж потом вышла. Но сегодня она просто надела желтые, не панковские, а пионерские шорты, неглаженую футболку, китайские кеды, и перемахнула через балкон, наплевав на заведенные в этом доме правила, что, конечно же, ей аукнется, но позже.

«Соблюдает дня режим Джим! Знает, спорт необходим Джим!». По телевизору пират из «Острова сокровищ» призывал заниматься спортом.

Ренат пытался следовать призыву. Он лежал на ковре после четвертого подхода по отжиманиям.

Когда тебе двенадцать, ты не можешь быть доволен своим телом. Ты всегда слишком высокий или коротышка, дрыщ или жиртрест. Никаких полумер. В двенадцать все твои чувства выкручены на максимум.

Ренат сегодня был жирным.

Неделю назад он был еще ничего, а сегодня с утра точно был жирным. Вернее, с семи тридцати, когда встал перед зеркалом.

Ну и еще у него был трояк по физкультуре. По всем предметам четверки и пятерки (для пацана, он вообще считался отличником). А эта оценка раздражала, ибо портила статистику.

Алена вот не походила на отличницу, но он был уверен, что по физкультуре у нее пятерка.

А потом он чуть не умер. В дверь постучали. Папа как раз только-что ушел на работу. А он всегда что-нибудь забывал. Так что дверь за ним можно было не запирасть – все равно через две минуты вернется.

Ренат открыл дверь. А там была Алена.

А он был в одних трусах. И потный. И толстый.

Он открыл дверь и быстро закрыл. И, кажется, даже закричал. Он даже мог бы свалиться в обморок, если бы был девочкой. Но мальчики не падают в обморок.

А за дверью Алена засмеялась.

– Да ничего я не видела, принцесса. Открывай дверь, надо поговорить.

Ренат побежал одеваться. Нет, сначала облиться водой, потому что он потный. В ванне была мама, и когда он сказал, что это не папа, а Алена, мама хитро улыбнулась и так странно сказала «ну, понятно», что он вконец засмутился.

Пока он делал себе в дорогу бутерброды, Алена нахальным образом проникла в квартиру и уже снимала обувь. За ней вошел отец, который забыл дискеты с важными чертежами.

– А где твой портфель? – спросил Ренат Алену.

– Сегодня мы в школу не идем. События ускоряются. Надо спасти мир. Пес ждет нас внизу. Он все объяснит.

– Ты говоришь, как Шварц в фильмах, сразу перед тем как начинаются самые крупные неприятности.

Алена помогла с бутербродами и сделала это так ловко, словно всю жизнь их готовила.

Ренат пошел в свою комнату собирать портфель.

– У меня первый урок – география, – объяснил он. – Я буду читать доклад про Джонатана Ливингстона.

– А я в школу не иду, у меня первый урок – спасение мира.

Сказать проще, чем сделать. За прошедшие дни логово инопланетян преобразилось кардинально. Нет, построить дворец за три дня они не успели. Но случилось другое – тут стало многолюдно. Мужики быстро отогнали Крапиву и пригрозили врезать, если он еще появится.

Тогда он покрутился там с полчаса, в поисках бреши во вражеской обороне. Крапива никогда не отчаивался. Он знал, что из любой ситуации есть выход, как есть решение в любой школьной задачке. При других обстоятельствах этот хулиган стал бы отличником по математике. Только математикой для Крапивы была улица.

А на этой улице, то есть на Ленинградской, жил Антон.

На зимних каникулах Крапива встретил Антона на улице и отжал у того картридж с Дабл Драгоном. А сегодня Крапива пришел к Антону домой просить помощи.

Но прежде чем Антон откроет дверь и увидит перед собой Крапиву с разводным ключом, нужно рассказать о том, чем так важен Антон для нашей истории.

Вернее Антон-Д.

Глава седьмая

Из Записок Рената.

За несколько месяцев до описываемых событий.

Антонд

Давайте будем честны: большую часть нашего детства мы провели не в подвалах и на стройках, а перед телевизором. И в основном это было связано с приставкой.

Только в двух случаях родители разрешали нам сидеть близко к телевизору – когда мы гоняли в Денди и когда лечились Кашпировским.

Память картриджей того времени не позволяла делать игры длинными. И чтобы мы не «закрывали» игры за полчаса, их делали архисложными. Включил недавно на телефоне старую «Контру» и продержался семь секунд. А ведь я ее когда-то «закрывал». И ты тоже.

Школоте не понять, но игры сейчас уже не те, что прежде. Вот в наше время их делали из камня и привинчивали к полу вот такенными шурупами. Чтобы никто не украл.

Как скрижали тайных альбигойцев, тетрадки с кодами переписывались вручную и передавались от друга к другу. И не дай бог допустить ошибку! Она могла стоять нескольких потерянных часов и рваных мозолей.

Насчет мозолей. Вот тут и начинается рассказ об Антоне из квартиры 52 дома на Ленинградской улице.

Одна сторона бетонной девятиэтажки была завешена текстом «Мир, труд, май». Окно комнаты Антона торчало как раз из прямоугольника в букве «Д».

Эта «Д» открывала массу возможностей для эпитетов, которыми мы награждали Антона, но исключительно за глаза. А все потому, что Антон был нам нужен.

Он плохо учился, не ходил на секции и не выходил во двор. Он был худой и бледный даже по сибирским меркам.

Но Антон был игроком.

Жил он с отцом, который предпочитал алкоголь воспитанию сына. Антон редко мылся, ходил в заляпанной и мятой одежде. Чтобы не отвлекаться от игры, питался хлебом и «Галина-Бланкой», растворенной в стакане горячей воды.

Пальцы Антона покрывали мозоли. Иногда мозоли лопа-

лись, он срезал их лезвием и перебинтовывал пальцы, чтобы боль не мешала играть.

Если вы не видели Антона из квартиры 52, то не знаете, что такое настоящий ботаник.

Мы сидели на кривом диване и говорили об играх.

– Я черепашек не могу пройти, – жаловался мой одноклассник Женя-пончик. – Ее можно только вдвоем, а я один дома. Даже кота нету.

– Подвижная точка, – сказал Антон-Д, не поворачиваясь к нам.

Мы не поняли, но прислушались. Антонд обладал нечеловеческой логикой, странной лексикой и особым построением фраз. Если бы скрестили Гребенщикова, «человека дождя» и Йоду, то получился бы Антон. Антон-Д. Антонд. Это как «андроид», но похожий на человека.

– Отнесись к игровому пространству как к полю с безопасными и опасными точками, – сказал Антонд. – Например. В той же Контре первые боссы валяются с одной безопасной точки, куда не дотянут его пули. В Черепашках безопасная точка подвижна. И потому тебе надо найти алгоритм действий. Чем круче босс, тем сложнее алгоритм. Прыжок, движение,

прыжок-прыжок, движение – что-то типа того.

– Ну а если босс двигается? – спросил Женя.

– Тогда игровое пространство двигается относительно него. Ориентируйся не на картинку в рамке телевизора – отсчитывай координаты от точки, в которой находится босс, вот и все.

– Хорошо, а если ты до босса доходишь уже полумертвый?

– В поле до босса тоже алгоритмы. – Антонд поднял большой палец вверх и изрек: – Человек умнее компьютера, потому что компьютер действует только по алгоритму.

Шел 93-й или 94-й год. Каспаров еще не проиграл компьютеру.

Не у всех был Денди. Это были суровые девяностые, и мы выкручивались как могли. Я, например, пока не получил приставку, настраивал телевизор на канал, который ловил игру соседей, складывал плотный прямоугольник из бумаги, рисовал на нем... да-да, кое-кто из вас делал то же самое... рисовал на нем кнопки и делал вид, будто играю.

И знаете, выходило вполне натурально. Через пять минут я уже забывал, что играет кто-то другой.

Это был летсплей эпохи «Властилины», циркониевых браслетов и Юппи.

Но однажды, сквозь тундру, тайгу и болота, в том 93-м или 94-м до наших краев добралась Сега. До того мы видели ее только в руках у Сергея Супонева. Он вел «Денди – новая реальность». Супонев нам, детям девяностых заменял маму-папу, старшего брата и дворового гуру.

До Супонева моим гуру был сосед, который умел надувать пузырь из слюны и пускать его по ветру.

Супонев вел «Звездный час». Передачу мечты. Именно там, на «Звездном часе», я впервые увидел, как кому-то дарят Сегу.

Строго говоря, своей приставки у Антонда на тот момент не было (отец тратил все на водку). Но кто-то всегда оставлял у Антонда свою, чтобы он помог пройти игру или узнать код. Антонд и для кодов находил «алгоритм» (его любимое слово).

– Алгоритмы есть везде, – вещал Антонд. – Представь себе кнопки как порядок действий, и подбирай комбинации строго в этом порядке. Тогда не запутаешься. Если ты помнишь алгоритм своих действий, то всегда знаешь, какую комбинацию надо проверять следующей.

Антонд находил пароли, чит-коды, скрытые уровни, уязвимости и глюки в играх. Через его руки проходили Атари, Кворумы, Спектрумы, и везде он выискивал слабости, пасхалки и пресловутые алгоритмы.

Но все изменилось, когда Антонду принесли Сегу, а вместе с ней и вишенку на торте 16-битных приставок – Мортал Комбат.

Ну, КомбАт, короче.

Скорость противника и сложность его действий просто поражала. Антонд, бледный и с перевязанными руками, проводил сутки перед телевизором. От него стало так вонять, что, приходя к нему, мы сразу открывали форточку.

А еще он зачем-то продырявил днище стула, на котором сидел перед телевизором.

– Она не берется. Никак, – проскулил он, посмотрев на нас красными глазами.

Нет, он «закрыл» КомбАт в первый же день. Но сделал это интуитивно. Он не нашел алгоритма, и это его бесило.

– У всего есть алгоритм, – сказал Антонд. – Система.

И так день за днем.

В конце концов он хлопнул себя по лбу и сказал:

– Я знаю в чем дело.

– И в чем? – спросили мы.

– Перед тем как выпустить игру, они, скорее всего, ее тестируют на уязвимости и очевидные алгоритмы. Дают людям вроде меня, и те говорят – мол, переделайте вон то, вот это.

Антонд назвал этих людей «тестерами», считая, что сам придумал это слово.

– Хорошо работать тестером, – сказал я и представил, как сижу с настоящим (не бумажным) джойстиком перед телевизором, играю, и мне за это платят Херши-колой и «турбами».

Мы не знали, что переломный момент в жизни Антона наступил, когда сжалившийся Женя-пончик протянул руку и сказал Антонду:

– Ну хочешь, я сыграю. Вместо компьютера.

Тут оказалось, что у Пончика тоже есть алгоритмы. Когда

Антонд играет за Милену, Пончик (то есть его персонаж) нагибается, и ждет, чтобы сделать апперкот. А в это время его можно сверху ударить ногой. В иных случаях Пончик поступает иначе, но всегда в рамках правил, которые сам не осознает.

Тогда-то Антон понял, что люди – это тоже компьютеры, которые действуют по алгоритмам. А значит, их следует изучать.

Он начал интересоваться алгоритмами за пределами игры. Личную гигиену и чистую одежду он стал воспринимать как бонусное оружие, которое помогает за пределами приставки. Другие элементы реальной жизни тоже обрели игровую терминологию.

И вот однажды, пару лет спустя, погожим летним вечером я увидел, как Антон идет домой в обществе девочки.

– Нашел компаньона для Комбата? – спросил я с надеждой.

– Типа того, – ответил он, немного смутился и добавил, – надо кое-что протестировать.

Девочка захихикала, Антон махнул мне рукой, и они скрылись в подъезде.

Еще несколько минут я смотрел печально на его окно, торчащее из буквы «Д».

И тем же летом, словно не выдержав срама, красная буква «Д» свалилась с той бетонной стены, превратив доброе советское слово в американское и классово враждебное «тру».

Вторник, 10 мая 1994 года

В тот день, когда Крапива вошел в подъезд, буква «Д» еще висела, а Антон еще был Антондом.

Когда Антонд открыл дверь, он так испугался, что тут же ее захлопнул.

– Ты спятил, Крапива, – зашептал он в замочную скважину. – Одно дело – уличный грабеж. А тут кража с проникновением. Тебя посадят как малолетнего. Это нерационально.

И за дверью слышались звуки, будто кто-то собирает баррикаду.

К слову, Крапива раньше пару раз приходил к Антонду по сугубо деловым поводам, вроде починки краденного. Но с тех пор как Крапива отобрал у юного инженера картридж с игрой, тот страшно его боялся и избегал в школе. Антонд даже перестал ходить в столовую, чтобы случайно там не столкнуться с Крапивой.

А иногда Крапива снился Антонду. В этих снах Антонд

убегал от Крапивы, но никак не мог добежать до двери, потому что коридор был длинный, как в Твин-Пиксе.

– Открой дверь, мне помощь нужна.

Крапива был готов рассказать про инопланетян даже через закрытую дверь. Только Антонд ни за что не поверит. Крапива знал репутацию Антонда. Что тот руководствуется в жизни исключительно логикой и здравым смыслом. А в истории про пришельцев, вторгающихся на Землю через микрорайон 7А города Н-ска, не было ни логики, ни здравого смысла.

– Пришельцы вторгаются на Землю через наш микрорайон, – сказал Крапива.

– С этого бы и начал, – сказал Антонд и открыл дверь. – Я это подозревал.

Глава восьмая

Вторник, 10 мая 1994 года

На Антонде была бывшая белая рубашка с пятнами от вчерашнего, позавчерашнего и позапозавчерашнего супа из бульонных кубиков. Рукава закатаны, а запястье правой руки опухло.

– Это я себе чип хотел вживить, – сказал он, поймав взгляд Крапивы, – Ради эксперимента. Но не вышло.

Антонд принялся оттащить от двери стулья и подушки, потом сделал приглашающий жест. Крапива вошел и тут же двинулся к форточке.

Он бывал у Антонда, когда нужно было починить, протестировать и оценить украденную электронику. Антонд за это деньги не брал. Но старался подольше поддерживать компьютеры у себя.

Антон странно смотрел на Крапиву, почти без страха.

– Я думал, ты не будешь помогать ребятам.

– Ты вообще откуда знаешь? Дэн растрепал?

Антонд подошел к окну и показал наружу. За окном бурными темпами строилось логово пришельцев.

– Это трудно было не заметить.

Можно сказать, что Антонд знал все. А то, чего не знал,

додумал.

Совсем недавно он принялся изучать реальность за пределами игр. И начал с окна. В окне он увидел, как его учительница русского и литературы стала шастать ночами на стройку, словно какой-то вор вроде Крапивы. А с ней каждую ночь появлялись еще два человека.

За ними туда потянулись подростки, чьих лиц Антонд не разглядел. И наконец, совсем недавно, начали появляться рабочие. Последнюю неделю это место было самым оживленным ночным клубом в городе.

Ну, и главное. Еще в начале месяца инопланетяне втащили на стройку что-то большое, металлическое и с виду инопланетное. И положили там на крыше.

Все сходилось как нельзя лучше. Теперь Крапива знал, что и где искать.

– Отлично, пацан. Теперь ты в команде.

Антонд смутился.

– Ну я как бы не командный игрок. Вы как бы сами без меня.

– Ты не хочешь спасти мир?

– Я даже в школу хожу только потому, что надо. А так я бы и в магазин не выходил, – он жалобно улыбнулся. – А уж спасти мир как-то совсем хлопотно.

И тем не менее, Антонд согласился выслушать Крапиву и дать пару дельных советов. Главное, что для этого не надо выходить из дома.

Антонд вновь напомнил об алгоритмах.

Кто такие охранники и рабочие в здании? Персонажи игры. Они делают то, что приказано, и действуют по алгоритмам. Просто эти алгоритмы чуть сложнее, чем в играх.

Ребята подошли к окну, и Антонд протянул гостю бинокль.

Вот мужик поднял ведро, вот повернулся. Вот налил содержимое в тазик и начал мести цемент. А этот обычно как заканчивает штукатурить новую стену, идет на перерыв вон в тот закоулок.

Если проложить маршрут до самой крыши, и если учесть всех «врагов», то можно пробраться наверх так, чтобы тебя не заметили даже днем.

Крапива предложил Антонду разработать этот самый алгоритм. Антонд отказался, заявив, что ему удобнее быть наблюдателем. Крапива сказал, что ему только и нужно, что наблюдать, а на дело они пойдут без него. Антонд опять подчеркнул, что все это хлопотно. Крапива пообещал сломать Антонду нос и процессор.

Антонд согласился помочь.

Крапива пришел к Антонду около двух часов дня. А создание оптимального алгоритма заняло почти девять часов. Словом, было уже около полуночи, когда Антонд перестал пялиться в подзорную трубу и закончил вторую тетрадь.

Крапива к тому времени готов был от нетерпения лезть на стену. Он был сыт по горло хлебом с «Галиной-Блан-

кой» из запасов Антонда. А запах собственной отрыжки стал для него таким мерзким, что Крапива задерживал дыхание и несколько раз открывал форточку, чтобы проветрить комнату.

Наконец Антонд суммировал данные и показал Крапиве листок с прохождением всех уровней до самой крыши и обратно.

Крапива посмотрел на листок и ничего не понял.

Тогда Антонд упростил написанное и протянул Крапиве новый листок. Пока он писал, он все время посматривал на часы.

Крапива повертел листок в руках.

– Как-то все сложно.

– У тебя нет времени разбираться, – сказал Антонд так грубо, словно говорил не с Крапивой, а с обычным пацаном. – Чем дольше мы тянем, тем выше погрешность. Потому что у одних кончаются смены и на их место приходят другие персонажи, с другими привычками. А какая-то работа вообще завершается. Вон там внутри, как я понял, уже закончили сцену. И мне пришлось вносить серьезные правки во все прохождение. Ты меня понял?

Крапива кивнул.

– Ты должен понять, что означают эти линии на листе. Это когда и куда ты идешь. Стрелки, даты и пояснения текстом.

Крапива снова кивнул.

– Время там относительное. Отсчет начнется в тот мо-

мент, когда прораб внизу около желтой подсобной двери выбросит окурок. Смотри. Если он его просто выбросит, отсчитываешь две минуты и идешь в эту же дверь. А если он еще и плюнет, значит дело дрянь – придется ждать минут пять или шесть. Это очень долго, плюс погрешность в минуту. Он, скорее всего, в это время там с кем-нибудь поцапается, и это замедлит работу на этаже. Понимаешь, да?

Крапива кивнул.

– Тебе тогда придется бежать до четвертого этажа как можно быстрее. Ты должен уложиться в тридцать две секунды. Лучше в тридцать. Потому что потом там появятся мужики, которые тащат провода. Тебе мимо них не проскочить. Пока понятно?

Крапива кивнул.

– В общем, следуешь инструкции. Там всего двенадцать этажей и на все уйдет меньше двадцати минут. Опять-таки, если прораб внизу не плюнет и...

– Я читать не умею...

– ... и в этом случае ты со всех ног... – тут у Антонда округлились глаза. – То есть как – не умеешь?

– Ну, то есть медленно читаю. Вот совсем медленно...

Антонд улыбнулся.

Крапиве улыбка не понравилась, он взял его за шиворот, собрался врезать по уху, но передумал.

– Ща мне засада, а ты ржешь. Ты мне не ржи. Ты знаешь, как я пытался читать? Все ржали, а я пытался. Я не тупой. У

меня не получается не по слогам.

Если бы Антонд умел считывать эмоции по лицу, он бы понял, что Крапиве больно. А еще ему было стыдно, что показал слабинку. Настоящие пацаны не страдают.

Антонд почесал затылок и полез в коробку, полную технического хлама.

– Вот, – сказал он и протянул Крапиве плеер. На плеере красном по белому было написано Stereo. Больше никаких надписей не было.

Крапива брезгливо потянулся к плееру.

– Это даже не Sanyo.

– Что есть. На сорок минут хватит. Я тебе еще батарейки запасные с собой дам.

Потом Антонд достал аудиокассету, вставил в магнитофон и стал надиктовывать то, что было на листке.

– Лист тоже возьми. Будешь с ним сверяться. Да и еще вот что, – он протянул Крапиве карандаш, – тоже пригодится. Просто на всякий случай.

Среда, 11 мая 1994 года

Пес им все рассказал. Про то, что строительство идет ударными темпами, и что не позже, чем в это воскресенье в Н-ск заявится группа «Комбинация». Это означало, что враг решил форсировать события, а значит, там, на концерте, непременно случится что-то плохое. Не важно, что имен-

но, но концерт надо остановить.

– Концерт надо остановить, – сказал Ренат.

– Ага, – Алена хмыкнула. – И как ты это сделаешь? Дэна нет, Крапивы тоже. Без Крапивы мы вообще как без рук. А мы даже его адреса не знаем.

– Я знаю, в каком он доме живет, и этаж знаю – он сам говорил, когда мы пленку проявляли. Помнишь? Уверен, что раз он вчера пропал, у него были на то веские причины.

Но Крапиву они не нашли – ни в этот день, ни на следующий.

Дело в том, что план Антонда (что удивительно) не сработал, Крапива не смог достать инопланетный артефакт. Вместо этого он угодил в крупную переделку.

Часть третья. Чудеса на виражах

30 лет спустя. В доме у Рената.

– Вообще, инопланетяне совершили большую ошибку, что прибыли именно в это место и в это время, – сказал Ренат, заваривая очередную порцию чая в оранжевом чайнике. – Да еще и столкнулись с нами.

Крапива был самым суровым из нас. Но в каждом дворецовом пацане и в каждой девочке (даже в отличницах) жил маленький, злой и упорный ниндзя. Трудности для нас были челенджами, хотя этого слова мы еще не знали.

– В тебе говорит старик, – сказал я. – Вот в наше время мы голодали.

– А мы шли на войну.

– А у нас были крепостные.

– А у нас – рабы.

– А мы бились с вестготами.

Мы продолжили аналогию вплоть до каменного века и дальше. Остановились на том, что самые суровые времена наступили, когда мы стали многоклеточными.

Потом мы вернулись в его комнату, ту самую, где остановилось время, и где со стен на нас смотрели суровые герои прошлого.

Только сейчас, по дороге туда, я обратил внимание на еще одну комнату, где было полно новых игрушек, детских энциклопедий, постеров с людьми, о которых я даже не слышал. Я только теперь осознал, что Ренат-то женат, и давно, и у него дети, просто сейчас никого нет дома. Мы так увлеклись нашим разговором, что я даже не спросил его о семье.

Я смотрел на фото корейского (а может, японского) бойзбенда и Ренат поймал мой взгляд.

– В наше время не только трава была зеленее, – сказал Ренат и открыл дверь своего кабинета, – но и солнце светило ярче. Смотри, они все в солнечных очках.

И действительно, как я мог этого не заметить! Там на стене Шварц из «Терминатора», Сталлоне из «Кобры», Чак Норрис из «Одинокого волка» – все были в солнечных очках.

– Под это дело у меня есть история, – сообщил Ренат. – Она там, в папке, помечена номером пять. Используй ее.

«Под это дело»? Да, конечно, он имел в виду все те ужасы, которые пережил Крапива. Я не знал, о чем «история номер пять», и насколько она уместна, чтобы предварить тот страшный путь Крапивы вверх по лестнице до логова врага. Тут скорее подходило что-то в стиле фильма с Брюсом Ли, где тот поднимается с этажа на этаж и на каждом его встречает новый супербосс, круче предыдущего.

Из Записок Рената.

За несколько месяцев до описываемых событий.

Путь невозможного

Недавно я подговаривал сына, чтобы он попросил у мамы пятый плейстейшн. Не вышло.

– А какие игрушки были у тебя?

– Каменные, – ответил я. – Покрытые хаки и привинченные к полу огромными строительными шурупами.

Я недалеко ушел от истины и сейчас это докажу.

Шел 93-й год. Тот самый, когда в Москве горел парламент, а в Америке вышел «Парк юрского периода».

А мы купили «Денди».

Самой непроходимой игрой в Денди была «Черепашки ниндзя 3». Длинной, тяжелой, с прорвой противников, которые все шли и шли.

Эта игра для нас с Денисом была настоящим вызовом. Мы начинали играть утром и заканчивали ночью. Когда Леонардо переставал бить босса, я поворачивался и видел, что Денис уже спит. Будил его, и мы продолжали играть.

Мы дошли до предпоследнего босса – Крэнка, чего до нас не добивался никто. Мои пальцы покрылись волдырями, я их разрывал, обматывал пальцы пластырем и, преодолевая боль, продолжал играть. Я мнил себя Ван Даммом, который

продолжает лупить дерево ногой, несмотря на синяки и ссадины.

Хочешь стать ниндзей – победи боль.

А кто в 90-е не хотел стать ниндзей?

Мы знали, в какую секунду и откуда появится враг. Порой мы играли вслепую. Мы стали виртуозами. Мастерами. Как тот учитель Брюса Ли, который поймал на лету семь мух одним движением палочек для еды.

Мы. Дошли. До. Шредера.

Весь двор собрался, чтобы увидеть последний бой. У нас с Денисом было по пять или шесть запасных жизней. Ворота гаража открылись, и мы увидели связанную Эйприл. А что может быть более щемящим для подростка 90-х, чем связанная Эйприл О'Нил. Наша героиня. Объект фантазий.

«Это я, твой ниндзя, Рафаэль, я спасу тебя», – думал я.

Появился Шредер. Толпа за нашими спинами ахнула.

– Кауабанга! – закричал Денис и первым ринулся в атаку, применив суперудар «вентилятор», который уносил одну палочку собственной жизни.

Мы хорошо подготовились. Хит-пойнтов хватало, чтобы победить любого предыдущего босса трижды.

И вот Шредер замигал. Это означало, что конец его близок. Еще несколько ударов, и он покойник.

– Я спасу тебя, Лея, – закричал я.

Почему «Лея»?

Потому что на ее месте мог быть кто угодно. Сейлор Мун, Алиса Селезнева, или даже Кати из «Элен и ребята».

Еще немного.

В комнате стояла такая тишина, что было слышно, как в воздухе мухи обсуждают нашу игру.

Шредер перестал мигать.

Начался ор, гвалт и мат.

Выходило, что нам придется бить его столько же еще по одному кругу. Мы сделали это, и у нас оставалось всего по две жизни.

Шредер замигал, и снова перестал мигать.

– Я понял! – сказал сосед-старшеклассник Дима. Он был в очках, имел нечеловечески высокий лоб, знал много слов и потому сходил за умного. – Все правильно. Это же финальный босс. Нужно его убить трижды.

У нас оставалось по одной жизни. В отчаянии я, Рафаэль, дал горизонтальную вертушку. Шредер отскочил, упал.

И замигал.

Мы закричали! Еще немного.

Но Рафаэль был уже мертв. Пользуясь правом хозяина квартиры, я отобрал джойстик у Дениса, и продолжил играть

за Леонардо. Еще несколько ударов и...

Шредер перестал мигать.

Пацаны стали расходиться. Оставались двое или трое. Они выдвигали гипотезы, и все они сводились к тому, что раз «Черепашки 3» самая сложная игра, а Шредер – самый сложный босс, значит, там есть какой-то секрет. Тайное место на экране или особый удар, который можно применить с помощью хитрой комбинации.

– Кобаяси Мару, – сказал старшеклассник Дима.

– Что? – спросили мы.

– Урок, изобретенный в эпоху Минамото в одном монастыре провинции Эдо. Он учит смирению. Тому, что иногда нельзя победить, как бы ты ни старался. Это путь, то есть «до», самоукрощения и понимания реальности.

Мы поверили. Потому что это же японцы. А они не такие, как все нормальные люди.

Помните, я говорил, что мы играли каменными игрушками, привинченными к полу?

Много лет спустя я узнал, что все наши приставки были пиратскими. И игры тоже. Да и вообще, все наше детство было спирачено.

Оказывается, защищаясь от подделок, компания Nintendo вшивала в картриджи особый код, который в момент копирования игры увеличивал в несколько раз количество про-

тивников, а Шредер делался бессмертным! Так японские дети сразу понимали, что игру эту пройти нереально. И вообще, нехорошо покупать ворованное.

Им и в голову не пришло, что где-то есть дети, для которых трудности – это ок. Для которых нет Кобаяси Мару – безвыигрышного сценария.

А есть перевязанные бинтами пальцы.

Через несколько дней Дима взял у нас картридж, подключил в школе к старому АйБиЭму и перепрошил. И мы победили Шредера. Потому что мы – ниндзи.

А ниндзи не сдаются.

Глава первая

Восхождение Крапивы (Ночь на среду, 11 мая 1994 года)

Спрятавшись за оградой, Крапива видел, как прораб докурил сигарету.

Потом мужик плюнул. А потом еще раз. Этого второго плевка в инструкции не было.

Крапива подождал пять минут, то есть поступил так, как если бы мужчина плюнул только раз. А потом со всей мочи побежал к желтой двери, за которой скрылся прораб. Плеер Stereo болтался у него на поясе. В кармане звенели запасные батарейки, а рука, в которой Крапива сжимал разводной ключ, быстро заболела от тяжести.

Он не стал терять время, проверяя, есть ли там кто-то внутри, а резким движением распахнул дверь.

Наверх через несколько этажей вела лестница, а впереди был коридор.

Коридор был совсем темный, и из него доносилась возня. То были странные хлюпающие звуки.

По плану Крапиве полагалось сломя голову рвануть вверх до третьего этажа, а там в другой коридор. Но вместо этого Крапива пошел на звук. Он сам не знал, как так получилось.

Просто он привык идти навстречу опасности. Как боксер – в ту сторону, откуда бьют.

Крапива вошел в темноту, сделал несколько шагов, когда впереди и чуть сбоку увидел свет. Тут коридор поворачивал, и в нескольких метрах от пацана на полу валялся фонарик.

А рядом с фонариком возились двое. Один, тощий, лежал и колотил руками грудь второго. А второй, кажется, тот самый прораб, сидел на несчастном сверху, и его огромная правая рука закрывала жертве рот.

Нет, рука была не просто огромной, она была неправдоподобно огромной. Нечеловеческой. В свете фонарика Крапива увидел, как эта рука, гладкая и безволосая, колышется, словно под кожей у прораба вместо мускулов и скелета было желе.

Несчастный бился, царапался, пытался дотянуться до лица прораба. Именно этот тощий издавал тот хлюпающий звук.

А еще тут воняло. Крапива не знал, может ли протухнуть бензин, но тут пахло именно протухшим бензином, да так, что слезились глаза.

Внезапно борьба закончилась. Человек перестал биться, словно прораб его задушил. Но через секунду глаза несчастного открылись. И когда это случилось, они светились зеленым.

Прораб сидел спиной к Крапиве. Но тощий его увидел. Зеленые глаза посмотрели на Крапиву.

Прораб обернулся, и теперь уже две пары зеленых глаз глядели на пацана. Они горели нездешним холодным светом, который будто шел из самой космической бездны.

И оба существа сказали в унисон:

– Мальчик. Ты – мальчик. Он знает тебя, мальчик?

Крапива побежал к выходу, но вместо того чтобы выско-
чить наружу, понесся вверх по лестнице, хотя уже знал, что
туда уже вышли те самые мужики с проводами. О них гово-
рил Антонд.

Все случилось, как и предсказывал Антонд. И даже хуже.
Крапива врезался в большой мягкий живот мужика. Мужик
отпрянул.

Их было двое, и они катили большой шмоток свернутых
в кольцо проводов.

Крапиву спасли инстинкты. Мужик хотел было накричать
на Крапиву, даже вдохнул воздуха. Но за секунду до этого
Крапива прочитал страх в его глазах. Крапива не умел читать
буквы, но отлично читал по лицам.

– Не ссыте, пацаны, – сказал он. – Свои.

– Ага, – сказал один, – я уж было решил...

– Что спалят? – закончил за него Крапива. – Меня послали
сказать, чтобы вы пошевеливались...

– Эт-кто послал?

– Тимур, который большой.

– Тимур, – усмехнулся второй мужик, – У Тимура еще

молоко на губах не обсохло. Тоже мне, раскомандовался.

Крапива посмотрел на свои наручные часы. Если бы он сказал еще что-то типа «Ну, я пошел», – рабочие-воры могли бы что-то заподозрить. Настоящие пацаны не отчитываются. Потому он просто кивнул и проскочил мимо них.

Потом он стоял в тени у недостроенной лестницы, что вела на седьмой этаж и слушал в наушниках голос Антонда. «Через три с половиной минуты, после того как бригадир на шестом этаже скроется в подсобке, ты пройдешь по коридору. Эта зона вне видимости из моего окна. Но, судя по косвенным признакам, там пусто. Коридор длинный, идет через весь этаж и поворачивает, как я полагаю, в двух или трех местах. Тут у тебя навалом времени – пять минут. Потому не торопись. Ты не должен пройти этот отрезок быстрее, потому что на лестничной площадке на другой стороне есть люди».

На этаже было совсем тихо. Стоял полумрак, а стоило Крапиве скрыться за ближайшим углом, как стало еще и темно. Совсем темно.

Крапива вспомнил как умер его кот Боря, когда Крапиве было пять лет. Кот пропал тогда на несколько дней, и они подумали, что уже не вернется. Но кот вернулся. Грязный, с порванным ухом, из которого сочился гной. Боря почти ничего не ел, и Мама кормила его куриным бульоном из шприца и колола антибиотики под шкурку между лопатками. Кот

фыркал, когда его кормили и выл почти как собака, когда в спину ему входила игла. А на второй или третий день перестал сопротивляться, и ночью умер. Перед этим он пытался выползти из коробки, куда его положила мама, подстелив старый плед. Вылезти Боря не смог, вместо этого он свесился наполовину снаружи и к утру окоченел в этой страшной позе.

Кота нашел первым сам Крапива. Он тогда еще не все хорошо понимал, он пытался Борю разогнуть, потому что так он выглядел неправильно. Мать вошла в комнату и закричала. Не на Крапиву, а так, на ситуацию. Но и это было еще не самое страшное.

Кота они похоронили. Вдвоем с мамой, в парке за домом. Но в следующие дни или недели кот возвращался. По крайней мере так казалось и маме, и бабушке. Иногда днем, но чаще ночью, они слышали, как кот копошится в лотке (хотя лоток они убрали) или точит ногти о диван, или просто ходит по коридору.

Бабушка читала молитвы, зажигала свечи. Мама расставила по квартире иконы, а одну поставила в изголовье его, Крапивы, кровати.

Только вот сам Крапива ничего не слышал.

– Тебе все кажется, – сказал он маме, когда она пришла перекрестить его на ночь. – Боря мертвый. Он не вернется.

Это все мне кажется, сказал себе Крапива, когда слышал шорохи. Антонд сказал, что идти надо медленно. И Крапи-

ва не торопился. Он боялся споткнуться обо что-нибудь, и тогда его обнаружат.

Он просто шел.

Когда он свернул за второй поворот стало так темно, что он уже ничего не видел. Он продвигался наощупь, ведя рукой по стене, мокрой от свежей штукатурки. И вдруг услышал в стороне от себя звук, словно что-то хлюпало. Он узнал этот звук. Именно с таким звуком прораб там внизу душил тощего мужчину. Точнее, так клокотал рот прораба. Хлюп-оуп-хлюп-оооуп.

Словно что-то большое проникало из руки одного человека – бывшего человека – в рот другого.

Крапива еще подумал, что будь тут его ребята из класса «Е», они бы сильно удивились, увидев на его лице страх. Нет. Настоящий ужас.

«Ты сдулся, – услышал он в голове голос Тимура-большого. – Ты лох, Крапива. Так и запиши».

Это все было еще утром, а казалось, целую вечность назад.

«Мальчик. Ты – мальчик. Он знает тебя, мальчик?».

Почему «он»? Почему существо говорит о себе так? Что скрывается за этим «он»?

Хлюпающий звук шел спереди. Стало быть, Антонд ошибся – на этаже были люди. И один превращал другого в чудовище. Превращал ужасным способом, который пацан видел только в кино, вроде того про полярников.

Крапива напомнил себе, что ничего не боится. И что кино – это только кино.

Но то, что происходило вокруг, противоречило его огромному жизненному опыту. Ведь всем известно, когда тебе двенадцать, ты уже почти взрослый. И это совсем не то, что одиннадцать.

Его рациональный мир рушился. Тот самый мир, где нет монстров, и за две недели нельзя научиться драться. Даже если тебя учит самый крутой мастер кунг-фу.

«Пока будешь подниматься по лестнице, держись стены», – сказал голос Антонда в ухе у Крапивы. Он сам не понял, как включил плеер. Антонд сейчас был на безопасном расстоянии, далеко от ожившего ужастика. Небошь, играл в своего Марио или во что он там играет. «Ты должен держаться стены, потому что снизу и сверху лестничная клетка хорошо просматривается. А на третьем, седьмом и девятом этажах у лестницы все время кто-то курит».

Крапива выключил плеер.

Наушник у него был только на одном ухе. Второе он оставил свободным, чтобы лучше слышать.

Теперь же он спустил наушники на шею и сделал еще несколько шагов в сторону звука. Он знал, что кунг-фу – отстой. Что ближе всего к настоящей драке именно бокс. Среди ребят Тимура-малого была пара боксеров. И как раз один из них рассказал, что в боксе ты первым делом учишься идти в сторону боли. Инстинкты зовут тебя обратно. Назад. Домой.

К мамочке. К «Чудесам на виражах» и «Марафону-15». Но ты не бежишь. Ты идешь туда, откуда идут удары.

Крапива вспомнил это, и пошел на хлюпающий звук. Хлюп-оуп-хлюп-оооуп.

Он старался не шуметь. На этаже было тихо. Но люди на других этажах, работавшие лопатами, пилами и дрелями создавали вместе что-то похожее на шум далекого водопада.

Наручные часы по идее были с фосфором. Но то были китайские часы. И что Крапива считал фосфором, на самом деле оказалось краской, намазанной на циферблат и стрелки. Света от часов в темноте не было совсем, и потому он понятия не имел сколько прошло времени.

Крапива шел вдоль правой стены и в один момент хлюпанье оказалось слева от него. Нужно было сделать всего несколько шагов, и опасность осталась бы позади. Наверно.

Но тут Крапива понял, что звук идет не просто сбоку. Он шел снизу. И оттуда тянуло холодом, словно пола с той стороны не было, а была только глубокая черная бездна.

Любой другой прошел бы дальше. Да и Крапива пошел бы. По его ощущениям, его уже поджимало время.

В руке Крапива держал все тот же разводной ключ, который прихватил утром из дома. Он занес ключ над головой и пошел в ту сторону откуда шла боль, словно был настоящим боксером.

Крапива крался, пригнувшись и проверяя ногой нет ли

впереди пропасти. И когда наконец нашел ее, остановился. Именно оттуда шел ледяной воздух. А вместе с ним – и омерзительное хлопанье.

Он понял, что это всего-навсего дыра в полу, возможно, нужная для вентиляции или еще для чего. А может, тут по плану построят лифт для еды, который будет поднимать блюда из ресторана прямо в номера богатых москвичей.

А значит, на этом этаже точно никого нет.

Зато там, внизу, на пятом или на третьем, прямо сейчас какой-нибудь пришелец превращает еще одного человека в инопланетное чудовище.

Крапива отошел от дыры и двинулся вперед по коридору.

Свет он увидел, только когда нащупал и открыл металлическую дверь.

Он знал, что страх растягивает время, и потому не удивился, когда обнаружил, что необходимые по плану Антонда пять минут как раз только что истекли, а значит можно подниматься дальше.

Тем не менее, за окном, вернее, за оконным проемом, который он увидел, едва оказавшись на лестничной клетке, было уже совсем темно. А желтый свет шел из окон соседних домов и едва освещал ступени.

Крапива понял, что даже если будет идти по самому центру лестничного пролета, никто не увидит его в этом полумраке ни снизу, ни сверху.

Он понял, что Антонд ошибся, – он не учел время суток. А раз так, то самое страшное уже позади, и когда настанет время возвращаться, будет уже так темно, что его никто не заметит.

А еще понял одну вещь. Очень важную. Возможно, самую важную в его жизни. Понял, что не будет воровать деталь с таинственного инопланетного устройства, чтобы предъявить ее пацанам. Тимуру-большому и Тимуру-малому. Ему больше не важна репутация, потому что он уже видел такое, что другим людям и не снилось. Особенно Тимуру-большому и Тимуру-малому.

Он понял, что идет не красть деталь из устройства, а сломать его.

Это понимание придало Крапиве сил. Он осознал, что все это время был рабом репутации, а теперь – по-настоящему свободен.

В этом здании было без малого двенадцать этажей, и оно было самым высоким в их городе, а возможно и в области.

Когда Крапива уже стоял между девятым и десятым этажами, он услышал снизу тихий голос. Скорее всего, тот шел из того черного коридора, который пацан только что покинул. Может, из этой самой щели, откуда дул холодный воздух.

Это был тот самый раздваивающийся голос. Голос, вызывающий ассоциации с больной кожей, которая отваливается

слоями у человека с гангренгой. Голос тоже расслаивался.

«Это – мальчик. Он знает этого мальчика. Теперь знает. Он идет», – говорил голос.

Бодрый голос Антонда в наушнике приказал ждать у лестницы три или четыре минуты в зависимости от... От чего, Крапива не понял, потому что плеер «Сtereo» зажевал кассету.

Он вспомнил про карандаш, который дал ему Антонд. Крапива достал его, а затем и кассету, осторожно, чтобы не порвать пленку. Он распутал ее привычным движением, известным каждому школьнику. Потом вставил карандаш в паз для колесика и стал крутить, поглядывая на часы.

И пока крутил, все и случилось. Этажом ниже него открылась дверь и не успел Крапива вставить кассету в плеер, как на лестницу выскочил мужик. Его отделял от пацана один пролет. То есть, несколько секунд. В то же мгновение ручка двери напротив Крапивы зашевелилась.

Кассета Nina со вставленным в нее карандашом упала в щель между лестницами. Крапива схватил разводной ключ и рванул в ближайшую дверь.

Но тут уже не было никакого коридора. Перед Крапивой тянулся длинный балкон, шедший по всему периметру здания. Он был такой узкий, что скорее походил на карниз. Низенькая балюстрада состояла пока только из сплошной арматуры, о которую было так легко споткнуться и полететь вниз.

И в довершение неприятностей пошел дождь.

Крапива побежал по балкону, не оглядываясь. Он знал, что там впереди будет лестница, за ближайшим поворотом или за следующим.

Задул страшной силы ветер, то норовивший скинуть Крапиву вниз, то прижимавший к стене.

Он слышал быстрые шаги за спиной, но так часто убегал от взрослых, что давно научился этому. Очень давно. Год назад.

Это была обычная строительная лестница, привинченная большими шурупами к крыше. Взобравшись по ней, он не оглянулся, потому что услышал, как она заскрипела снова, а значит, враг его наступал.

Тут на одиннадцатом этаже была площадка размером в половину волейбольного поля, а за ней еще одна прикладная лестница, ведущая на двенадцатый. В строгом смысле этот этаж и был крышей. Его так и не достроили. Крапива видел черные столбы несущих стен на фоне темно-синего неба.

Он побежал к лестнице, а когда взобрался, точнее, взлетел по ней наверх, то все и увидел.

Крапива даже удивился, как наблюдательный Антонд мог не заметить такое огромное устройство в свою подзорную трубу. Может, мешали столбы, а может, днем оно не светилось. Или его света было недостаточно.

Внизу устройство пришельцев походило на клубок из

труб, шлангов и проводов. Поверх них лежала сфера, в которую мог стоя поместиться двенадцатилетний мальчик. А из сферы ввысь, в самое небо, уходил длинный, семи- или даже десятиметровый стержень. Сфера светилась уже знакомым зеленым светом, неестественно холодным, как мир за пределами звезд, галактик и самой Вселенной.

Вокруг сферы колыхалась белесая дымка.

Если бы Крапива знал слово «стимпанк», оно первым пришло бы ему в голову.

Чтобы увидеть и переварить все это, Крапиве понадобилось меньше секунды.

А в следующую секунду Крапива испугался. Так сильно и так по-настоящему, как не боялся еще никогда.

От столбов отделились черные силуэты. Дюжина, а может и больше. Их лица невозможно было разглядеть, зато он отчетливо видел их горящие зеленые глаза.

Он не знал, опередили ли они его, забравшись сюда чуть раньше, или, может всегда были здесь – охраняли свою чудовищную машину. Да и какое теперь это имело значение.

Существа синхронно подняли руки и указали на него. А потом так же синхронно заговорили тем страшным расслаивающимся голосом: «Мальчик. Это ты, мальчик? Он ждал тебя, мальчик».

И Крапива понял: что бы он ни сделал, придется умирать. А когда он это понял, страх отступил. Он побежал прямо на колышущееся в зеленом тумане устройство. Точнее – на

двух или трех существ, бывших людей, отделявших его от светящегося шара. Он собирался разбить этот шар. Ведь шар прозрачный, значит, наверное, стеклянный.

Денис бы не справился. И Ренат бы не справился. Даже Алена, скорее всего, тоже. У двух Тимуров шансы были неплохие, но Тимуры не стали бы этого делать. А значит, именно он, Крапива, оказался сейчас в нужное время в нужном месте.

Он ударил ближайшего монстра разводным ключом по руке, потом по колену. Потом врезал в живот ногами второму, так что тот согнулся пополам. Но тут третий схватил Крапиву за свитер, а остальные синхронно бежали к ним.

Сверкнула молния, потом пошел целый каскад молний, и в их свете Крапива увидел измученные человеческие лица. Они застыли – кто в скорби, кто в ужасе. Может, те, кому принадлежали эти лица – гладко выбритые, покрытые щетиной или бородатые, – еще живут где-то в глубине сознания. А может, он видит посмертные маски, и этих людей уже нет.

Крапива разmozжил одному нос, другому разбил зубы. Выскользнул из свитера и в одной майке, мокрый, скользкий и быстрый как ниндзя подскочил к зеленому шару. Он размахнулся и врезал по устройству так, что вспышку можно было увидеть аж у садика «Солнышко».

А потом дождь прекратился.

И в ровном сиянии шара, который остался цел, были видны только черные силуэты бывших людей, которые так и не

смогли поймать Крапиву.

Крапива исчез.

Только разбитый плеер «Стерео» лежал в луже и крутил колесико три или четыре минуты, покуда не отсырели батарейки.

Антонд опустил бинокль и улыбнулся.

– По моим расчетам, мы еще увидимся, – сказал он. –
Ниндзи не сдаются.

Глава вторая

Среда, 11 мая 1994 года

Патриотическое общество «Друзья отечества» поселило Н-ских ребят в гостинице «Восток», в самом центре Тюмени. С самого верхнего, восьмого этажа гостиницы открывался вид на огромный город.

Пока другие обдумывали шашечные дебюты и тренировались перед вечерней игрой, Денис смотрел в окно, и его зоркий взгляд выхватил челночный рынок, длинными рядами тянувшийся за парком. Рынок заворачивал за пятиэтажку и, надо полагать, тянулся дальше, скрытый от глаз юного предпринимателя.

Денис натянул свитер и вышел.

Рынок впечатлял. Тут были и обычные ларьки, и кое-кто торговал прямо на капотах машин. В этой сокровищнице существовали вещи, которых в родном Н-ске не было: и «Нико 11», и третий Мортал Комбат (в Н-ске все еще играли во второй), и даже настоящие лазерные диски.

Денис приступил к делу. Он шел между рядами, покупал и торговался, постоянно прикидывая, сколько сможет получить на перепродаже, когда вернется домой. Его мозг превратился в калькулятор, подсчитывающий маржу.

Он нашел просто офигенные плакаты с Майклом Дудиковым, Доном Драконом Уилсоном и даже самим Эриком Робертсом. Они продавались по превосходной цене и имели качественную полиграфию. При желании из них можно было сделать отличные черно-белые копии.

Денис совсем позабыл о вторжении пришельцев, и только странный разговор, который он уловил краем уха, вернул его в реальность.

– Пришельцы давно среди нас. Они превращаются в людей и скоро захватят весь мир.

Денис остолбенел и прислушался. Говорил высокий рыжий парень, который стоял к нему спиной.

Рыжий втирал это пацану, который продавал видеокассеты. Одна была у него в руках, и на ней было написано – «Они среди нас».

Денис вспомнил это кино. Там инопланетяне вселялись в людей, в политиков и полицейских, и только кучка героев встала между ними и захватом планеты.

Денис вспомнил крутую фразу из фильма и произнес ее вслух:

– Я пришел сюда пожевать жвачку и надрать задницы. И жвачка уже закончилась.

Долговязый обернулся и увидел Дениса.

– Привет, – сказал он.

– Что ты знаешь об инопланетянах?

– Чего?

– Что ты знаешь о захвате Земли? – уточнил Денис. – Мне нужны подробности.

Рыжий парень несколько секунд разглядывал Дениса, сначала с подозрением, а потом улыбнулся.

– Ты с турнира, да?

Денис кивнул.

Долговязого звали Александр. Не Саша, и тем более не Алекс. Александр. В свои пятнадцать он уже был членом патриотического клуба «Друзья отечества». А еще он был прошлогодним чемпионом шашечного турнира.

Дальше они уже шли по рынку вдвоем и общались. И Денис все больше и больше восхищался своим новым другом.

«Друзья отечества» не были теоретиками вроде Габдула, который хотя и верил в инопланетян, но сражаться с ними не хотел.

Александр рассказал Денису, что пришельцы давно уже проникли во все области жизни. Это они развалили СССР, а может, даже именно они убили царя.

Конечно, не все «Друзья отечества» в это верили, но очень многие, включая Александра.

– То, что они добрались до вашей школы, это только вишенка на торте, – вещал он. – Стали бы они заморачиваться со школой в каком-то там Н-ске, когда есть Кремль и Пентагон. Ты же меня понимаешь, да?

Денис кивал и продолжал слушать.

– Думаешь, почему Ленин спокойно лежит в мавзолее и не гниет? Думаешь из-за специальной химии, да? Он просто не может сгнить, потому что его тело не белковое.

Рыжий привел еще много разных примеров из мировой истории – от взятия Бастилии до убийства Талькова. Его рассуждения были понятными и логичными, а иногда Денис удивлялся, как он сам до этого не додумался.

Александр говорил, размахивая длинными тонкими руками и временами задевая прохожих. Он походил на гигантского богомола, только доброго.

– Всегда себя спрашивай «Кому выгодно?». Ты же меня понимаешь, да? Просто задай себе этот вопрос по поводу любого события, и ответы сами начнут на тебя сыпаться. Ведь все происходит не просто так. Мир не хаос, в нем всегда есть логика.

Логика определенно была и в словах Александра.

Денис понял, что должен рассказать обо всем друзьям. А еще он проголодался. Скоро начинался обед, а сразу после него была игра. Можно не обедать со всеми в гостинице, а перехватить тут рядом пирожков, но Денис сэкономил деньги. За обед в гостинице платили «Друзья Отечества», да и компот там, говорят, был вкусный.

Он попрощался с Александром, с условием непременно увидеться снова. Потом вернулся в гостиницу.

«Надо рассказать обо всем Ренату, – говорил он себе, пересекая парк. – Он умный и обязательно все поймет».

– Ничего не понимаю, – сказал Ренат и отпил еще Херши-колы.

Он не понимал, куда мог деться Крапива, когда он так нужен. Особенно сегодня.

Крапива был им нужен позарез, поскольку они с Аленой вызвались грабить склад.

А началось все с того, что утром, почти сразу после разговора с Аленой, Рената у школы выцепили люди Крапивы. Вернее, бывшие люди Крапивы. Крапиву они считали лохом, и лохом его, по их мнению, сделали Ренат и его компания.

Теперь они работали на Тимура-большого.

Они были такими злыми, что не контролировали свои языки, и быстро проболтались, что Крапива не захотел пойти с ними на дело, а теперь где-то прячется как крыса. А им сейчас нужны любые руки, потому что товара много.

Ренат быстро сложил два и два, и понял, что оборудование на складе предназначается для того самого концерта «Комбинации», о котором говорил Страж Врат.

Если ограбление удастся, то концерт они сорвут, а вместе с ним – и планы пришельцев.

Бывшие приспешники Крапивы посмеялись над идеей Рената участвовать в ограблении, потом один из них прищурился и спросил:

– А не ты ли Ван Даммов для Малого клеил?

Ренат не сразу понял, о чем речь, а потом припомнил, как несколько месяцев назад впервые встретился с Тимуром и устроил эту авантюру с переделкой наклеек в картонки.

– Ну, я, – признался он.

Второй посмотрел на Алену.

– А не ты ли пацанов из горящего подвала спасла?

– Вообще-то подвал не был горящим, – начала было Алена. – Это была дымовая шашка...

– Это меня она спасла, – прервал ее Ренат.

Оба пацана с уважением посмотрели на Алену. Это уважение прямо сочилось из их глаз.

– Я Серый, – представился один.

– А я Рокстеди, – протянул руку второй, не отрывая глаз от Алены. – Но для тебя Витя.

Ренат посмотрел на протянутую к Алене руку Рокстеди, почувствовал укол ревности и неожиданно для себя произнес:

– Ее зовут Ненси.

Серый загоготал. Алена пожала протянутую руку, и Ренат уже готов был провалиться под землю, когда она произнесла:

– Алена. Но для тебя Ненси.

Серый перестал смеяться и сказал:

– Вот что, Рокстеди. Надо показать их Малому.

КТО СТОИТ ЗА НАПАДЕНИЕМ НА «ИНВЕСТОРА»

Уже вторую неделю область лихорадит из-за гнусного нападения на офис Частного фонда «Инвестор». Вчера из компетентных источников нашей редакции стало известно, что за поведением полиции и нечистоплотных адвокатов стоит жажда наживы, да и простая человеческая зависть по отношению к честным людям, добившимся успеха в бизнесе.

«Такие же люди в двадцатые-тридцатые писали доносы на более успешных соседей, чтобы отобрать у них комнату или корову», – анализируя эту историю, говорит экономист Валерий Иностранцев. Он напомнил, что «Инвестор» два месяца назад на целую рабочую неделю оплатил для всех жителей нашего города поездки в общественном транспорте, что обошлось фонду почти в два миллиона рублей. А дивиденды по акциям «Инвестора» составляют без малого 1024% годовых. «Какая из компаний может предложить больше?!», – спрашивает экономист.

По словам Иностранцева, именно зависть и «шариковщина» («взять все, да поделить») мешает нашей стране прийти к светлому капиталистическому будущему. Еще не во всех головах Адам Смит заменил Владимира Ленина.

«Правда Вятка» 2 апреля 1994 года.

Тимур-малой не утратил привычки появляться из тени. В подземную базу его банды набились два десятка подростков. Большинство – из тридцатого микрорайона, самого криминального в Н-ске.

Никто не побеспокоил бы ребят в этом месте.

Тимур-малой появился в центре помещения, и единственный источник света – отверстие от люка в потолке – бил сверху, как прожектор.

Ренат протер глаза, решив, что ему мерещится. Но нет. На Тимуре-малом действительно был фрак. Волосы у него были зачесаны назад и набриолинены, словно у оперного певца или Майкла Корлеоне.

– Мы живем в трудное время, – начал Тимур. – Говорят, что человек человеку волк. Что ж, может, это и правда. Но волк-одиночка не выживет в этом мире. Это Чак Норрис может быть «Одиноким волком». Но, как говорил один мой друг... мой бывший друг, – Тимур посмотрел на Алену с Ренатом, – «жизнь – это не кино». Мы должны держаться вместе, действовать синхронно, слаженно, как единый организм. Только так мы сможем преодолеть все трудности. Сегодняшняя ночь будет сложной, и если хоть один из нас засыплется, засыплются все. Кто-то скажет, что большая глупость – брать на дело столько людей. Что это увеличивает риск. Но я

скажу этому кому-то, – он посмотрел на Тимура-большого, – что куш наш будет больше, и одна такая операция создаст для нас, – Малой сделал паузу, вспоминая слова, – финансовую подушку безопасности на год вперед. Ведь мы живем в трудное время.

Он закончил речь. Затем на его место встал Тимур-большой. Он и одет был проще (из дорогих шмоток лишь обычная косуха) и говорил конкретнее. Он сказал, что для слаженной работы все должны слушаться бригадиров отрядов, которых заранее проинструктировали. Что касается выручки, то они с Малым сами позаботятся о перепродаже краденного, а семьдесят процентов дохода получают участники предприятия.

Как говаривал Майкл Корлеоне, это было предложение, от которого нельзя было отказаться. Щедрое.

Тем временем в другой части города – именно там, где в это воскресенье должна была выступать «Комбинация», у стены, отделяющей стройку (которая уже была не стройкой, а почти готовым зданием) от города, стоял сенбернар.

Он смотрел и замечал странное. Рабочие не устраивали перекуров, не ели и не ходили в туалет, а главное (что было самым тревожным знаком) – перестали воровать.

– События ускоряются, – сказал сенбернар.

– Верно, – заметил проходивший мимо мужик. Он был волосат, не ухожен и вез перед собой тележку, которая гро-

мыхала пустыми бутылками, – этому миру скоро конец. Кеннеди – умный мальчик, первым это понял. Вот потому его и убили.

Потом он заговорил про масонов и поплелся дальше по дорожке между деревьями.

И тут пес увидел главное. И этого, кроме него, не видел никто.

Над зданием кружился едва различимый вихрь, переливающийся всеми цветами радуги. И это тоже был нехороший знак.

– Надо рассказать обо всем ребятам, – сказал себе сенбернар и поспешил прочь.

Глава третья

Среда, 11 мая 1994 года

Никто так не способен вдохновить на победу, как родители.

Когда Денис добрался до номера, ему сразу сказали, что звонил его отец, и что перезвонит снова. Денис перезвонил сам, чтобы сэкономить на междугородних звонках (организаторы оплачивали счета за междугородку, но «в пределах разумного»).

– Я хотел с тобой поговорить, чтобы пожелать удачи, – сказал отец, – Когда у тебя игра?

– Вечером, – ответил Денис.

Отец сказал, что они с мамой очень им гордятся, хотя раньше считали, что он оболтус. А он оказался очень даже приличным игроком в шашки. Сославшись на мать (он часто ссылался на нее), отец напомнил, что и дед Дениса когда-то отлично играл в шашки, и наверное, это передалось по наследству. Еще он спросил, нормально ли Денис питается, и тот ответил, что только-что поел в гостиничном ресторане борща и пюре с котлетой.

Денису показалось, что на той стороне провода мать стоит рядом с отцом.

Голос того стал смущенным.

– Ну и еще это... Мы тут подумали... конечно, главное не победа, а участие, но было бы неплохо, если бы ты победил. Мы не огорчимся, если этого не случится, но...

– Тринитрон, – вздохнул Денис.

В трубке послышался шорох. Мама взяла трубку.

– У Кривошеевых Гао, у Хабидулиных Шиваки, и я подумала, что хорошо бы, чтобы у нас был...

– Тринитрон, – повторил Денис. – Тот самый, который круто показывает даже в рекламе на другом, плохом телевизоре. Да, я понимаю.

В трубке вновь послышался шорох.

– Только не подумай, что мы на тебя давим, – сказал смущенный папа.

Денис вдруг понял, какая ответственность на него свалилась. Он оглядел комнату и увидел ребят. Двое сидели за столом и тренировались. Еще трое следили за игрой.

А его голова была забита инопланетным вторжением и плакатами с Майклом Дудиковым. Ему никогда не победить.

Тут он вспомнил слова мудрого учителя кунг-фу из одного старого фильма: «Ты можешь тренировать разные удары, но никогда не забывай о том, который получается у тебя лучше всего». У Дениса был такой удар.

Денис понял, что не обойдется без помощи молодежного отделения «Друзей отечества», а главное – прошлогоднего шашечного чемпиона Александра.

Штаб молодежного отделения «Друзей отечества» находился на втором этаже старого кирпичного дома, что выходил фасадом на речку, а задом вгрызался в густой лиственный парк. На деревянной двери висел плакат с гербом местного футбольного клуба «Динамо-Газовик», где на белом мяче красовались синие звезды. Над звездами красным фломастером кто-то нарисовал летающую тарелку.

Провел Дениса туда Петр – старший брат Александра.

Хотя Петру уже было восемнадцать, он на полголовы не дорос до младшего брата. Зато носил усы, которые жидким пролеском накрывали верхнюю губу.

Денис еще никогда не видел столько плакатов в одном месте. Правда, они не представляли никакого коммерческого интереса.

На плакатах были изображены усатые мужчины в мундирах. Их суровые лица смотрели на Дениса со стен в коридоре и ветхих комнатах, где и обосновалось молодежное отделение.

В одном углу над столом сгрудились ребята. В другом парень с пришитыми к зеленой рубашке эполетами разговаривал с девушкой. Предмета разговора Денис не уловил. Говорили по-французски.

В другой комнате мучили гитару. В коридоре целовались. А потом кто-то поставил пластинку, и гитарист в соседней комнате смолк, не выдержав конкуренции с Малининым.

А в комнатах наших
Сидят комисссысары
И девочек наших
Ведут в кабинет

Петр подвел Дениса к столу и, шелкнув пятками в кроссовках Adibas, представил главному. Главным был старик, возможно, уже студент.

Денис посмотрел вниз и увидел на столе огромную карту мира. На ней там, где были столицы крупных стран, красовались пластиковые летающие тарелки.

Дениса представили.

– Он будет нам полезен, – объяснил Александр. – Он видел пришельцев. Я ему верю.

ТАЙНА БЕЛОГО ОФИЦЕРА

Автором и организатором легендарного и блестящего «Стояния у Чуевки» был генерал 2-го ранга Антон Иванович фон Висборф. Это событие могло переломить ход войны, и кто знает куда бы повернула история Государства Российского. Но не судьба.

За некоторыми фактами приходится лезть в тайники и

архивы, находить и уговаривать информантов. А иные лежат на поверхности.

Только вчера, сверившись с биографией фон Висборфа в первом издании Большой Советской Энциклопедии 1926 года (в последующих его фамилия вычеркнута), мы обнаружили что датой его смерти обозначено 3 мая 1919 года (что полностью попадает в обозначенный нами ранее цикл в 15 лет). Это сенсация, господа и товарищи!

Получается, что герой антибольшевистского сопротивления вовсе не бесславно съеден медведем, а убит пришельцами, скорее всего, в неравном бою. А это, согласитесь, куда более достойная смерть.

А может, фон Висборф вовсе не погиб, а был пришельцами похищен. Законы релятивистской физики однозначно говорят, что время в разных частях вселенной течет с разной скоростью, кроме того, у высших цивилизаций существуют, как мы знаем, криокамеры. Это означает, что тот, чье имя стоит в одном ряду с Деникиным, Колчаком и Корниловым, возможно, до сих пор жив.

Остается только понять, кому и зачем требуется посетить самые безлюдные места нашего мира ровно через каждые 15 лет.

Но и эту тайну мы раскроем. Истина где-то там.

Продолжение следует...

«Тайны Югры» 28 апреля 1994 года

В это время в нескольких сотнях километров от Дениса, во дворе девятиэтажки, что за магазином «Филателия», тоже звучал Малинин.

Он пел из того самого окна, откуда несколькими главами ранее вещал Газманов. А еще из этого окна часто звучал Тальков. Будто диджей нарочно выбирал только тех исполнителей, которые носят шинели, брюки-галифе и упомянутые ранее эполеты.

Но нет. На самом деле, если ты купил хорошую аппаратуру и нашел правильную музыку, просто грех не поделиться всей этой радостью с ближними.

Вскоре снизу, из окна мицубиси-паджеро ответили другой хорошей музыкой.

Лондон, гудбай

Лондон, прощай, я здесь чужой

Лондон, гудбай

Лондон, прощай, пора домой

Кар-мэн, за ним сольный Титомир, потом Мальчишник.

Диджей будто нарочно выбирал только тех исполнителей, что употребляли в своей речи много иностранных слов.

Но нет. На самом деле, если ты купил хорошую аппаратуру и нашел правильную музыку, просто грех не поделиться всей этой радостью с ближними.

И в

этом противостоянии славянофилов и западников, никто не придавал значения разговору, который вела с собакой пара подростков.

– Прежде чем рассказать, куда пропал Крапива, я должен кое-что объяснить, – начал сенбернар. – Врата – это устройства, меняющие пространство-время. Они разбросаны по всей галактике. И мы – Стражи Врат – охраняем их от воров, пиратов и контрабандистов. Но Страж, вопреки расхожему в галактике суждению, это не всегда крутой парень с бластерами в каждой из шести рук. У наших Врат я был чем-то вроде инженера, разбирался с проводами, термоизоляцией и вещами намного сложнее, которые помогают сворачивать пространство в ровные, симпатичные рулоны. В строгом смысле я даже не Страж, а навигатор.

– Звездный Навигатор, – поправил его Ренат, и тут же вспомнил недавний фильм из видеосалона «Полет Навигатора».

Алена смотрела на сенбернара критически.

– Хорошо, и чем ты нам будешь полезен, Навигатор? – спросила она.

– Я направляю корабли в пространстве между мирами. Не даю им свалиться в пропасти безвременья и водовороты бессобытийния.

– И как это касается нас? – спросила Алена.

– Самым прямым образом. Я обнаружил, что как раз сейчас Крапива дрейфует в потоках Межмирья. Куда он попал благодаря устройству, построенному пришельцами. Я подозреваю, что они умыкнули детали с наших Врат.

– Звездных Врат, – поправил его Ренат.

Они быстро пришли к верному выводу, что Крапива полез ночью сломать инопланетное устройство или, скорее всего, открутить от него кусок, чтобы предъявить своим хулиганам в качестве доказательства инопланетного вторжения.

– Я должен вернуться к Крапиве, – сказал пес. – Чтобы направлять его в потоках Межмирья, не дать свалиться в пропасти безвременья и водовороты бессобытийния. Я попытаюсь вытащить его оттуда, но это займет время.

Пес заспешил прочь, но остановился в нескольких метрах от них.

– И еще кое-что. Если шакхирианцы использовали детали Врат, это может означать только одно – беда, которую они готовят для людей, как-то связана с пространством-временем. И это, пожалуй, страшнее всего. Если бы мой корабль не разбился, я бы связался со Стражами Врат – настоящими, у которых по бластеру в каждой из шести рук. Я бы рассказал им, что нашу технологию используют как оружие. И они

бы прилетели на «Королеве звезд» и помогли.

– «Королева звезд»? – переспросила Алена.

– Да, так называется наш корабль, с которым я летаю, когда не чиню Врата.

Теперь они общались, перекрикивая Газманова.

– И что это за оружие? – спросила Алена.

– Способное из маленького города в тайге уничтожить нашу цивилизацию, – добавил Ренат.

Пес пожал плечами.

– Может быть, они собираются принести в этот мир пропасти безвременья или водовороты бессобытийния, – предположил Ренат.

При этих словах самого Рената передернуло. Он вообще обладал свойством что-то сказать, а потом самому же испугаться. Бывало, воображаешь себе что-то страшное, а потом ночью идешь в туалет только при свете фонарика.

Ренат вернулся домой со смешанным чувством страха (предстояло участвовать в грабеже), гордости (он так далеко зашел и не струсил) и чего-то едва уловимого, романтичного. Это чувство впервые возникло у него год назад, когда он смотрел «Горец». Там бессмертный Маклауд со своей женой Хезер бродили по шотландским горам и любились среди старинных замков под песню Меркьюри о том, что «один год любви лучше, чем одинокая жизнь». Тогда Ренату эта фраза показалась очень глубокомысленной. Особенно, будучи ска-

занной по-английски. А как известно, по-английски фигню говорить не будут.

Этот фильм и эта песня наполняли сердце Рената неизбывной тоской по тому, чего с ним никогда не было. По настоящим приключениям, которые происходят с кем-то другим. С тем, у кого есть большой меч, волшебная сила, кто живет «где-то там» (потому что «где-то здесь» ничего интересного, романтического произойти не может), а главное – кого зовут, например, Коннор Маклауд.

С человеком, которого зовут Ренат, не может произойти ничего такого, что достойно музыки Куин.

Так он думал, пока не повстречал инопланетян и не подружился с самим Крапивой.

И теперь он сидел в своей комнате за письменным столом, притворялся, что делает уроки, а в его груди росло то самое романтическое чувство. И оно росло и менялось, словно куколка, превращающаяся в бабочку.

Отец в соседней комнате слушал концерт для ветеранов войны. Он всегда говорил, что пить одному – верный признак будущего алкоголизма, но сегодня пил один. Он позвонил бабушке и что-то шептал в телефон. Ренат догадался, что папа говорит о деде, своем отце, который умер четыре года назад от обычной пневмонии.

Да, День победы и все такое. Когда Ренат трусил, он думал о том, как поступил бы на его месте отец. А папа ассоциировался у Рената с Высоцким. Возможно, потому что оба

носили кепку. По крайней мере, на четвертой пластинке из серии «На концертах Владимира Высоцкого» артист был в кепке с рисунком в елочку – такой же, как у отца.

Ужаснее всего Высоцкий выглядел на пятой пластинке. Он смотрел с нее прямо тебе в душу, и как бы ты ни бродил по комнате, его взгляд преследовал тебя.

Высоцкий был мериллом. Как и Чак Норрис. Но у Рената не было достаточно большого плаката с Чаком.

Сегодня чувство несбыточного разрослось настолько, что из него родилась бабочка предвкушения подвига. И, как понял сам Ренат, подвига во имя прекрасной принцессы.

Ренат пошел к отцовскому проигрывателю, выбрал пластинку, а в ней – самую героическую песню.

Ночь на среду, 11 мая 1994 года

Крапива не верил в магию кино. Он вообще не верил ни в какую магию. Что было большой редкостью во времена, когда часть взрослых верила в Бога, часть в Кашпиоровского, а большинство – в обоих сразу.

Крапива верил в серый мир с серыми домами и вечно серым небом. В мир имиджа и харизмы. В мир, где надо вертеться, чтобы выжить.

И, тем не менее, был один-единственный фильм, который

немного пугал Крапиву. Нет-нет, не «Кошмар на улице вязов», не «Восставшие из ада» и даже не «Реаниматор». Больше всего Крапива боялся фильма «Привидение» – тот, где Патрик Суэйзи целовался с Деми Мур под ту самую песню. Крапиву приводило в ужас то, что однажды его могут пырнуть ножом, как героя Суэйзи, он отделится от собственного тела и будет смотреть на людей вот так, со стороны, не в силах отомстить. В отличие от большинства людей, верящих сразу в Павла Глобу и Иисуса, Крапива боялся не исчезнуть из этого мира, а остаться в нем наблюдателем. Лохом, не способным на что-то повлиять.

А сейчас Крапива стоял на ночной крыше, и дождь летел сквозь него. Капли падали на бетонный пол, на котором не оставалось сухого места. В луже лежали разбитый плеер, а рядом – две пожеванные батарейки. За спиной Крапивы светил зеленым галактическим светом инопланетный аппарат, но Крапива не отбрасывал тени. Мальчик смотрел на свои руки и видел их выцветшими, почти белыми. Он словно был вклеен в этот мир как коллаж, автор которого совсем не старался.

– Я мертв, – сказал Крапива вслух и стал оглядываться в поисках собственного тела, но не нашел его. Он только увидел, как серые фигуры идут прочь от него к краю крыши. Никто не пытался его поймать или убить. Потому что если ты мертв, то никому ты не нужен. Даже врагам.

То ли порыв загробного ветра, то ли еще какое движение

в потустороннем мире толкнуло Крапиву, и тот поплыл по воздуху. Его ступни проходили сквозь бетон и арматуру, потом он целиком пронесся сквозь бетонную колонну и почти секунду ничего не видел.

Когда крыша закончилась, Крапива воспарил в нескольких десятках метров над землей.

Эфирный ветер или ветер загробного мира нес его между домами, а иногда и сквозь них. В большинстве квартир уже спали. В одной мужик в семейных трусах сидел на диване, смотря второй тайм игры московского «Спартака» с «Урал-машем». Крапива плыл достаточно медленно, чтобы разглядеть время на настенных часах (второй час ночи) и понять, что свердловчанам ничего не светит.

В другой квартире девочка под светом фонарика читала «Возвращение в Эдем».

Крапива вынырнул из дома, и эфирный ветер остановился. Крапива застыл в воздухе. В свете луны он разглядел метрах в сорока под собой садик «Солнышко».

«Ну все, приехали», – подумал Крапива и впервые за много-много лет заплакал.

Глава четвертая

Среда, 11 мая 1994 года

Посмотреть на полуфинал чемпионата области по шашкам собралось несколько сотен школьников, их родителей и журналистов местных газет. Ход игры демонстрировался на огромном световом табло, разработанном специально для этого турнира местными умельцами.

Квадратное – пять на пять метров – табло стояло на сцене. Перед ним был стол с будущими шашечными гроссмейстерами. А далее – целый зал, наполненный людьми. Между первым рядом и сценой носились фотографии. А на самой сцене сидел Денис, размышляя над следующим ходом. Левая его щека позеленела от света табло, а правую озаряли вспышки фотокамер.

Денис в полуфинале.

До этого полуфинала Денис дошел собственным умом, используя его тем способом, который получался у него лучше всего. Денис следовал упомянутому ранее принципу из старого кунг-фу фильма. Принцип гласил: «ты можешь тренировать разные удары, но никогда не забывай о том, который получается у тебя лучше всего».

Денис поднес было руку к одной из шашек, когда заметил,

как во втором ряду Александр вытер платком пот со лба. Денис убрал руку.

Александр посмотрел в сторону и чуть вверх. Потом помассировал правую мочку уха и плотно сжал губы. Денис взял шашку и передвинул ее с С5 на А3, тем самым перейдя в оборону. Последующие полчаса Александр чесался, шмыгал носом, закидывал ногу на ногу. Фактически Александр делал то же самое, что и другие зрители длинной нудной игры, и потому этот трюк сработал лучше, чем неделю назад с «Фаталистом».

Денису вспомнил ту авантюру с Лермонтовым и сам не поверил, что с того момента прошло всего несколько дней, а не целая вечность.

Пока соперник думал над ходом, Денис считал дни. Он понял, что их учительница русского-литературы скорее всего уже тогда была монстром, способным разинуть пасть на полголовы.

Он вспомнил встречу с училкой в ту самую ночь. Вспомнил, как страшно горели глаза оборотня, как блестели его зубы, как Ненси лихо справилась с ним, и удивился, как ему вообще удалось выжить...

Двумя часами ранее:

Только пуля казака во степи догонит,
Только пуля казака с коня собьет.

За время, проведенное в штабе молодежного отделения Друзей Отечества, Денис, вероятно, услышал все песни, где фигурировали сабли, эполеты, лампасы, лакеи, юнкера и хруст французской булки.

Главаря отделения звали Роман Михайлович. Он носил треугольную бородку, усы, торчащие остриями вверх на прусский манер, и пенсне в серебристой оправе. Как и половина присутствующих, он тоже был в мундире.

Первым делом Роман Михайлович потребовал от Дениса показать на карте, где именно приземлилась летающая тарелка пришельцев. Денис не знал, и главарь страшно расстроился.

Денису, чтобы поднять настроение Роману Михайловичу, пришлось во всех подробностях рассказать тому об их столкновении с пришельцами. Он не упустил ни одной самой страшной детали, но при этом, что было совсем не характерно для Дениса, ни разу ни соврал, ни преувеличил.

– Нам очень помощь нужна, – сказал Денис. – Скоро пришельцы планируют сделать что-то страшное, не знаю...

– Акцию, – сказал один из ребят.

– Возможно. И мы должны им помешать. Надо, чтобы кто-то поехал со мной в Н-ск и помог их остановить.

Роман Михайлович словно только и ждал этой реплики. Он решительно снял пенсне, протер его быстрым привычным движением, вернул на место и осмотрел присутствующую

щих долгим решительным взглядом.

– Наши старшие, – начал он мудрым взрослым голосом, – теоретизируют по кухням, пока за их спинами творится История. Как теоретизировали наши предки, пока более решительные люди готовили бомбу, чтобы взорвать великого князя. Мы не будем совершать их ошибок.

В его руке появился бокал. Кто-то подскочил с бутылкой шампанского и начал разливать его тем, кто выглядел чуть старше прочих.

– Господа, – продолжил Роман Михайлович, – пришло время действовать! Будь у нас машина времени, я бы отправил человека в прошлое, в четырнадцатый год, или в семнадцатый, чтобы все исправить. Будь я писателем, написал бы об этом историю. Но мы не писатели, а практики. И как говорит наше поколение: «дальше действовать будем мы».

Эту фразу услышали в соседней комнате, и оттуда загремел Цой. И это была единственная песня в тот вечер, в которой не было ни лакеев, ни юнкеров.

Денис умел угадывать момент и, набравшись храбрости, сказал:

– У меня есть еще одна просьба, немного личная. – И посмотрел на Александра, который был прошлогодним чемпионом по шашкам.

Мы хотим видеть дальше, чем окна дома напротив.

Мы хотим жить, мы живучи, как кошки

И вот мы пришли заявить о своих правах: "Да!"

Слышишь шелест плащей – это мы.

Дальше действовать будем мы!

Глава пятая

Ночь на четверг, 12 мая 1994 года

Пройтись вдвоем до места общего сбора банды не получилось. В два часа ночи у выхода со двора за Аленой с Ренатом увязался один из бывших крапивинных прихвостней. Ренат совсем забыл, что он тоже живет тут, в первом подъезде. Прихвостня звали Вахо, был он маленьким, темненьким, с копной жестких курчавых волос и, в общем и целом, походил на злобного чертика.

– Здорово, Ненси, – сказал Вахо и посмотрел на Рената. – А ты, я думал, испугаешься. Не придешь.

– Как видишь, ошибся.

В дороге Вахо пытался разговорить Алену, и когда у него получалось, Ренат страшно злился и старался идти между ними, но через какое-то время Вахо оказывался рядом с Аленой. И так несколько раз.

– Мыши-рокеры с Марса круче этих ваших черепашек, – объяснял Вахо, когда они переходили дорогу у кинотеатра «Аврора». – Черепахи совсем голые, а эти ходят в косухах⁴.

⁴ В действительности из трех мышей косуху не носил никто. Дроссель был в безрукавке, Винни – в перевязи с патронташами, а Модо и вовсе выше пояса был железным.

В нашем мире надо вертеться, чтобы добыть на косяку. Вот у Гроба аж две косяки.

Алена поглядывала на Вахо и улыбалась.

– Агата Кристи самая классная группа. Они про такое поют, что недавно их всех менты забрали прямо с концерта, – продолжал Вахо. – У Гроба есть три их кассеты. Он мне давал послушать.

Ренату не нравилось, как Алена смотрит на Вахо. Когда они проходили мимо «Детского мира», он снова вклинился между ними.

– А еще я умею плевать сквозь щель между зубами, – не отставал крапивинский демоненок. – Вот так.

Он показал, и Алена засмеялась.

– Это меня Гроб научил.

По дороге выяснилось, что Гроб – это старший брат Вахо, недавно приехавший из Кутаиси, где он настоящий вор в законе, и все местные ларьки платят ему дань. Как и положено всем старшим братьям, Гроб прошел войну в Афгане и видел живым самого Цоя.

А потом они втроем зашли в Гаражи – тот самый лабиринт, где спасителей человечества чуть не сожрала учительница. Там всегда можно было собраться большой компанией подальше от посторонних глаз. И там этой ночью их ждал автобус.

Подходили и другие ребята, по двое и по трое. Ренат почти никого не знал, это была не его тусовка. Такие ребята не

ходят в кружки авиамоделирования или радиотехники. Были они его возраста или чуть старше, от кого-то разило спиртным. Некоторые курили.

Двое или трое поздоровались с Аленой. С Ненси.

Водителем был толстенный небритый совершеннолетний мужик.

Участники ограбления набились в автобус. Их оказалось так много, что не всем хватило сидячих мест. Даже Вахо собирался было подсесть к Алене с Ренатом. Но тут уже сама Алена его прогнала.

– Постоишь, – сказала она, и это ее слово прозвучало для Рената как музыка.

Они очень быстро покинули город, и он растаял, будто никогда и не был. А была только длинная аэропортовская трасса, что шла вдоль реки. Где-то тут на окраине жила бабушка Алены. Алена подумала, что если сейчас автобус заглохнет, то она не найдет к ней дорогу. К бабушке она ехала из города, на автобусе номер 3 из центра до конечной. А другого пути не знала.

Алена подумала, что здорово было бы переехать к бабушке. Она даже согласна добираться в школу целый час на автобусе, лишь бы не возвращаться домой. Утром отец проснется и увидит, что не готовы ни завтрак, ни обед, и страшно разозлится. Он может даже узнать, что она почти перестала ходить в школу. Но это расстроит его не так сильно, как отсут-

ствие бытового комфорта, который обеспечивала ему Алена.

Ренат назвал Вахо чертиком из коробочки, и это прозвище ему шло. Все дорогу он выскакивал и в самый неподходящий момент начинал рассказывать о старшем брате. Алена видела, как это злит Рената, но не могла удержаться от искушения подлить масла в огонь. Ренат так смешно злился, когда она делала вид, что с интересом слушает рассказы Вахо. А сам Вахо, как ни пытался выглядеть крутым, все время прятался за образом своего старшего брата.

И Алена в очередной раз убедилась в том, какими глупыми иногда бывают мальчишки. Независимо от того, сколько видели, смотрели и читали.

Когда подъехали к причалу, был уже третий час ночи, а может, утра. Автобус остановился у бетонного забора, по другую сторону которого стояли ангары. На территорию причала вела дорога, где был шлагбаум, а еще в заборе была железная калитка. Открытая. Автобус не стал сворачивать с трассы, а остановился около калитки.

Участникам ограбления еще прошлым вечером объяснили, что часть охранников подкуплена, а часть (совсем небольшая) – нет. «Так что мы будем делать вид, что воруем тайно, а они – что охраняют», – сказал вчера Малой.

Но вход в нужный ангар придется открывать изнутри.

И тут маленький Вахо получил шанс отличиться. Именно он пролез в окно и открыл дверь изнутри.

Прошло не больше пары минут, и три десятка грабителей (включая Алену и Рената) заполнили склад. Они искали и передавали наружу все самое ценное. Опытные глаза подростков выискивали то, что, по их мнению, можно быстро и без лишнего шума продать за большие деньги – в первую очередь детали компьютеров и, конечно же, дорогущее концертное оборудование – то самое, ради которого пришли сюда.

Алена вспомнила рекламу из телевизора, где скучающий голос с раздражением говорил: «Компьютеры, процессоры, принтеры... Ну, сколько можно?». Во всей этой сутолоке, где десятки детей копошились среди коробок, она искала что-то действительно стоящее. Допустим, зауженные джинсы. Допустим, от Levi's. А еще она получит свою долю и купит все панк-кассеты, какие только есть. Возможно, даже новых (про них еще почти никто не знает) «Манагер и Родина». А еще она что-нибудь отложит, чтобы переехать к бабушке, потому что та живет на пенсию и одна внучку не потянет. А еще в школу надо будет ехать почти час на автобусе номер 3. Ну да, еще она спасет мир от пришельцев.

Два парня протащили мимо нее огромную штуковину с кучей кнопок, ползунков и тумблеров. Кто-то объяснил, что это микшерный пульт – штука, которая нужна на концертах, чтобы все инструменты было хорошо слышно. Алена усмехнулась. Теперь пусть эти «Комбинации» попоют свою попку.

– Анекдот вспомнила? – спросил Ренат.

– Да так, – сказала она, – представила как они будут петь без этой штуки.

– А они и так не поют, – сказал Ренат.

– В смысле?

– Там все «под фанеру». Им даже микшер не нужен. Мне Дэн рассказывал. Он в технике сечет.

– Тогда зачем им этот твой миксер?

Что-то не так... Тут было много всего. Разной крутой техники. Зачем столько всего нужно одной группе для одного концерта? Алена не разбиралась во всех этих штуковинах, но точно знала, на каком-то эстетическом уровне, что это все лишнее.

– Это не их склад, – сказала она. – Мы ошиблись.

– Тимур-малой не ошибается, – сказал Ренат. – Так Дэн всегда говорит.

Алена снова подумала о Денисе. Как жаль, что его с ними сейчас нет. Он бы сразу просек, что тут дело нечисто. Что это ловушка. Для трех десятков бедных мальчиков и нескольких бедных девочек, которые позарились на дармовые угощения злой колдуньи.

– Ты прав, – она кивнула, – Малой никогда не ошибается. Это тот самый склад.

И тут она вспомнила, что говорил Тимур на встрече в его базе. Что они должны действовать как один организм. Что-то такое говорила на одном из уроков и Людмила Евстафьевна. Что-то там про коллективный разум.

– Как-то бессмысленно было собирать столько народу в одном месте. Да еще со всеми делиться, – сказала она. – А ведь кто-то может потом проболтаться...

Она посмотрела на Рената. А он – на нее. Ренат не отвечал. Алена поняла, что сейчас в его мозгу рождаются те же мысли.

А потом они оба услышали шелест. Громкий шелест листьев.

– Бежим! – закричала она и рванула к двери.

Ренат побежал за ней. А за ними еще несколько ребят. Они скорее всего не поняли, что происходит, и решили, что явились хозяева склада. Два пацана застряли в дверях склада с телевизором в руках. Алена легко перепрыгнула через них. Ренат споткнулся и упал вместе с телевизором. Кинескоп лопнул с оглушительным хлопком.

Не сговариваясь, все рванулись к автобусу.

– Заводи! Заводи! – закричал кто-то.

А воздух был морозным, совсем не майским. В свете фонарей металась дети. Кто-то с добычей на плече мчался прямо в сторону леса.

И никаких взрослых. Никого. Никто не прибежал с криками: мол, уже вызвали милицию. Словно всем взрослым было плевать на то, что у них из-под носа орава детворы тащит ценный груз.

Уже запрыгнув в автобус Алена увидела, как захлопнулась дверь склада и шелест стал тише.

– Стойте, там люди! – закричала в ней Нэнси. – Нас боль-

ше. Мы можем их отбить.

– Заводи! Заводи! – продолжал кто-то кричать.

– Отпусти руку, – сказала она, и посмотрела на Рената так презрительно как только могла. – Тебе страшно, ты и бойся, а мне надо наружу. Кто со мной?

Но Ренат схватил ее за плечи, развернул и указал на окна на втором этаже. Там в свете, идущем изнутри склада, стояли черные силуэты. И глаза у них светились.

– Нас не больше, – прошептал Ренат. – Ты может и пойдешь их отбивать, но никто за тобой не пойдет. И тогда их станет еще больше, ровно на одну Ненси.

– Трус, трус! – закричала Ненси. Автобус дернулся так резко, что она полетела по проходу и ударилась носом о ручку. Хлынула кровь.

Она вспомнила что водитель – взрослый.

– Ты хотел кого-то взрослого?! – сказала она, не уверенная что Ренат ее слышит.

Когда она добежала до водителя, автобус уже мчался по дороги прочь от проклятого склада.

Нэнси коснулась плеча грузного мужика шофера и как раз в этот момент фары выхватили из тьмы табличку: «До Н-ска 40 км». Она поняла – они ехали прочь от города.

Шофер повернулся, продолжая управлять машиной. Вернее, повернулась только его голова. Так, словно ее открутили.

Глаза светились зеленым. Из его рта шел неприятный

сладковатый запах.

Шофер шелестел.

Алена отпрянула и оглянулась. В слабом свете ламп по полу автобуса между рядами ползали черные твари, похожие на тени. Кругом царили гвалт и хаос. Одна тварь бросилась на пацана, но тот придавил ее к сиденью здоровенным двух-кассетником Шарп.

Тут автобус остановился. Огромный водитель встал со своего места.

Он занял собой весь проход, а руки его удлиннились как у Фредди Крюгера в первом фильме.

"Зря вы меня похоронили, – сказал тогда Фредди. – Ведь я еще живой".

Ну конечно, подумала Алена, все это дурной сон, когда ты убегаешь и никак не можешь убежать. Она на самом деле лежит, укутавшись в одеяло у себя на балконе, на раскладушке, у которой недавно лопнула уже третья пружина. А вокруг – банки с кабачками, которые она закрутила папе на закуску.

Вот сейчас она проснется, и окажется, что ничего не было.

Она была уже в середине автобуса, а руки тянулись к ней. Не только руки водителя, но и других детей.

А потом что-то огромное, тяжелое врезалось в водителя откуда-то сзади. Если бы тут был Денис, он узнал бы в этом орудии экспортный усилитель «Радиотехника».

Водитель рухнул на пол.

Ренат размахнулся и врезал усилителем парню, что пытался схватить Алену.

– Сюда!

Алена подскочила к Ренату, а он встал между ней и толпой пацанов, которые уже не были пацанами.

Алена подбежала к водительскому креслу и стала нажимать на все кнопки подряд, пока одна из них не открыла дверь.

– Бежим! – крикнула она.

А он ответил ей фразой, которую в середине фильма ужасов и боевиках говорит самый здоровенный член отряда, прежде чем героически погибнуть.

– Уходи! Я их задержу.

Водитель лежал ничком на животе, но его рука вывернулась назад и схватила Рената. Тот с хрустом опустил на него экспортный усилитель. Но было уже поздно. Трое ребят схватили Рената.

– Беги! – закричал он, прежде чем утонуть под горой чудовищ, вершиной которой был черный, как ночь, похожий на гоголевского черта Вахо.

Все, что происходило в автобусе с момента его отъезда со склада и до того, как Алена выскочила из него, заняло не больше двух минут.

Она сначала побежала, беззвучно плача. Она бросила Ре-

ната. А еще она его обозвала. И теперь Рената уже нет. Она его оставила. Да. Потому что не он, а она трусиха. Так ей и надо. Никакая она не Нэнси. Она вернется домой к отцу, потому что ее жизнь – это стирка и готовка, и страх что какой-нибудь его собутыльник когда-нибудь сделает с ней что-то нехорошее, пока отец будет стоять и смотреть. А так и будет, потому что она заслужила.

Она остановилась. Автобус превратился в маленький желтый квадрат света, в котором метались силуэты.

В этом мире был только этот свет, да свет фонарных столбов. И больше ничего.

Потом она увидела силуэты. Они покинули автобус. Тьма стала текучей. От нее отделились и вышли, вылились на дорогу новые фигуры.

Алена обернулась, чтобы убежать, но тени оказались и позади нее.

Ну конечно, подумала она. Она ведь побежала назад. В сторону города. А там был тот проклятый склад. С детьми, ставшими монстрами.

Их так много, а ей не убежать.

От каждой из групп ее отделяла сотня шагов.

Алена стояла и смотрела как к ней приближаются тени с горящими глазами. А шелест становился все громче. Слева была речка. Справа лес. И она совсем не удивилась, когда услышала со стороны леса зловещее шуршание. Шелест ли-

стве.

Лучше утонуть, подумала Алена.

И когда она об этом подумала... Вот прямо, как только об этом подумала, когда тени стали совсем близко и растянулись, как растягивается время в самый страшный момент.

.. Когда все это случилось...

Засияло солнце.

Оно сияло прямо перед ней. И тени, как им и положено, легли на землю. Прижались к дороге, к грязной траве вдоль нее.

Алена зажмурилась от яркого света.

Она стояла так, возможно, целую минуту, а когда открыла глаза, увидела пса.

Сенбернара.

– Садись на меня, – сказал он, – нам надо спешить.

Глава шестая

Ночь и раннее утро четверга, 12 мая 1994 года

Низенький микроавтобус РАФ был того оттенка голубого, каким бывает небо над Челябинском в разгар перевыполнения плана.

Петр сидел за рулем. Рядом с ним Роман Михайлович, которым задумчивым взглядом – такой случается только у тех, кому уже восемнадцать, – смотрел в ночное небо.

Сидения позади него занимали представители молодежного отделения «Друзей отечества». А в самом конце микроавтобуса сидел Денис. Он был не одинок. Компанию ему составляла здоровенная картонная коробка с надписью Sony Trinitron 21'. Коробка была обмотана бело-сине-красным бантом с вензельной надписью: «Победителю!».

Микроавтобус мчал их по ночной дороге навстречу приключениям.

Денис был счастлив. Он возвращался в Н-ск и вез с собой подкрепление в виде отчаянных контрреволюционеров.

А тем временем в нескольких сотнях километров от него по лесу пробирался огромный сенбернар, на спине у которого лежала девочка.

– Нет, ты точно светился, – говорила девочка, – Я своими глазами видела.

– А вот и нет, – отвечал пес.

– А вот и да, – говорила она.

– Ты ошиблась. Это была галлюцинация, результат стресса. И вообще, когда я пришел, глаза у тебя были закрыты. Так что, откуда ты могла это знать?

– Хорошо. Тогда объясни мне, как ты смог разогнать толпу монстров?

– А вот это уже длинная история, и мне придется тебе ее рассказать.

И девочка стала слушать. Обняв пса за шею и зарывшись головой в его густую шерсть. Почти не думая о Ренате.

Пятница 29 апреля, 12 мая 1994 года

Окрестности Бетельгейзе

Во всех галактических каталогах эта звезда значилась красной. Но тут, вблизи, она была огромным белым шаром, закрывавшим почти половину неба. Вторую половину занимала огромная синяя планета, широченное кольцо которой разрезало это небо пополам, словно нож.

Отсюда, с маленького каменного планетоида никогда не было видно звезд. Однообразный пейзаж состоял из скалистых гор и глубоких трещин, тянувшихся на многие километры. Здесь никто никогда не бывал.

Разве что однажды – когда некто таинственный и неизвестный поставил Врата. Их огромное кольцо лежало на земле, практически вросшее в камень и такого же изжелта-красного цвета, как и весь ландшафт. Кольцо никогда не бы нашли, если бы внутри него не было бездны, полной сияющих звезд и галактик, – единственных звезд, которые видны с этой каменной глыбы.

Больше всего Врата походили на огромный колодец или круглый пруд, до краев наполненный ночным небом, так похожим на земное.

На языке людей нет букв для написания его имени. Так что назовем его Сенбернар.

Он сидел на краю Врат, свесив отростки в звездную бездну под ногами, и любовался пролетающими внизу кометами.

– Стражи задерживаются, – сказал он. – А что будет, если в их отсутствие придут шакхирианцы?

– Мы дадим им отпор, – ответил его собеседник. На языке людей нет букв для написания его имени. Так что назовем его Колли.

– Но как?! – спросил Сенбернар. – Мы уже давно тут сидим, но я еще не сияю.

– А вот я уже, – сказал Колли и протянул приятелю конечность. Там в глубине сиял маленький синий шарик. – Это протозвезда в двух тысячах световых лет отсюда. Я это чувствую.

– Но этого недостаточно! – воскликнул Сенбернар. – Когда придут шакхирианцы, этого света не хватит, чтобы защитить нас и Врата.

– Хватит, – уверенно сказал Колли. – Я чувствую, как звезда растет. А за ней появятся и другие. Дай только время.

Но времени у них не было. Очень скоро над Сенбернаром и Колли завис звездолет шакхирианцев.

Их еще называли «Пустыми». Потому что в их тьме никогда не появлялись и не могли появиться звезды. «Пустые» летали по космосу, воруя частички Врат. Высасывая их силу. Не было известно, зачем они это делают, но некоторые Врата после налета шакхирианцев гасли навсегда. Для того и нужны были Стражи, чтобы защитить Врата от инопланетян с угрожающе шипящим названием.

«Пустые» боялись Стражей – ведь те при желании могли сиять так же, как и сами Врата. А это очень больно, когда прямо перед тобой сияет не старое каменное сооружение, а кто-то живой и теплый. Хотя, может, ты просто завидуешь, и это причиняет тебе невыносимые страдания.

Колли первым увидел звездолет Пустых. Он вскочил и как запаправдашний Страж Врат выставил перед собой сияющую конечность с одной-единственной звездой.

Точный выстрел плазменной пушки превратил Колли в пепел. А Сенбернар едва успел втянуть свое тело в скафандр, прежде чем взрывная волна бросила его вниз, в звездный ко-

лодец, что был у него под ногами.

Ночь и раннее утро четверга, 12 мая 1994 года

– ...а потом мой скафандр чуть не треснул, когда я ударился об атмосферу твоей планеты.

Алена ничего не ответила.

– Ты там случайно не уснула, – спросил пес.

– Нет-нет, я слушаю, – сказала она. – Получается, это они за тобой гнались? Я-то думала, что это ты их преследовал на своем крутом звездолете.

– Ах, если бы...

– А еще ты, такой весь крутой, появился и говоришь: «Я – Страж Врат!».

– Я решил, что это классная идея: выскочить и сказать «Я – Страж Врат». Ну круто же. Разве нет?

– Слушай, если не секрет, сколько тебе лет?

– По вашим меркам... дай-ка я посчитаю, – пес задумался. – Ну примерно четырнадцать.

– Вау... На два года старше меня, получается.

Она вновь подумала о Ренате. О том, как он постоянно талдычил, что в их команде нет ни одного взрослого. И ей снова стало грустно.

Тем временем уже совсем недалеко от них мчался по дороге синий микроавтобус, прорезая фарами ночную тьму.

– О! – сказал Александр. – Смотрите.

Впереди по дороге шли люди. Вереница подростков направлялась к городу. С виду это были обычные Н-ские ребят, если не считать маленькой разницы. Их лица не выражали ничего, а глаза светились зеленым.

Но эту разницу члены молодежного отделения «Друзей отечества» заметили, только оказавшись в самой гуще толпы, не желавшей уступать им дорогу.

– Канальи! – в сердцах бросил Роман Михайлович.

Стаю сопровождал шелест.

РАФ замедлился и со скоростью человеческого шага поплелся среди толпы странных подростков.

Члены общества «Друзья отечества» смотрели в окна с ужасом. Никто не решался нарушить молчание. Черные силуэты двигались на фоне серого предрассветного неба, не обращая внимания на машину.

– Канальи, – вновь нарушил молчание Роман Михайлович. – Надо что-то делать.

– Дадим газу, раздавим парочку и пробьемся в город, – заметил один из ребят сзади.

– Это не наши методы, – сказал Петр. – Машина моя, и я решаю, давить мне людей, или нет.

– Это уже не люди, – заметили с задних сидений. – И мы сюда за тем и приехали, чтобы с ними бороться.

– Вспомните генерала Уздечкина. В девятнадцатом году, когда интервенты вторглись в Манчжурию, он приказал не

расстреливать пленных, потому что они все равно наши, православные. Их еще можно убедить, переделать, исправить. Вот и с этими то же самое. Где-то в глубине они все еще люди. Пацаны, такие же, как и мы. И вообще, как говорил в парижской эмиграции Мережковский...

– К черту Мережковского, – слышалось с задних сидений.

Это прозвучало так резко, что все посмотрели на Романа Михайловича. Как глава ячейки, он должен был сказать свое веское слово. Выбрать сторону.

Роман Михайлович закрутил левый ус так, что тот стал острым, как шпага католика, пронзающая гугенота.

Роман Михайлович повернулся.

– Господа, – сказал он, – вспомните «Охотников за привидениями». В Рипли вселился демон, и если бы Питер Венкман зажарил бы ее, мы бы остались без Рипли. Но он ее спас и изгнал демона. Петр прав, эти пацаны – такие же, как и мы. Смотрят Дисней, ходят на карате, собирают Турбы. Мы не имеем морального права их давить. Этого требует долг перед отечеством и Супоневым.

Солнце еще долго не всходило. Небо из серого становилось чуть голубым.

Микроавтобус медленно двигался в колонне чудовищ. А им становилось все страшнее и страшнее. И уж совсем невыносимо стало, когда автобус проехал мимо мужика с рюкзаком на спине и удочкой в руке.

Мужик провожал ребят в автобусе холодным взглядом глаз, из которых лился пустой зеленый свет.

– Два язя, пацаны, – сказал он, – двадохлых язя. Из них даже супа не сварить. Верно говорю, водила?

И вот тогда Петр готов был плюнуть на принципы и нажать на газ. И непременно так бы и сделал если бы на задних рядах кто-то не стал петь, почти шепотом. Голос его дрожал:

*Наверх, вы, товарищи, все по местам!
Последний парад наступа-а-ет!*

Другой голос подхватил песню, он делал паузы, чтобы не разрыдаться:

*Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не жела-ет!*

Так они и ехали еще пару часов до того момента, когда на горизонте показались первые бетонные пятиэтажки 30-го микрорайона. И в этот самый роковой момент у РАФа заглох двигатель, а все чудовища разом остановились и повернулись к микроавтобусу.

Глава седьмая

Сны о чем-то большем

Мама умерла в августе.

Они всей семьей ездили на операцию в Ленинград. Папа был веселый, стройный, красивый. Он носил бакенбарды, сам гладил свои рубашки и всегда брал с собой специальную тряпочку для чистки обуви.

Папа говорил, что все будет в порядке.

И Ленинград (который уже Петербург) был праздником. Величественный, с широченными улицами, старинными домами, вокзалом, где с купольного потолка смотрели на тебя огромные греческие боги.

Тогда казалось, что все у них получится. И потом, так сказал папа.

После операции маму должны были перевести в общую палату. Второй этаж центрального корпуса стационара. Розовые стены с замысловатым волнистым рисунком. Запах больницы смешивается с запахом вареного лука. Мало врачей в коридорах, но много гостей у пациентов. Алена приходила туда за день до операции и на следующий день после нее снова должна была прийти снова, чтобы увидеть маму. Но приходиться не пришлось. Хотя папа и мама, оба говорили,

что все будет хорошо.

Это был август. Два года назад. Она первое время злилась, говорила папе гадости. Чувствовала, что ее предали. А потом злость ушла и осталось только чувство вины. Оно росло как всепоглощающая черная дыра, а когда папа запил, к вине прибавился стыд, и эта парочка стала ее пожирать уже в две глотки.

Те, кто говорит, что люди не меняются, ничего не знают об алкоголиках. Сначала Алена потеряла мать, потом стала терять и отца. Сначала он перестал следить за собой. Исчезла тряпочка для обуви, потом чистые рубашки. А однажды он ее ударил, внезапно и непонятно за что. Он тогда смотрел телевизор ипил один. Потом стал что-то бубнить себе под нос, а когда она проходила мимо, взял и врезал.

Он наутро извинялся. А потом перестал извиняться.

Иногда она просыпалась и думала, какой жуткий сон ей приснился. Но ничего не было сном. И август не кончался, и она хотела, чтобы ее разбудили в сентябре.

За папу ей было стыдно. Когда приходили нормальные (а не папины) гости, вроде родственников с «Большой земли», она перед этим вылизывала квартиру и умоляла отца хотя бы на пару часов стать человеком. Она не водила домой друзей и держала папу подальше от школьных дел. Отец не ходил на собрания. И только однажды, когда он ненадолго выполз из алкогольного болота (чтобы перевести дух и вернуться обратно), она попросила его перевести ее в другую школу. Уди-

вительно, но он это сделал. Он собрал все документы очень быстро (может, чтобы скорее отвязаться от проблемы), поговорил с директорами, и вернулся в запой.

Она хотела, чтобы ее разбудили, когда закончится август.

Раннее утро четверга, 12 мая 1994 года (но это не точно)

Это было похоже на сон.

Квартира на Первомайской, шестой этаж, направо от лестницы, у лифта. Деревянная дверь с подтеками треснувшей белой краски, совсем ненадежная. Ее легко проломить одним ударом ноги. Но красть там нечего.

На последнем пролете первая ступенька сломана.

Три года назад, когда Крапиве было девять, а бабушка Люда только заболела, он заимел привычку перешагивать ту ступеньку с мысленной просьбой «Боженька, сделай так, чтобы она выздоровела, чтобы снова ходила, говорила». Этот ритуал не исчез и тогда, когда Крапива заимел репутацию бандита. Никому он о нем не говорил, даже маме.

Сегодня Крапива первый раз с тех пор, как бабушка слегла, не перепрыгнул через ту ступеньку, а проплыл сквозь нее. Потом воспарил над полом и проник сквозь деревянную дверь в собственную квартиру, впервые в жизни не коснувшись обмотанного изолентой звонка.

Крапива ни с чем не спутал бы запах собственного до-

ма, но в состоянии «привидения» почувствовал его скорее умом, чем носом. В голове Крапивы пахло борщом, пылью и книжной плесенью.

Он увидел маму. Он ее не сразу узнал, до того она выглядела старой. А может, это утренний свет из окна делал ее лицо таким серым.

Мама писала что-то на листе бумаги.

Он нагнулся над письмом.

Он читал несколько минут. Но в конце предложения уже не помнил его начало. И приходилось читать заново.

Мама писала о чем-то сложном, не поддающемся пониманию. Будто у них была одна и та же болезнь, как-то связанная с памятью и концентрацией. Однажды школьный психолог сказал, что у него дислексия. Вот как это называется. А теперь получалось, что она и у мамы. У них одна болезнь на двоих. Но дис-лек-си-я мамы какая-то другая. Она большая и страшная. Она все время хочет что-то запомнить.

Он заметил, что вся стена на кухне обклеена листками, они и на холодильнике. Это он полгода назад с друзьями приволок этот холодильник и сказал маме что «это теперь наше». Мама расстроилась. Ее сын вор, не важно украл ли он холодильник или деньги, на которые его купил. Но не стала говорить – мол, верни обратно. У них не было выхода. В холодильнике на дверце теперь лежали бабушкины лекарства. Деньги на них он тоже украл.

– С этим можно жить, – сказал тогда молодой психолог. – Трудности в чтении и концентрации – не болезнь, а особенность развития. Я так считаю. Просто знайте, что ваш ребенок особенный. Бунин вон писал с ошибками. Говорят, что и Сервантес.

После того что стало с бабушкой, мама решила, что и у ее «муравейчика» что-то не так с мозгами. Ее подзатыльники и крики, его плач и сопли. А он никак не мог ровно писать в прописи. Буквы сползали то вниз, то вверх, а мать кричала: «Строчки, ты что, строчек не видишь!».

Ренат еще раз проверил, закрыта ли дверь, отошел и сел на диван. Рядом лежал альбом со старыми фотографиями, некоторые выпали и валялись недалеко. На одной – Пятигорск. Ренат с дедом идет на охоту на зайца. Дед экономил патроны, и ему всегда хватало особой рогатки, в которую он заряжал наточенные гайки. На фото они пробираются сквозь кусты можжевельника. У Рената на шее ФЭД-5 в буром кожухе. Отличный был фотоаппарат, жалко только он его потерял двумя неделями позже на вокзале в Саратове по дороге домой. Вместе с пленками. Одна – «Свема 64», зато вторая – Кодак, с ценными кадрами, да еще цветными.

Другая фотография – они с Мирой на крыше ее дома под

Пятигорском. Там были такие звезды, каких не было в Н-ске. Здоровенные. Казалось, их можно потрогать руками. Мира была его «летним другом». В то лето 1992-го они сделали вместе телескоп из черного ватмана, проклеенного ПВА, а вместо линз использовали лупу и стекло от старых очков. Луна была огромной – впечатление портил только разноцветный ореол, что было связано с проблемой оптики. Венера (а может, и звезда Вега, или что-то другое, большое – они не были уверены) в ту ночь сияла особенно ярко. И вот на этом фото они сидят с Мирой на покатой крыше и настраивают штатив.

Следующее фото – Одесса. Август или сентябрь того же 1992 года. Папа кричит, чтобы Ренат поторапливался, все уже переоделись и идут к машине. А Ренат бредет к берегу, преодолевая сопротивление воды. Он смотрит на свои ноги под водой. Те выглядят кривыми, в пальцах застревает галька, все вокруг залито южным солнцем, а Ренат пытается запомнить этот день, берег, белый жигуль, ракушки, резкие отблески света на воде – чтобы унести с собой обратно на север, к бетону. На фотографии все то же – он идет к берегу.

Эти и другие снимки лежали рядом на диване.

Ни одного из них он не делал. И никто не делал.

Эти фото были лучшими днями его жизни и появились сами собой. Как и вся эта комната.

Алена видела самый обычный сон, сотканный из лоскутков нелепых событий – печальных или веселых. Группа «Нана» полным составом плыла по морю в дырявом тазу и пела голосом Боярского «Когдаа твой друг в кровиии. А ля геер ком а ля геер». Хи-мэн читал в классе Ахматову, а блаженная Людочка ему аплодировала. Ренат стоял на опушке леса, и его глаза, горевшие зеленым космическим светом, проводжали ее, Алену, лежащую на спине огромного сенбернара. И это тоже было сном.

На самом деле Ренат шел в сторону Н-ска в ряду с другими подростками из банды Тимура-малого. И как раз в тот момент, когда Алена видела про него сон, у РАФа заглох двигатель. Ренат и другие повернулись к машине, а в следующее мгновение из той выскочила орава подростков и с криками «За царя!» набросилась на Рената и прочих пришельцев.

А Алена спала. Она действительно лежала на спине сенбернара, и сны ее действительно были нелепыми.

Сенбернар шел через лес, и при этом тоже спал. Вернее, его сознание находилось в Межмирье. Он пришел туда, чтобы не дать Крапиве свалиться в пропасти безвременья и водовороты бессобытийния.

Глава восьмая

Двери

Утро четверга, 12 мая 1994 года

Скрипнула, открываясь, дверь старого микроавтобуса.

– За царя! – крикнул Александр и заехал в нос ближайшему пришельцу. У того из глаз полетели зеленые искры.

– За Супонева! – поддержал Петр и с разгону заехал головой в живот другому.

– Никакой драки! – заорал Роман Михайлович, – Наша задача – прорваться!

Пришельцы хватали «друзей отечества», не давали вырваться из толпы, не били, но и никак не реагировали на удары. Они не чувствовали боли.

В этой давке Денис оказывался то внизу, почти под ногами, то вверху, будто пловец, вынырнувший чтобы набрать в легкие воздуха. А в голове его голосом Людмилы Евстафьевны звучал Лермонтов, у которого «смешались в кучу кони, люди».

Дорогой его сердцу «Тринитрон» остался в машине.

Потом он столкнулся лицом к лицу с Романом Михайловичем, вернее, прижался носом к его бороде.

– Денис! – сказал он. – Выбирайся! Мы прикроем!

Потом Роман Михайлович напрягся и вынырнул над куцей.

– Гусары! Слушай мою команду! – взревел он. – Делаем коридор для Дениса. Все за мной!

И они пошли, расталкивая чудовищ и создавая тоннель на свободу одному из главгеров этой истории.

– За царя! – визжал один.

– За Супонева! – вопил другой.

– За человечество! – ревели остальные.

Когда Денис выскочил из общей свалки, над ней на миг возник маленький Петр. В свете восходящего солнца его лицо казалось особенно одухотворенным.

– Беги! – сказал он. – Мы прикроем!

В следующее мгновение на плечах у него повисло сразу двое пришельцев. Возник третий. Он казался громадным, черные пульсирующие змеи обвивали его тело.

Денис стоял как вкопанный, не в силах принять решение – бросить ли своих и бежать в лес, или вернуться в бой и нарушить приказ.

Пришелец повернулся к нему и Денис его узнал.

Это был Ренат.

А затем поток слизи вырвался из горла Рената и накрыл лицо Петра черной вуалью.

Другой, настоящий Ренат видел все это из окна комнаты.

Окно вело то в сад в их деревне, то в дедовский гараж, то в собственную спальню Рената в Н-ске, где свет становился тусклым, оранжевым, проникая в квартиру сквозь толстые занавески. Эти занавески мама привезла из Латвии. Там на облаках сидел милые кудрявые мальчишки: один читал книгу, другой танцевал, третий играл на арфе. Эта идиллическая картина встречала Рената каждое утро, с тех пор как ему исполнилось шесть. Ему нравилось валяться по выходным в кровати и придумывать истории про каждого из мальчишек. У каждого из них было имя, а их приключения были радостными.

Сейчас Ренат видел из окна и микроавтобус и дерущихся подростков. Вот Денис вылезает из-под груды тел – Ренат его сразу узнал.

Себя Ренат узнал не сразу.

– Нет-нет-нет! Я не хотел. Это не я.

Он стал лупить по стеклу, но оно не ломалось. Тогда он отскочил от окна и стал кружить по комнате.

– Нет-нет-нет!

Потом он сел на диван. Встал. Вернулся к окну, увидел, как Денис бежит прочь от свалки, и задернул шторы.

Ренат снова подошел к двери, проверил засов, посмотрел в глазок. По ту сторону были коридоры и комнаты домов, в которых он бывал. Он их не видел, просто знал, что они там. Школьный коридор с синими стенами вел вместо класса в бабушкину кухню. Лестница в секции авиамоделирования

оканчивалась балконом его квартиры на Дзержинского.

Ренат не знал, сколько времени прошло с тех пор, как он застрял в этой комнате. Но все, что находилось внутри и снаружи нее, было сшито из лоскутков его воспоминаний. Неряшливо и неуклюже. И в чреве этого монстра Франкенштейна бродило инопланетное чудовище.

И никого больше не было в этом мире, кроме них двоих.

Сенбернар пришел в Межмирье, чтобы не дать Крапиве свалиться в пропасти безвременья и водовороты бессобытийния.

– Я не знаю, где ты, но помни, что ты не один. Я буду всегда с тобой.

Ему ответила тугая застарелая боль. Такая боль бывает от давней раны, что напоминает о себе время от времени. Пес не знал, откуда такая рана может быть у двенадцатилетнего мальчика.

– Я не знаю, где ты, но ты должен оттуда убраться. Надо найти правильную дверь. Я уже говорил тебе об этом. Но не знаю, как она выглядит, потому что это твоя личная дверь. Только так ты выберешься оттуда.

Крапива, как и в предыдущие разы, не мог отвечать. Но пес знал, что он его слышит. На этот раз сенбернар почувствовал сопротивление, протест. Крапива не хотел уходить.

– Я знаю, что говорю. Эти двери, как те самые Врата, где я работал. Они соединяют миры, только в меньших масшта-

бах. Найди свою дверь, мальчик.

Натасканный научной и ненаучной фантастикой, Ренат давно догадался, что находится сейчас в собственной голове. Точнее, в крохотной камерке в недрах своего сознания. Он смутно помнил, как будучи еще там, в злосчастном автобусе, потерял контроль над телом, и как бежал потом по коридорам, пока не оказался тут. Как запер за собой засов.

Он знал, что существо где-то там, по ту сторону двери, бродит среди украденных воспоминаний. Ищет его. А возможно, уже знает, где он, затаилось и выжидает.

Сколько еще времени ему оставаться здесь? Сколько существо пробудет в его теле? Каких дел еще натворит? Первое время мысли лезли скопом, друг на друге, затем подошли по одной (да-да, как враги в фильмах с Ван Даммом) и мучили Рената поочередно. Но самой страшной была одна. А вдруг чудовище доберется до его мамы?

Нет, был еще один вопрос, куда более насущный. Как подать сигнал своим, что он еще тут, внутри? Может, они помогут вернуть его тело. Ненси непременно что-нибудь придумает, ведь она такая крутая. А еще с ними пес. За ним все знания вселенной, ну или, как минимум, этого рукава галактики.

Если он найдет способ вернуться, то защитит маму.

Ренат сел за свой письменный стол – не тот, за которым делал уроки, а тот, что был в его комнате в дедушкином до-

ме под Пятигорском. Стекло на нем треснуло пару лет назад, когда он уронил на стол печатную машинку. Ренат хорошо помнил эту трещину, и тут, в эклектичной каморке его памяти, трещина была все той же. И печатная машинка тоже тут.

Ренат любил этот стол. За столом в своей квартире в Нске он делал уроки. За другим, что был у деда, он писал роман, который никому не показывал. Роман был про мальчика чуть старше его, который, засыпая, каждую ночь переносился в другой мир, где был рыцарем вроде Хи-мэна, Конана или Джона Картера, спасая принцесс и сражая драконов.

Этот роман он писал в тетрадке на уроках, что были поскучнее, а на зимних и летних каникулах, приезжая в Пятигорск, перепечатывал на машинке.

Ренат мечтал стать писателем.

«Жизнь – это не кино», – сказал Крапива, когда они ходили на чемпионат по шашкам. Может, он прав, но, возможно, жизнь – это роман. Вот прилетели плохие пришельцы, а за ними хороший пришелец. И кучка детей без помощи взрослых пытается спасти мир.

Нет, определенно, жизнь – это роман. А раз так, решил Ренат, значит он – один из главных героев. Но не может же главный герой просто взять и сгинуть. Такое происходит только в скучной русской классике из школьной программы.

А если Ренат не может сгинуть, значит, где-то тут должен быть выход. Должна быть дверь или еще одна замочная сква-

жина во внешний мир, пусть и самая крохотная.

С этими мыслями Ренат стал обшаривать всю комнату. Часов тут не было, и он потратил много времени, но так и ничего не нашел.

А потом посмотрел на стол. Там стоял красный кнопочный телефон с маминой работы. Кто сказал, что замочная скважина должна быть буквальной?

Ренат схватил трубку телефона и услышал длинные гудки. Воображаемое сердце готово было вырваться из его воображаемой груди. Дрожащими от нетерпения руками он стал набирать свой домашний номер.

Трубку подняли.

– Мама, мамочка! – закричал он и стал плакать. – Мама, бери папу и беги из дома. Мама, я – это не я, это инопланетянин. Как в кино. Мамочка, слышишь?!

А потом он услышал голос. Незнакомый, мальчишеский голос. Хотя нет, знакомый. Он слышал его однажды, когда записывал себя на магнитофон.

И ни тогда, ни теперь этот голос ему не понравился.

– Он хочет поговорить с тобой, теплокровник. Он ищет тебя. Тут так много комнат, и некоторые заперты. Он хочет, чтобы ты не отсиживался как трус. Хочет, чтобы ты вышел и сразился.

– Н-нет.

Ренату всегда казалось, что его собственный голос вполне

нормальный, даже низкий, но услышав его однажды на собственной аудиокассете, Ренат поразился. Там говорил мальчик со звенящим, почти писклявым голосом. Такой голос не может быть ни у супергероя, ни у рыцаря, спасающего принцесс, ни у Коннора из клана Маклаудов. Только у второстепенного комического персонажа, которого убивают в самом начале ужастика.

Но сейчас в этом не было ничего комического. Собственный голос, которым завладело чудовище, внушал ужас. С ним говорил маленький садист, вроде куклы Чаки. Его речь звенела и пронзала голову, как пенопласт, трущийся о стекло.

– Они выходили, чтобы сразиться с ним. Они открывали двери там у себя. На боевом корабле в Туманности Ориона, на маленькой зеленой планетке у Сириуса, на шахтерском астероиде у Проциона. Они выходили, чтобы дать ему бой, и он их всех поглотил. И теперь они в нем плавают. Они все здесь плавают.

Ренат трясся от ужаса. Его сердце давно ушло бы в пятки, если бы уже не принадлежало чудовищу.

Чудовище замолчало, а потом спросило:

– Или ты струсил?

И в этот момент в Рената вселился Марти Макфлай.

– Никто не смеет называть меня трусом, – сказал он, повесил трубку и пошел к двери.

Он решил ее открыть.

Глава девятая

Около полудня четверга, 12 мая 1994 года

Денис прошел лесом километра четыре в направлении города, прежде чем спросил себя «А как поступил бы на моем месте Иисус?». Он понял, что Иисус никогда не бросил бы своих, даже если бы они приказали ему уходить.

Перед «Диснеем по воскресеньям» показывали «Слово пастыря». И Денис понял, что не сможет смотреть в глаза пастырю если случайно нарвется на него по телевизору. Он ведь бросил в беде хороших ребят.

Да, его ждут в Н-ске. Ренату, Ненси, Крапиве и Псу нужна помощь. А он не сможет им помочь, если будет бродить ночами по городу, светить зелеными глазами и шептать «Мозги! Мозги!».

Разум был не на стороне Иисуса. Он говорил, чтобы Денис как можно быстрее добрался до города. И хуже того – на стороне Иисуса был Ленин. Тот самый Ленин, который дарил детям конфеты и, сидя в тюрьме, писал молоком невидимый текст, используя в качестве чернильницы хлебный мякиш.

Внутренний Ленин говорил Денису, что из любой самой трудной ситуации всегда найдется выход. Просто не надо отчаиваться.

Хитрый весельчак Ленин, книжный ровесник Остапа Бендера, непременно нашел бы выход. Он бы вернулся и задал бы всем жару.

– Но ты не Иисус и не Ленин, – говорил себе Денис, хлюпая по кочкам, – Ты барыга. Ты покупаешь картинки с Доном Драконом Уилсоном за сто рублей и продаешь за двести. Ты сидишь на шее у рабочего класса и ничего не производишь. Ты – спекулянт.

Эти мысли не давали ему покоя. Сначала его шаг замедлился. Потом Денис остановился у ели, ощупал сторону, где у той был мох. Припомнил уроки из школы, где их учили определять направления на север и юг. Словом, искал повод, чтобы остановиться и пойти обратно.

Ботинки его промокли насквозь и продолжали хлюпать, даже когда он вышел на сухую тропинку. Эта тропинка вернула Дениса на дорогу.

В ста метрах на западе уже начинался город – тот самый тридцатый микрорайон, который обходили нормальные ребята, отличники, пионеры, филателисты и юные натуралисты. Немало выгодных сделок совершил Денис в том микрорайоне.

Он даже узнал серую четырехэтажку, первый этаж которой уже наполовину утонул в болоте. Все, кто имел возможность, давно уехали из этого места. Но сегодня оно казалось Денису совсем не зловещим.

Возможно, пару месяцев назад Денис уже стоял на этом

самом месте, выменивая картонки, вкладыши или лазерные указки.

Он мог пройти пару сотен метров, сесть на автобус и минут через пятнадцать уже быть дома.

Но забыть обо всем, вернуться к спекуляции, жить по-старому теперь не получится. Чудовища рано или поздно доберутся до него. И до всего Н-ска. И до всей Земли.

Денис повернулся и зашагал обратно к машине.

Синий РАФ стоял уже не посреди дороги, а на обочине. Видимо, кто-то его туда оттащил. От побоища не осталось и следа, не считая деревянной дубинки, которой орудовал Роман Михайлович.

Но ни самого Романа Михайловича, ни других «Друзей отечества» поблизости не было. Все сгнули.

Денис вновь воскресил в памяти тот зловещий момент, когда из горла его лучшего друга вырвалась черная слизь и накрыла коротышку Петра – их шофера и брата экс-чемпиона по шашкам.

– Это все мне за мои грехи, – сказал Денис, поднимая дубинку. – Если бы я не сжульничал тогда. Если бы не обманул всех этих людей. Если бы не получил этот телевизор бесчестным способом. Ибо сказано – каждому воздастся по делам его.

Он бросил взгляд на заднее сиденье. «Тринитрон» в своей картонной коробке лежал на месте. 21 дюйм. Плоский экран.

Само собой – пал-секам.

Денис взял дубинку наизготовку.

– Э-э-эй! – закричал он. – Я тут один! Выходите!

По дороге раскатилось эхо, которое быстро притушило его храбрость.

– Но только по одному, – добавил он. – И чур только спереди.

Ему ответило молчание.

Он позвал еще несколько раз, уже тише. И снова ему никто не ответил.

Денис подошел к «Тринитрону».

– Это все из-за тебя, – процедил он сквозь зубы. – Иску-ситель.

Потом его взгляд упал на место между сиденьями, где блеснуло что-то пестрое.

Это был скейтборд Петра.

Петр сейчас бродил среди монстров, освещая окрестности зеленым светом из глаз.

– Это знак, – решил Денис, когда к нему пришла идея. – И крест, который я должен нести. Это искупит мою вину хоть отчасти.

С этой мыслью он выволок из микроавтобуса телевизор. Затем достал скейтборд, снял рубашку, порвал на лоскуты и привязал ими «Тринитрон» к скейтборду. Получилась тележка с грузом.

– Я должен дотащить его до дома, – сказал он вслух. – Это будет моим покаянием.

Маленькая искра сомнения сказала было Денису, что он просто не хочет терять дорогое устройство, о котором так долго мечтал. Но огонек этот быстро потух.

На самом деле где-то в глубине души (очень глубоко) Денис хотел, чтобы в этом мире сплошной безнадеги у него осталась хоть какая-то радость.

А что радостнее «Тринитрона»? Того самого, который даже в собственной рекламе на «Горизонте» показывает лучше, чем сам «Горизонт».

– Поехали, – сказал он, махнул рукой и покатил свое соковище к Н-ску.

В этот момент Денис представлял себя мучеником, «бурлаком на Волге» из учебника по русскому (вон и река рядом). Но в душе его горел огонек радости, что хоть какая-то из его затей увенчалась успехом.

ТРЕВОЖНЫЕ НОВОСТИ «ДЕЛА ОБ ОГНЯХ»

Сегодня утром пришли сразу две тревожные новости, связанные с «Делом об огнях Усть-Нахимовки».

Во-первых, стало известно, что лесничий Иннокентий Вялинок, что живет у реки Малая-КамышА, пропал из соб-

ственного дома. Об этом нам сообщили его друзья. О похищении лесничего говорит тот факт, что на месте остались все его вещи и даже обувь. «Не мог же он босой уйти в такую погоду», – сказал нам коллега Вялинка.

Лесничий, по его словам, оставил в доме все книги из полного собрания сочинений Можяева и Шукишина. А во время охоты он непременно брал одну из них, чтобы развлечь себя в безбрежной тайге.

Во-вторых, с нами связался видный уральский уфолог Антон Мифогетов. Он начертил на карте все точки «близких контактов второй степени» (по классификации специалистов-уфологов), и из них следует, что точки «выхода инопланетных кораблей из подпространства», начиная с 1919 года, а затем в 1934-м, 1949-м, 1964-м и наконец в 1979-м, постепенно отдалялись от Усть-Нахимовки и приближались к Н-ску. А это большой город с почти трехсоттысячным населением, который имеет региональное и стратегическое значение.

Как итог, следующий выход НЛО должен последовать буквально со дня на день (если он уже не произошел) практически в пригороде Н-ска.

Мы продолжим следить за событиями и сообщим нашим читателям о новых фактах в самое ближайшее время.

Продолжение следует...

«Тайны Югры», 5 мая 1994 года

Уже рассвело, когда пес довез Алену до дома ее бабушки. Вернее, Алена проснулась чуть раньше, и к бабушкиному «вагончику» пришла уже своими ногами. Когда-то она сама жила здесь, где чуть поодаль от трассы стояли вереницы вагонов. Тут обитали те, кто строил Н-ск. Почти все они давно перебрались в город, осталась только Нинасита.

Алена называла ее так из-за сериала «Богатые тоже плачут». Эстерсита, племянница донны Елены, мечтала выйти замуж за своего двоюродного брата. Все бабушкины соседки ненавидели Эстерситу, а одна даже пошла к гадалке и наложила на Эстерситу порчу, чтобы та не отбила Луиса Альберто у Марианы. Бабушка считала Мариану дурой и из чувства бунтарства болела за решительную Эстерситу, которая точно знала, что ей от жизни нужно.

– Нинасита, Нинасита! – закричала было Алена, стуча по металлической двери.

Ненси решила, что не будет плакать. И рассказывать бабушке тоже ничего не будет. У нее и так полно переживаний и слабое сердце. Она даже потренировала приветственную улыбку.

Вот послышался знакомый звук внутренней двери. Это бабушка выходит в тамбур. Вот шарканье знакомых калош.

Не плакать! Только не плакать! Ты сильная. Ты «Агату

Кристи» слушаешь.

Бабушка открыла дверь.

И Алена заплакала.

– Отличный костюмчик, – говорит Джулия. – И он станет еще лучше, если ты опрокинешь на него кофе.

Мейсон улыбается, они садятся за столик, а потом Джулия начинает полоскать его отца – Си-Си Кэпвелла.

Алена пила чай, ела бутерброд с клюквенным вареньем, и ей было почти хорошо. Часы на стене показывали около одиннадцати. А по РТР шла «Санта-Барбара». Где-то не было ни страшных пришельцев, ни училки-оборотня. А только старый добрый мир и 317-я серия «Санта-Барбары».

Мир все еще не рухнул, и его сюжет тянулся без происшествий и драм в уютных квартирах всех тех, кто еще не знал о пришельцах.

Придумывать ничего не пришлось. Бабушка сама решила, что у нее случилось.

– Сейчас-сейчас, я ему устрою, – сказала она, сев к телефону. – Алкаш, эксплуататор.

Она позвонила к отцу и долго с ним ругалась. Алена не слушала, о чем они говорили. Она была вся погружена в сериал.

– Этот Крэнстон – угроза для Иден, а она – все, что есть в моей жизни, – говорил Круз Кастильо.

Алена не помнила, кто такой Крэнстон. Но это было как-

то связано с перевозкой контрабандного оружия.

«Мне бы их проблемы», – думала Алена.

Бабушка повесила трубку и села к ней за стол. Она взяла из руки внучки бутерброд, отложила в сторону и, чуть отстранясь, схватила за плечи.

– Ну вот что, милая, с сегодняшнего дня будешь жить у меня. Как в старые добрые времена.

– Нинасита, а как же школа? – засомневалась Алена.

– Ничего с твоей школой не случится. Будешь ехать отсюда. Я вот, когда в Ленинграде училась, сорок минут до института добиралась: сначала на метро, потом на трамвае.

– А учебники, а мои вещи? Мне домой надо за вещами.

– Ты к отцу больше не вернешься. Тебе вообще туда ходить больше нельзя. Опасно.

«Что ты знаешь об опасности», – подумала про себя Алена, но потом вспомнила, что бабушка во время войны была наводчицей в ПВО.

– Я Крючкиных попрошу, чтобы зашли за твоими вещами, – продолжила бабушка. – Они все еще тут живут. Маринка на год старше тебя, будете вместе в школу ездить. Ты же помнишь Маринку?

Алена кивнула.

Потом она начала обдумывать, что делать дальше. В город все равно надо съездить. Там Денис. Он скоро вернется, и ему надо рассказать про Рената. Хотя нет. Лучше названи-

вать его родителям. Раз в час, или нет, раз в полчаса.

– Ой, а это кто? – удивилась бабушка, выглянув в окно. Алена не сразу поняла, что это она говорит о Навигаторе. – С тобой, что ли?

– Со мной, Нинасита. – Взгляд бабушки стал немного растерянным, она что-то хотела сказать, но не могла. – Его не надо кормить. Он сам кормится. Точнее, у него хозяин есть, Денис из соседнего класса. Вот я сегодня в город поеду вечером и верну собаку. А пока он пусть снаружи посидит, вот так.

– Зачем снаружи, пусть в тамбуре побудет. Гость все-таки. Сейчас...

– Не надо, я сама.

Она сидела на табуретке в бабушкином тамбуре и обнимала Пса. Она так устала, что не могла ни сердиться, ни бояться.

– Расскажи про «Королеву звезд», – прошептала она.

– Что за королева? А да, – спохватился Навигатор, – так вот. В космосе, налево от Альдебарана есть маленькая планетка. Там восемь тысяч лет назад была война, и местный белковый вид истребил себя. И по всей планете бродил только одинокий сумасшедший робот. Этот псих выстрелил в Юни-217, и у того растворились и вытекли из-под ногтей все кости. Мне пришлось тащить его до «Королевы звезд» на своем горбу. И ты даже не представляешь, сколько может ве-

силь денебец.

– А кто такой этот Юни-217?

– Это наш фельдшер.

– А денебцы?

– О, это очень интересная раса. Причуда природы позволила им знать дату собственной смерти, исключая смерть внезапную. Представляешь, – сказал Пес, – ты только родилась, а уже всем телом ощущаешь время, когда умрешь. Поэтому возраст денебцев считается в обратном направлении. На торте в день рождения у них фиксированное число свечек. А именинник, при траурном молчании одетых в черное гостей, торжественно задувает очередную свечу и потом принимает соболезнования.

Пес улыбнулся как умеют улыбаться только самые добрые сенбернары. Но слова о смерти вернули Алену в реальность. Навигатор не сразу сообразил, что наговорил лишнего.

– Как ты думаешь, Ренат все еще существует? Там внутри... где-то в уголке мозга, я не знаю.

– Конечно, существует, – ответил Навигатор. – Но как его спасти, я пока не придумал. Это знают только Стражи Врат, – он вздохнул. – Вот если бы здесь был весь экипаж «Королевы звезд»: капитан Черный гребень, штурман Светло-Лиловый, фельдшер Юни-217. А я всего лишь Навигатор.

Глава десятая

Неопределенное время четверга, 12 мая 1994 года

– Никто не смеет называть меня трусом, – сказал Ренат, повесил трубку и пошел к двери.

Но хватило его ненадолго. Разум возобладал. Да и вообще, если вспомнить, Марти вечно вляпывался в неприятности именно тогда, когда кто-то называл его трусом. Все это было во второй части фильма «Назад в будущее».

– Нет, – решил Ренат, – я не поддамся на провокацию. Он чего-то от меня хочет. А еще он не знает, где я.

Звук за дверью заставил его прильнуть к стене и затаиться. Это был шелест, словно дворник выметал из подъезда залетевшие листья.

Потом он услышал голос. Он был таким громким, словно существо прильнуло к замочной скважине.

– Он хочет поговорить с тобой, теплокровник. У него к тебе вопросы. Он ищет тебя. Выйди и сразись. Он все равно найдет тебя, когда будет готов. Можешь тешиться мыслью, будто запертая дверь его остановит, но ты ошибаешься.

У Рената душа ушла в пятки. Мысли панически кружились в его голове и ударялись друг о друга. Что он ищет? Это, наверное, что-то важное. Поэтому он хочет до меня добрать-

ся. А как там мама? А если он найдет маму? А папа сможет ее защитить? А он уже знает мой адрес? А может, он ищет как раз дорогу до моего дома? А как бы поступил Марти?

Шелест стал удаляться. Потом вернулся снова.

Он говорил о других закрытых комнатах. Значит, не знает, что я именно здесь.

Несмотря на весь ужас, Ренат понимал, вернее, чувствовал, что чудовище не сможет сюда пройти. Если ты уж что-то запер на своем чердаке, то и открыть его сможешь только ты.

Логично.

Ренат попытался думать о хорошем. Например, о том, что он отличник. И что однажды уже перехитрил монстра тем, что выжил. А значит, сможет перехитрить снова. И вообще, это его голова. А на своем поле даже стены помогают.

Шелест давно пропал, а Ренат все стоял, вжавшись в стену. И так бы простоял целую вечность, если бы вдруг не услышал странный звук в своей комнате. В убежище.

Чик. Чик. Тяп. Что-то постукивало. Будто гномик бил маленьким молоточком по паркету.

Ренат не сразу узнал этот звук.

Это была его собственная печатная машинка.

Чик. Тяп. Чик.

Машинка стояла на его письменном столе. Из нее торчал лист желтой бумаги. Да, конечно, та самая бумага, на которой он печатал свой Великий Роман про воинов, принцесс и

драконов. Бумага чуть подрагивала каждый раз, когда по ней бил молоточек. Он бил медленно, словно тот, кто набирал текст, только что познакомился с человеческим алфавитом.

Чик. Тяп.

Надо подойти. Машинка не может меня сожрать. Если бы эта тварь смогла проникнуть сюда, то давно бы это сделала.

Он заставил себя отойти от стены. Медленно двинулся к окну и задернул шторы. Окно в тот момент «показывало» сад в старом родном Пятигорске.

В комнате стало темнее. Зато если тварь снова придет и будет пялиться в замочную скважину, то ничего не увидит.

Когда Ренат добрался до письменного стола, печатавший уже закончил предложение.

«Сдесь есть кто ни будь».

– Крапива! – догадался Ренат.

Пес снова говорил с ним. И снова твердил про поиск двери.

Но какие, к черту, двери, когда тут рядом убитая горем мама, а ее даже не обнять?! И бабушка лежит в спальне и зовет Тарасика. Тарасик – это их пес. Он давно умер, а бабушка зовет его, словно тот еще живой.

И бабушку тоже не обнять.

Пес говорил, что двери – это те же Врата, только помельче. «Логично», – сказал бы Ренат. Но только где их отыскать?

Вот Ренат умный, он бы сразу нашел.

Пес не слышал Крапиву, но чувствовал его боль. Когда пес приходил, Крапива чувствовал себя лучше. Да и в комнате будто становилось светлее.

– Мама, мне сказали, что я подкидыш, – сказал он однажды, когда она вела его из садика. – Воспитательница говорит, что Крапивой называли детей, которых подбросили в крапиву.

– Это ты ее не так понял. Ты не подкидыш. И потом, у меня тоже фамилия «Крапива». И у бабушки.

– И у прабабушки.

– Да.

– И у пра-пра-пра...

– Да-да-да.

Он еще потом не раз чувствовал себя подкидышем. Мама была умницей, читала книги, переводила. Брала работу на дом и вечерами щелкала печатной машинкой, набирая текст. А он сам двух слов связать не мог без ошибок.

Крапива подошел к маминой печатной машинке. Буквы были затерты, особенно «о» и «т». Это были следы маминых рук.

Он опустил указательный палец на букву «о».

Чик.

Что-то было не так. Он не сразу понял что. Вот Ренат бы сразу сообразил.

Рука Крапивы проходила сквозь стол, стены, двери. Он не

мог ни к чему прикоснуться. Кроме этой вот клавиши. Хотя уже как-то научился плыть по воздуху в нужном направлении.

Чик. Тяп.

«Сдесь есть кто ни быть».

Ответ пришел быстро:

«Крапива!». И целая куча восклицательных знаков.

Глава одиннадцатая

Полдень четверга, 12 мая 1994 года

– Ты собака! Ты просто собака! – прошептала Алена псу. –

Если узнают, что ты можешь говорить, тут такое начнется.

– Попугаи тоже могут. А я еще могу кусаться. Давай его укушу.

– Только в самом крайнем случае.

Алена забежала в комнату:

– Нинасита! Папа пришел.

– Окаянный! – сказала бабушка, схватила кочергу и пошла к тамбуру. Потом обернулась. – А ты стой ближе к телефону. Если начнет буянить, вызовем милицию. И окно открой, чтобы Крючкины слышали.

Бабушка вышла. Стала надевать калоши. Потом открыла дверь.

Алена услышала, как зарычал пес.

Отец ввалился в комнату прямо в сапогах. Он был с похмелья, небритый и больше всего походил на медведя шатуна.

– Стерва! Со шпаной связалась! Дома не ночуешь!

Потом он произнес еще несколько слов, совсем нехоро-

ших.

Алена уже его не боялась, она видела вещи и похуже. Например, как пришельцы забрали Рената.

Бабушка встала между ними.

– Это почему не дома? – сказала она. – Дома она ночевала, вот на этой самой кровати. А ты давай сам домой иди.

Отец смотрел на Алену, и взгляд у него был такой, словно вот-вот прошьет ее насквозь. А она, Алена, стала вдруг Ненси, и прямо при отце. Впервые в жизни. Он это почувствовал и разозлился еще больше.

– Что ты ей наговорила? – сказал он бабушке.

– Ты сам все наговорил, – ответила Нинасита.

С экрана на них осуждающе смотрел Мейсон Кэпвелл.

А потом все случилось очень быстро. Отец отобрал у бабушки кочергу, толкнул Нинаситу в сторону и пошел на дочь. Он замахнулся, но тут за руку его схватил пес, крича: «Нельзя так обращаться с детьми!».

Отец отшатнулся. Вежливые слова пса его почему-то напугали.

А потом ему что-то с силой врезалось в спину, да так что он выронил кочергу, и та покатила по полу.

Это был Ренат.

Алена бросилась ему на шею. Она хотела сказать, как рада

его видеть, живого и здорового, но вовремя спохватилась, вспомнив о бабушке. Та не должна ничего знать.

– Бабушка не в курсе про пришельцев, молчи, – прошептала она в ухо Ренату.

Ренат кивнул и отстранился.

– Еще ничего не кончено! – крикнул отец, но напоролся на взгляд Рената, как танк «Тигр» на противотанковый еж.

Отец осмотрелся. Пес рычал. Ненси глядела на него как на врага. А с левого фланга подкрадывалась бабушка с кочергой в руке.

– Ничего не кончено! – повторил он. – Я вернусь!

Отец Алены вышел из комнаты, затем из тамбура и из прихожей, и зашагал прочь от дома таким решительным шагом словно был главным героем, идущим на подвиг.

Алена повернулась к Ренату и улыбнулась.

– Кажется, мы победили, – сказала она. – На этот раз.

– Вроде бы да, – ответил Ренат и пожал плечами, и Алена вновь его обняла.

Садясь в автобус номер 3, Денис строго-настрого наказал себе никому не верить. Любой из тех, кто рядом, может оказаться злобным пришельцем.

Вот, например, сидит мужчина, читает последний детектив «Рябой против перекошенного». Но разве можно в тря-

сущемся автобусе читать? Нет. Значит, притворяется, а на самом деле следит за Денисом. Или вот тетка с двумя баулами. Ну кто, скажите мне, днем поедет в город с тяжелым грузом? Если она на рынок, то надо бы рано утром. Ведь если товар возить днем, так, поди, все лучшие места на толкучке уже заняты. Тоже подозрительно.

Денис подозревал и мужика, который помог ему внести в автобус огромный телевизор. И тем более водителя автобуса, который прикрикнул на него – мол, это вам не грузовик.

Когда автобус остановился у «Авроры», Денис выволок из него свой Тринитрон, положил на скейтборд и повез домой. Тут было совсем рядом, вон из-за деревьев торчит макушка его девятиэтажки.

По дороге встретила парочка знакомых ребят. Спросили, как прошел чемпионат по шашкам. Денис соврал, что плохо, мол, вылетел почти на финишной прямой, проиграл по-дурацки, упустив хорошую комбинацию. А так, непременно выиграл бы «Тринитрон», как пить дать.

– А это тогда что? – спросил пацан, указав на коробку с телевизором.

– Это тоже «Тринитрон», но я его сам себе купил, как компенсацию морального ущерба.

Денис знал, что этот мир не любит умников. Тут давеча побили победителя передачи «Звездный час», мол, что он себе удумал, взял и выиграл. Самый умный, что ли?

Но этот мир любил предприимчивых. Вроде Дениса.

Ребята помогли дотащить телевизор до двери, и он расплатился с ними наклейками с Джекки Чаном.

Мама открыла дверь и посмотрела на Дениса тревожным взглядом.

– Что случилось? На тебя напали? Почему ты в одной футболке? Где рубашка? Где свитер?

Остатки рубашки висели на Тринитроне, а свитер он забыл еще в Тюмени.

Денис представил как, наверно, ужасно выглядит его лицо. Он не спал всю ночь, шел несколько часов через тайгу и еще видел, как его лучший друг сожрал «Друзей отечества». Слишком поздно он сообразил, что надо бы привести себя в порядок, прежде чем явиться домой.

– Все в порядке, мам, – сказал он, и посмотрел в зеркало, что висело в коридоре за ее плечом. Его лицо выглядело осунувшимся, он словно сбросил десяток-другой килограммов. Но, с другой стороны, он казался чуть старше, что на самом деле не так уж и плохо. – Просто ехал всю ночь из Тюмени автобусом и устал. Так трясло, что невозможно уснуть.

– Понятно, – вздохнула мама.

– И еще вот. – Он отошел в сторону, указывая на коробку с телевизором.

Обеспокоенность матери вмиг улетучилась.

– Победил! – чуть не вскрикнула мама. – Дениска чемпи-

он!

Она обняла его и, оторвав от пола, внесла в квартиру. Потом сама затащила телевизор. Папа был на работе, а так он ее бы успокоил. Она усадила Дениса завтракать. Налила чаю и положила перед ним охапку маленьких сникерсов, которые вообще-то держала для чьего-нибудь дня рождения.

Дома было так тепло. Денис ел бутерброды, пил чай, жевал сникерсы и клевал носом. Его разморило. Часы на стене показывали без четверти час, когда он встал из-за стола и пошел в спальню.

«Пришельцы ничего не успеют сделать, если я вздремну часок другой», – решил он. Мама сама сняла с него футболку, брюки, носки. Совсем как в старые времена, когда он еще ходил в садик.

Денис уснул и уже сквозь сон слышал, как мама рассказывает Хабидулиным, что у них теперь Тринитрон.

И только уже во сне к нему пришла мысль, что родители могут быть уже пришельцами. Но Денис слишком устал, чтобы бороться.

– Крапива! – вскрикнул Ренат и стал бегать по комнате.

Он вернулся к машинке, постарался унять дрожь в руках, успокоился и набрал текст.

«Где ты?»

«Ни знаю», – ответил Крапива. Он набирал текст дьявольски медленно, по одной отдельной букве раз в несколько секунд, и забывая ставить пробелы.

«Пес сказал, что ты в каком-то Межмирье. Ты еще там? Можешь оттуда выбраться?»

Крапива долго не отвечал, так что Ренат стал нервничать.

«Ты там?»

«Падажди», – ответил Крапива и стал медленно набирать текст. – «Да я где то там. И я ни знаю как выбератся. Я дома у мамы. Как в фильме Преведение».

Ренат быстро уловил аналогию.

«Я понял. Я тоже непонятно где. Я сейчас тебе объясню».

«Эта ни важно. Слушай и ни пирибивай».

Потом Крапива набрал текст подлиннее. Это заняло уйму времени. Крапива писал, потом останавливался, потом снова писал.

«Мне нужна твоя помощ. Не перебивай. Я плохо умею писать и читать. Мама тут всю квартиру обклеила письмами. Кажиться там что то важное. Происходит что то страшное. Когда я пытаюс читать я не понимаю что написано. Читаю второе предложение и забываю первое. Это такая боелзнь. Я тебе сейчас напишу сюда что мама написала а ты мне напиши обратно прастыми словами. Харашо?»

«Да».

Сегодня среда, 25 мая. Ты забыла вчерашний день, и ты

забываешь каждый новый день, только тебе стоит уснуть. Муравейчик пропал две недели назад, во вторник, 10 мая.

Милиция встала, и теперь идти к ним нет смысла, как и звонить. Во всех участках пустота и безысходность.

Ты уже обклеила объявлениями о Муравейчике все дворы. Но там много таких объявлений. Много детей пропало. Ты ходила в школу, там занятий больше нет.

Позавчера в подьезде встретила людей с зелеными повязками на рукавах. Вид у них был такой, будто они эсэсовцы – мрачные, взгляды тяжелые. И глаза у них немного светятся, или мне это только показалось. Они стучались к Зиминым и к Евдокимовым. Кажется, они обыскивают квартиры, и до нас еще не добрались. Только не знаю, что они ищут. В одном из предыдущих (ежедневных) писем самой себе я предположила, что им нужны наши записи, они хотят, чтобы мы все забыли и отчаялись.

Я выяснила, что телефон, телевизор и радио отключились утром 13 мая.

Вчера я вышла в лес его искать. Ничего не нашла. И только когда ночью возвращалась в город, заметила тонкий столб прожектора, поднимающийся из города в самое небо. Когда уже вернулась в Н-ск, свет домов не дал разглядеть, откуда идет этот луч.

Аптеки разбиты. Лекарства кончаются. Не знаю, как быть с мамой. Я теперь как она. Весь город теперь как она. Скоро и я буду звать Тарасика.

Крапива набирал этот текст целую вечность. Буква за буквой.

Ренат не мог понять, как человек может писать что-то, но не понимать написанное. Он, как и вся школа, знал, что Крапива – чокнутый. Но не знал, что до такой степени.

Вот же текст. Его так легко прочитать меньше чем за минуту. Да, прочитать и ужаснуться.

Сам Ренат понял все. А главное – дату. 13 мая. А сегодня, стало быть, уже двадцать пятое. Он и не думал, что провел в собственной голове так много времени. Пришельцы уже захватили Землю. А значит, как говорила его летняя подруга, можно «поднять лапки и тихо ползти в сторону кладбища». Все кончено.

«Что там?» – написал Крапива.

Ренат ему не ответил. Он слышал, как щелкают за его спиной клавиши. Он стоял у окна и смотрел на цветущий сад. Там было хорошо.

Он думал о том, как доживет остаток дней, прячась в собственной голове. Как то же самое сделают миллионы и миллиарды других людей. Джеки Чан, Рутгер Хауэр, Майкл Дудиков и даже папа, который круче их всех, вместе взятых, но не сдюжит против пришельцев.

«Итак, – подумал Ренат, – пришельцы стирают из воспо-

минаний людей каждый предыдущий день. Вот это и есть их оружие, о котором говорил Навигатор. Не надо вселяться во всех, ведь кто-то должен остаться, чтобы на тебя работать. А люди, которые ничего не помнят, беззащитны, и ими легко управлять».

И тут, как вишенка на торте безысходности, сменилось изображение в окне. Вместо сада Ренат увидел, как другой – второй и совсем не хороший – Ренат обнимает Алену.

Глава двенадцатая

Никакой он не хороший

(полдень четверга, 12 мая 1994 года)

Лже-Ренат и Алена сидели в бабушкином тамбуре и пили компот из голубики с яблоками. Рядом спал пес.

– Пока я ночью спала, он меня сюда вез, устал, бедняга, – говорила Алена. – И еще я немного вздремнула в кресле. Так что и тебе надо.

– Мне окей, – сказал пришелец. – Мне другое интересно, какой у нас теперь план?

– Ну, – Алена пожала плечами, – Раз ограбление сорвалось, значит нужно что-то новое.

– Например?

– Это тебе виднее, ты у нас мозг всей операции.

– С чего ты взяла?

– Денис только завтра вернется, Крапива плавает где-то в астрале. Остаемся мы. На роль предводителя я не подхожу, потому что девочек еще никогда не выбирали главными. Ну, не считая Рипли.

Он смотрел на нее большими доверчивыми глазами, как самый заправдашний Ренат. А Алена все рассказывала, не замечая мелких странностей в его поведении. Может быть,

Крапива на ее месте что-то бы заподозрил и разоблачил пришельца. А она так обрадовалась, что Ренат живой и здоровый, что пропустила мимо ушей, когда он дважды назвал себя «Он». «Он хочет принести тебе компота», «он считает, что Круз круче Мейсона».

Все это прошло мимо Алены. Ей уже начало казаться, что они со всем справятся. Вот Денис скоро вернется, а за ним и Крапива. И вместе они победят пришельцев, как только что победили папу – она, бабушка, Ренат и пес. И будет она жить теперь тут, с бабушкой.

А пока время еще есть, до выходных еще вон сколько.

– И у нас в команде больше никого нет? – спросил пришелец как бы между прочим.

– Никого, – подтвердила Алена, – Насколько я знаю. А хотя нет... ты сам мне говорил, что Крапива ходил к кому-то, перед тем как пропасть. Вспомни.

– Я ничего не помню, – ответил пришелец.

Другой, настоящий Ренат видел все это, но ничего не мог поделать. К этому времени он уже устал бояться и отчаиваться. Запертый в комнате на чердаке собственного сознания, он чувствовал, как становится мудрее и осторожнее.

«Да я просто Штирлиц», – подумал о себе Ренат. В его голове больше не было никакой каши. Он вслушивался в разговор пришельца с Аленой и стал понимать, что еще не все потеряно. Сегодня всего лишь следующий день после

неудавшегося ограбления. И он ни капли не удивился, когда вернулся к печатной машинке и прочитал последние слова Крапивы: «я вижу будущее».

Итак, будущее у человечества страшное. Можно «поднять лапки и тихо ползти в сторону кладбища», а можно успокоиться, потому что мы теперь знаем об этом будущем. А кто предупрежден, тот вооружен.

Навигатор интересовался, какое такое страшное оружие построили пришельцы. Теперь мы знаем, что это. Надо рассказать Крапиве, а тот найдет способ связаться с Псом.

А еще дела у пришельцев идут, видать, не так хорошо, раз этот пришел к Алене, спас ее, а теперь пытается выведать у нее имена сообщников.

«Они нас боятся», – написал Ренат.

«Эта хорошо, – ответил Крапива. – Люблю когда меня боятся».

Потом Ренат рассказал Крапиве, что на самом деле искал в его сознании пришелец. Почему он так стремился выманить Рената из комнаты. Это была важная информация о сообщнике. У них был еще кто-то в их отряде, кто-то очень важный. Ренат не помнил, о ком идет речь, а значит, это знание все еще хранится где-то там, по ту сторону двери.

«Я тоже ничего ни помню, – сказал Крапива. – Только я ты Дэн Алена и этот бесполезный пес».

Рената раздражала манера Крапивы рубить правду с плеча. Вот сейчас он скажет очевидное: что Ренат должен от-

крыть дверь и найти первым то, что ищет пришелец.

«Послушай, – написал Крапива. – Тебе придется открыть дверь и найти первым то что ищет прилешец».

«Тебе легко говорить».

«Это наш последний шанс».

Тем временем по другую сторону окна лже-Ренат звонил Денису. Сначала долго линия была занята, потом мама Дениса взяла трубку.

– Кларочка, – пропела она радостно.

– Это Ренат, – сказал пришелец. – Дэна можно?

– Сейчас, – сказала мама. – Только ты его не очень мучай, он устал с дороги и от интеллектуальной нагрузки.

– Я не буду его мучить, – соврал пришелец.

Был уже час дня, бабушка с Аленой смотрели «Америку с Михаилом Таратутой». Вернее, смотрела бабушка, а Алена сидела в кресле и то засыпала, то просыпалась.

Лже-Ренат тем временем пошел с телефоном в тамбур, «чтобы вам не мешать», и старался говорить как можно тише.

– Я думал, ты – пришелец, – недоверчиво произнес Денис.

– А я думал, ты – придурок.

– Послушай, у меня была трудная ночь. Я видел, как ты сожрал одного из пацанов, с которыми я сюда добирался. Так что, «какие ваши доказательства?».

- Эта фраза из фильма «Красная жара».
- Какой самый крутой фильм с Джекки Чаном?
- «Доспехи бога».
- Лучшая часть «Американского ниндзя»?
- Конечно, вторая.
- У Дона Дракона Уилсона...
- ...треугольное лицо.
- На какой скорости «Делориан»...
- 88 миль в час.

Денис помолчал немного.

– Послушай, не то что я тебе не верю. Но вспомни, училка нам толкала про Онегина, когда уже была пришельцем. Так что есть вероятность, что ты мне сегодня ночью не почудился. Ты бы на моем месте тоже был бы недоверчивым.

– Хорошо, – сказал пришелец. – Я сейчас с Аленой, и мы у ее бабушки.

Потом он пересказал все, что случилось тут, о конфликте с ее отцом, о том, что Алена решила остаться жить у бабушки. Но, конечно, не стал говорить об их ночной вылазке на склад, которая оказалась ловушкой.

– Вот, смотри, – сказал пришелец и выглянул с телефоном в комнату.

Он зажал микрофон трубки рукой и позвал Алену:

– Это моя мама, беспокоится, как мы там. Скажи, что у нас все в порядке.

– У нас все в порядке, – ответила Алена, не поднимаясь

с кресла и не оборачиваясь.

Потом пришелец повернулся к псу, который лежал рядом с креслом.

– И ты скажи, что у нас все в порядке.

Навигатор бросил взгляд на бабушку и увидел, что та уснула. Полчаса назад они с таким трудом убедили ее, что вопли пса про «нельзя так обращаться с детьми» ей только слышались (с кем не бывает, на нервной-то почве). А самому Навигатору пришлось изображать из себя милого песика, который хоть и смысленый, но говорить не умеет.

– А я зачем? – спросил Навигатор, поглядывая на Нина-ситу.

– Я сказал, что мы у Егора, мама его голоса все равно не знает. Сыграешь Егора.

– У меня тоже все отлично, – громко прорычал пес.

Лже-Ренат вернулся в тамбур.

– Ну, – сказал он Денису, – ты сам все слышал.

– Страж Врат с вами? Ну вот это аргумент, – обрадовался Денис. – С этого бы и начал. Пес не позволил бы тебе сожрать Алену. В смысле, не тебе, а пришельцу.

– Да, я как-то о нем забыл, – сказал пришелец. – Ты лучше вот что скажи. Какой теперь план?

– Да я почему знаю. Надо обсудить. Мы вроде договаривались, что вырубим им свет на концерте. А еще можно позвонить в милицию и сказать, что в здании бомба. Тоже может сработать. Хотя могут и послать.

– Мне еще вот что надо знать, – сказал пришелец. – У нас прям точно-точно никого больше нет, кроме меня, тебя, Алены и Рената, который непонятно где?

– Ренат – это ты.

– А, ну да. Я про Крапиву. Так вот, у нас точно никого нет?

– Опять ты начал? Ну кто из взрослых нам поверит? Нет у нас никого. А Габдула ты сам видел, бравый контактер-каратист струсил.

Пришелец ненадолго задумался. В дверной проем он видел комнату, там бабушку, Алену, пса. Нет, если он на них набросится, пес их отобьет. Надо подождать, когда он будет далеко, и уже там разобраться с Аленой. А вот рядом с Денисом пса нет.

– Дэн, – сказал пришелец, – ты вот что... Нам надо срочно план готовить. Давай встретимся у тебя в подъезде, скажем, минут через сорок?..

На лице лже-Рената сияла довольная улыбка инопланетянина из страшных фильмов. Такой пришелец, заразив весь экипаж, садится за штурвал звездолета и направляет его к Земле.

Он вошел в комнату, и его улыбка стала доброй, всепонимающей. Человеческой.

– Алэн. Ты пока здесь полежи, отдохни. А мне домой надо.

– А что насчет Дениса?

– Его мама сказала, что он звонил. Обещал, что к шести

уже будет дома.

– Тогда встречаемся у него, – сказала Алена.

– Нет, – сказал лже-Ренат, представив, как заразит Дениса, потом придет в дом Рената и примется за его родителей. – Встретимся лучше у меня. И да, мне жаль, но Навигатора придется оставить на улице. А то вдруг он опять сболтнет чего лишнего. А моим предкам мы не докажем, что, мол, показалось. Их же там двое, и они знают, что массовые галлюцинации – это антинаучно.

«Он использует мои словечки, – подумал настоящий Ренат. – Как же он глубоко залез в мои мозги».

Ренат представил, как пришелец ходит по комнатам, листает книги, открывает коробки, роется в шкафах, впитывая его прошлое, весь опыт, нажитый Ренатом за долгие двенадцать лет. Крапива прав. Пришельца надо остановить.

Ренат вернулся к печатной машинке и рассказал обо всем Крапиве.

«Я знаю, что он ищет, – ответил Крапива. – Это он об Антонде. Это он мне помог, рассказав, как забраться на крышу».

Вот что искал пришелец так усердно! Вот что узнал Ренат, непонятно когда и где. Крапива был у Антонда. А окно его комнаты выходит как раз на логово врага. Из него открывается просто стратегический вид. А еще Антонд – мега-мозг. Это просто чудо, что Крапива смог вытащить Антонда

из своего панциря.

Ренат с ужасом осознал, что ему все же придется открыть дверь. Ведь эта информация не должна попасть к пришельцу.

«Эта информация не должна попасть к пришельцу», – написал он.

«Пастой, – ответил Крапива, – ты должен выбрать самое подходящее время. К сожалению меня нет рядом чтобы постоять на шухаре».

Крапива обрисовал план действий. И план этот Ренату не понравился.

Человек этот пришел с севера, со стороны завода КБ-НЗ-ЦБУ. Шел он босым, держа в руках плакат с надписью «Оно Грядет. Кайтесь.» Надпись была сделана красной краской (краской ли?).

Был он худ, почти стар, имел мудрый взгляд и щетину человека героической судьбы. Его камуфляжная куртка, не по размеру большая, колыхалась на ветру. Его широкие брюки когда-то были черными.

Он встал в людном месте, между кинотеатром «Аврора» и «Детским миром», набрал полную грудь воздуха и заголовил.

– Покайтесь! Оно грядет! – сказал он в первый и не в по-

следний раз.

Что грядет и почему? Кто и в чем должен каяться? На эти и другие вопросы он не отвечал. А только стоял и тянул свое «Покайтесь! Оно грядет!» и смотрел прямо перед собой невидящим, но мудрым взглядом.

Люди шли в прокат за кассетами с «Нико 9», в «Детский мир» за лосинами и мохеровыми кофтами, в кино на «Полет навигатора». Некоторые останавливались, и вскоре перед мужиком образовалась целая толпа.

После полудня мужик устал, сел отдохнуть на лавочке, достал из вещмешка кусок вяленой медвежатины и пузырек настойки, такой ядреной, что толпа отошла за пределы зоны поражения.

Подбоченясь, он встал и вновь затянул про «Грядет», но уже не так бодро, как утром. Да и зрителей стало меньше. А когда его голос перебился звуком военного оркестра, мужик понял, что не выдержит конкуренции, и тихо исчез.

Он приходил и на следующий день, и потом, меняя места дислокации. То стоял у памятника Ленину, то у церкви.

И все эти дни, до тех самых пор пока «Оно» действительно не «грянуло», никто не узнал в босом мужике Иннокентия Вялинка, лесничего, что жил у реки Малая-Камыша.

Глава тринадцатая

Восхождение Рената, или Я – Дверь

(час дня, 12 мая 1994 года)

Ренат чувствовал себя кусочком еды, которую пришелец еще не успел переварить. Но непременно переварит. Пока что у чудовища есть другие дела, но, закончив их, оно непременно вернется и поглотит его целиком.

Пришелец действовал холодно и расчетливо. Он обманул всех – Алену, Пса, Дениса. И если не стать таким же холодным и расчетливым в ответ, то им конец. Как и всему человечеству.

Но потом Ренат напомнил себе, что его выживание – последнее крошечное зернышко его истинного «я» – каким-то образом зависит от его пребывания в этой комнате. Если он хотя бы приоткроет дверь, с ним будет покончено.

– Я не сделаю этого, нет. Почему я?

Он вспомнил, что он не один. С ним еще Крапива. Ренат стоял между окном, дверью и печатной машинкой и не мог заставить себя сдвинуться с места. Он смотрел на происходящее за окном – так они условились с Крапивой. Надо было улучшить подходящий момент и выйти. Ренат вспомнил последние слова пришельца: «Он все равно войдет, теплокров-

ник, когда будет готов. Можешь тешиться мыслью, будто запертая дверь его остановит, но ты ошибаешься».

Он слышал, как Крапива что-то набирает на печатной машинке, но не хотел это читать.

Чик. Тяп. Чик.

Почему Дона Дракона Уилсона зовут «Дракон»? Он совсем не похож на дракона. У него лицо худое и треугольное. Кто вообще удумал взять такого дохляка играть в боевиках? Он для этого совсем не подходит. Вот Халку Хогану куда лучше подходит зваться драконом.

Чик. Чик.

С другой стороны, никто бы с виду не признал в Денисе проныру, пацана, у которого всегда в руках крутятся (пусть и небольшие) деньги, а в голове – планы. Может, даже Денису удастся как-то выкрутиться самому, без помощи Рената.

Чик. Тяп.

Буква «о» западает. Однажды она так застряла, что Ренат попробовал было избегать ее, но кончилось тем, что его главгер чуть не умер, потому что не мог достать оберег. Потому что в обереге помимо заклЯтия, была буква «о». В конце концов Ренат стал пропускать буквы, и потом вписывать «о» ручкой.

При чем тут вообще все это?..

Чик.

Ренат посмотрел в окно и понял – пора!

Он рванулся к двери и распахнул ее. Одним резким дви-

жением. Без ключа. Он сам был ключом.

Пока все шло по плану. Денис явился в подъезд один.

Лже-Ренат вновь и уже в красках пересказал Денису историю о том, как они с Аленой лихо прогнали ее отца, как пес заговорил, и как они потом долго убеждали бабушку, что все это было галлюцинацией, и вообще – где это видано, чтобы псы разговаривали. Они вместе посмеялись.

Потом Денис во всех подробностях поведал о своих приключениях по дороге в Н-ск, о мошеннической победе в игре, о «Друзьях отечества», о том, как они столкнулись с пришельцами, о «Врагу не сдается наш гордый «Варяг»».

– Я был так уверен, что это ты, – говорил Денис, – это были такие классные пацаны. Александр, Петр, Роман Михайлович... Их всех больше нет.

– Мне жаль, – сказал пришелец.

– Как ты думаешь, если мы поймаем Петра, Александра и прочих, мы сможем изгнать из них пришельцев? – на лице Дениса читалась надежда, словно он действительно ждал достоверного ответа.

– Как в «Изгоняющем дьявола»?

– Типа того.

– Мне жаль, но думаю, нет.

– Ты уверен?

– Я абсолютно точно, стопудово уверен.

Как было приятно лишать человека последней надежды.

Скрипнула дверь подъезда, мимо них прошли две девочки первоклашки. Большая часть взрослых в это время на работе, и ничто не помешает захватить тело и сознание Дениса. Но всему свое время.

– Я подозреваю, – начал лже-Ренат, – что кто-то помог Крапиве подняться в тот день на крышу, и он чуть не сломал генератор, или что-там у них. Ты не в курсе, кто это мог быть?

– С чего ты это вообще взял?

– Не знаю, просто теория.

– Странная теория.

Лже-Ренат боялся раскрыться раньше времени. Денис не должен был ничего заподозрить. Далеко не факт, что когда он вселится в Дениса, поглотит его, тот тоже не найдет у себя в голове норку и не забаррикадируется в ней. Они, жертвы, так часто делали.

Пришелец вспомнил, что не так давно аборигены Дарнука-25, все как один, заперлись в своих головах, нашли связь друг с другом, а потом взяли да и выгнали захватчиков. Разум людей был мягче, его было легче вскрыть, как скорлупку, и забраться в самые потаенные уголки. Он поддавался влиянию очень легко. Ну разве что каждому десятому, или даже двадцатому, удавалось на время (конечно же, только на время) спрятаться в укромном месте. «Можешь тешиться мыслью, будто запертая дверь его остановит, но ты ошибешься».

Пришелец в глубине души рассмеялся. Он предвкушал, как поглотит обоих сорванцов.

Он сделал шаг вперед.

– У нас там, в их логове, наверняка был свой человек, – сказал он Денису. – Этот человек помог Крапиве подняться наверх, не вызвав лишних подозрений.

– Да откуда ты...

– Я знаю. Не могу тебе объяснить, просто знаю.

Пришелец запаниковал. Только сейчас он заметил, что Денис поглядывает на часы. У Дениса были новомодные электронные часы цвета хаки. Такие еще с зимы носила половина города. Они стоили всего четыреста рублей в «Детском мире» – как заходишь, направо и в самый конец.

Ренат почувствовал, как сотряслась его память, вернее, как дрогнул мир, в котором находился. Он видел из окна, что происходит в подъезде у Дениса.

Пришелец запаниковал.

И когда Ренат распахнул дверь, пришелец услышал в своей голове громкую мысль Рената: «Дракон!».

При чем тут дракон, пришелец не знал. Да и некогда было об этом думать.

Он ушел в себя на какую-то долю секунды, просто чтобы проверить, не выглянул ли Ренат из своей норки, но тут же

встретился с холодным взглядом Дениса.

Денис все понял.

Лже-Ренат размахнулся, чтобы его ударить, но Денис словно ждал этого. Он увернулся и побежал по подъезду, легким движением руки сшибая со стен почтовые ящики.

На пол полетели номера «Спид-инфо», «Совершенно секретно», журналы «Все Звезды», «ТВ Парк» и множество номеров «Ровесника».

«Он что, заранее отвинтил от стены все ящики?», – удивился пришелец, а потом понял, что так и есть.

Он рванул за Денисом, но упал, поскользнувшись на постере с Викторией Цыгановой.

Пришелец рухнул, ударившись головой о пол. Потом он услышал, как снова скрипнула дверь подъезда. Он посмотрел в ту сторону, узнал тех, кто вошел, и понял, что это конец.

А значит следует сосредоточиться на том втором. Который, на свою беду, вылез из норы.

От встречи лже-Рената с Денисом до его встречи с Викторией Цыгановой прошло от силы минуты три. Но эти три минуты показались настоящему Ренату целой вечностью.

Сначала он вышел в коридор и огляделся. Это был коридор в его собственной квартире, каким он был в реальности, но еще больше – каким являлся Ренату во снах – неесте-

ственно длинным. На полу лежал линолеум со знакомым узором в виде паркета. В углу линолеума была дыра – это Ренат его прожег, когда ему было семь. Тогда он с методичностью, которая встречается у детей только когда они готовят пакости, отрезал головки у спичек, израсходовав несколько коробок. Хотел сделать взрывчатку в домашних условиях, но вместо этого случился небольшой пожар, а за ним несколько подзатыльников. Когда приходили гости, мама все время стелила в этом месте коврик, стараясь скрыть некрасивую дыру.

А справа родительская комната. Вот она стенка, на ней мамин чешский сервиз и папины книги. Он вошел в комнату и прошелся взглядом по полкам. Много-много книг, местами в два ряда. Книги в заднем ряду лежат друг на друге. В переднем аккуратные, почти как новенькие – Фейхтвангер, Белль, Ремарк, Хемингуэй. Из фантастики только скучнейший Жюль Верн. Книги охраняют стеклянные слоники, у самого маленького отломан хобот.

Мог бы я спрятать записку здесь? Если да, то где? Тут почти ничего моего нет.

Ренат открыл верхнюю полку, где стояли его сокровища – Саймак, Гаррисон (очень крутые книги, «читаются на одном дыхании», вся серия про Стальную Крысу) и много-много Конана.

Он открывал книги одну за другой, листал и, когда не находил записку, бросал на пол.

Зачем я вообще писал записку? Для кого я ее оставил? Папе и маме? Я вообще не хотел их вмешивать. Нет, в их комнате я бы ничего не спрятал.

Когда Ренат выглянул в коридор то увидел, что тут теперь светятся люминесцентные лампы. Были ли они здесь и раньше? Или этот мир живой, дышит, а главное, подчиняется не только и не столько сознанию самого Рената, сколько воле чудовища.

Ряды люминесцентных ламп тянулись вперед до самого горизонта.

Следующая комната была не его, а Миры. Комната оставалась такой же, как в тот день, когда они вместе строили телескоп. Без Миры он бы ни за что его не смастерил. Ему не хватало терпения, а она умело орудовала ножницами, аккуратно склеивала листы черной бумаги и, в отличие от него, совсем не измазалась в клее.

Вот он, ее стол, прямо у окна, вот листы ватмана и полупустая банка из-под клея с синей надписью «ПВА» и белой каплей в синем кружочке. Как хорошо он это помнил. Хотя все было так давно, два года назад. Подумать только, как летит время!

Тут так спокойно. Может, остаться здесь, затаиться, забаррикадироваться и переждать тяжелые времена?

Потом был кабинет директора, школьная раздевалка, а затем по обе стороны потянулись лишь запертые комнаты. И когда он увидел черную тень впереди, то чуть не остолбенел

от ужаса. Внутри него все похолодело.

Ренат прижался к стене. Он пригляделся и увидел впереди, метрах в двадцати, перпендикулярный коридор – перекресток. Это там, вне всякого сомнения, прошло только что чудовище. В этом мире не было никого, кроме них двоих.

«Из нас должен остаться только один».

Он нашел свою комнату. Вот и занавески с карапузами на облаках, и бледно-синий ковер, и платяной шкаф, одну из дверей которого при закрытии надо чуть приподнимать. И кровать, и письменный стол. И телевизор ГАО (такой же, но побольше – в комнате родителей).

Под телевизором тумбочка, а в ней и его Сега, и Денди, и целая куча картриджей. На некоторых видны следы припоя. Это работа Антонда. Бывало, что ты ронял картридж, и он начинал глючить. И только Антонд мог решить проблему бесплатно, при условии, конечно, что перед ним какая-то особо редкая игра, и он сможет ее поиграть.

Ренат помнил этот картридж. На нем была игра «Робокоп против Терминатора». Антонд взял тогда этот картридж, починил, а потом оказалось, что это обычный «Робокоп 3».

Под картриджем лежала записка.

Ренат взял ее и начал читать.

Денис. Если ты читаешь это письмо, значит случилось страшное – меня поймала милиция.

Мы с Аленой идем участвовать в авантюре, достойной самого Джеймса Боливара Ди Гриза. Команда Тимура-малого решила ограбить организаторов концерта, потому что те завезли в наш родной Н-ск невиданное количество дорогой аппаратуры. Малой решил не упускать такого шанса. И мы тоже. Только задачи у нас разные.

Оставив пришельцев без техники, мы сорвем их планы.

Да, это рискованная затея. Я пытался предупредить тебя о ней, звонил в номер твоей гостиницы, но тебя не было на месте. Надеюсь, у тебя на то были уважительные причины.

В любом случае знай одно – если нас поймали, то остаётся только ты, Крапива да пес. Навигатор сказал, что Крапива витает в каком-то там астрале, но непременно из него выберется. Надеюсь, что он прав.

В любом случае знай вот что. У нас есть еще один потенциальный союзник. Это Антон, с Первамайской. Тот самый, у которого окно торчит из буквы «Д». Который при девочках заикается.

Крапива был у него, перед тем как взобраться на крышу и попытаться вырубить инопланетную штуковину. Один из его бывших ребят рассказал мне об этом. Они следили за Крапивой и видели, как он входил в подъезд Антонда. Про пришельцев, само собой, они не знают. Его исключили из банды (когда его увидишь, не говори, а то он расстроится).

Антон – лучший стратег нашего времени. Это он закрыл

Баттлтодз со второго раза. Он знает уязвимости всех боссов. Откровенно говоря, я только сейчас понимаю, что Антон с самого начал подходил нам как никто другой, а я о нем даже не вспомнил.

Окно Антона выходит как раз на логово инопланетян. Вкупе с вышесказанным, он – отличный шанс для нас и, как ты понимаешь, для всего человечества.

Идите с Крапивой к Антону и надавите на него. Один раз помог, поможет еще. Скажите ему «Антон, ты наша последняя надежда». Должно сработать, он любит этот фильм.

Засим я откланиваюсь, пора выходить на дело. Прости, бандитская романтика зовет.

С уважением, твой друг.

Ренат.

Денис дочитал записку и отложил ее.

Мама только сейчас сказала, что вчера вечером приходил Ренат и передал ее. Она вспомнила об этом только после того, как Ренат позвонил. Ренат ли?

Ты вспомнила как раз вовремя.

Денис не был бы Денисом, если бы не умел придумывать хитроумные планы.

До встречи со лже-Ренатом оставалось восемнадцать ми-

нут. Он полистал телефонный справочник, нашел нужный номер и позвонил.

Затем нашел минусовую отвертку и спустился в подъезд. Будь у Дениса больше времени, он бы подготовил ловушки, достойные самого Кевина Маккалестера. Но как раз времени у него и не было.

Ренат уже был в коридоре, когда услышал шелест.

Существо стояло в каких-то двадцати метрах от него. В свете мерцавших ламп оно было похоже на вставшую на дыбы тень. Черный силуэт двенадцатилетнего мальчика стоял, не шелохнувшись, и смотрел на Рената долгую секунду.

Тварь не отражала света. Она была как дыра, вырезанная в ткани мироздания.

Звук нарастал. Шелестели уже не листья, а листовая сталь. А может, такой звук издают толпы крыс в канализации под большим старым городом, когда их гонит вперед что-то по-настоящему страшное.

Чудовище ринулось на Рената. Мальчик повернулся и побежал прочь, в свое убежище. В комнату, где на столе стояла печатная машинка, по другую сторону которой находился Крапива.

Коридор стал удлиняться, как во снах или кошмарных фильмах. Он вытянулся в макаронину и заколыхался. Ренат осознал, что этот мир все-таки контролирует не он, а чудовище.

Сзади в него ударил леденящий холод. И будто тысячи морозных иголок впились в его спину.

Ренат рванул вправо, вбежал в комнату и захлопнул за собой дверь.

Вернее, попытался захлопнуть.

Черная рука, точнее, ожившая тень его собственной руки, застряла в двери и прикоснулась к нему.

Одного касания оказалось достаточно.

Ренат отпрянул вглубь комнаты и увидел, как та начала меняться. Краски потускнели, вид за окном стал пасмурно-серым, такими же становились и обои. Все, что было тут ценного, что составляло часть Рената, обесцвечивалось на глазах.

Тогда-то он и понял, почему пришельцы шелестят. Это происходит оттого, что они хотят окунуть душу в тоску, где нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Они сами – как огромная Тоска, ввергающая в уныние и меланхолию. Вот как это работает. В том мире нет Супонева, Марио, а дни рождения – серые и безрадостные, как в рекламе сока Юппи. И вообще это вовсе не осенние листья, а сероватые листы бумаги, скучные и канцелярские. Это их носит по полу ветром.

Ренат лежал на полу, а тварь нависала над ним, раздуваясь и поглощая его вместе с комнатой.

Однажды он читал, что если упасть в черную дыру, она будет всасывать тебя, превращая в тончайшую макаронину

длиной в миллионы километров.

Бездна засасывала Рената. Мысли его путались, вытягивались и рвались на части. Вот он увидел, как пролетают мимо него и поглощаются души других существ. Вот они, наполненные ужасом на корабле где-то в Туманности Ориона, на маленькой зеленой планетке у Сириуса, на шахтерском астероиде у Проциона. Плачут, трясут руками, клешнями, щупальцами, моля о пощаде. Выходят, чтобы дать последний бой, но погибают. Растворяются и исчезают в чудовищной сингулярности.

Он их всех поглотил. И теперь они в нем плавают. Они все здесь плавают.

Мама, мамочка, он не доберется до тебя.

«Я хотя бы попытался», – подумал Ренат напоследок.

«Ренат, ты где?» – в очередной раз написал Крапива.

Мамы не было дома, она вновь пошла на его поиски. И он спокойно набирал текст на машинке, не боясь, что она его услышит. Бабушка не в счет. Даже если она слышит, никто ей все равно не поверит.

Ренат не отвечал уже несколько минут, и это сводило Крапиву с ума.

И когда пес в очередной раз связался с ним, чтобы в очередной раз завести шарманку про «ты должен найти дверь», Крапива послал его подальше.

– Но ты уже нашел ее, – настаивал Навигатор. – Чего ты

ждешь?

– Действительно, чего я жду, – Крапива попытался ерни-
чать. – Вот же она, дверь. Бери и входи.

Он указал на печатную машинку. А потом подумал.

Он подумал – а почему нет?

Ни к чему в этом мире он не мог прикоснуться. Кроме машинки. Она дала ему возможность связаться Ренатом, ко-
торый находился даже не в реальном мире, а в собственной
голове.

– Молодец, – сказал Навигатор. – Дверь – это те же Врата,
только помельче. Они направят тебя туда, куда ты по-настоя-
ющему хочешь.

Крапива хотел домой, только не сюда в виде жуткой пародии на фильм «Привидение», а нормально. К маме и бабушке. Чтобы мама больше не плакала.

Крапива не знал, как это работает. У печатной машинки не было ни ручки, ни петель.

Почему вообще именно его дверь должна была быть в ви-
де печатной машинки, когда у него дискле... как там ее. Кто придумал вообще эти двери?

Потом Крапива вспомнил слова Навигатора о том, что дверь просто есть. Их никто не создавал, они часть нас.

И когда подумал об этом, понял, как ее открыть.

«Диклексия», – написал он.

И присмотрелся. Это слово было написано как-то непра-
вильно. Оно походило на рисунок с кляксой.

«Дикслексия», – повторил Крапива.

Он услышал, как в двери щелкнул замок. Мама вернулась. Он услышал, как она снимает сапоги.

«Диск...», – нет, так вообще неправильно. Какой же тут диск? Проверочное слово «диск», потому что такие люди слушают только лазерные диски?

Он услышал мамины шаги и сосредоточился.

«Дислексия», – закончил он в тот момент, когда мама зашла в бабушкину комнату.

Больше Крапива ничего напечатать не успел, потому что исчез.

Крапива только однажды был в метро. Тогда ему было семь, и они с мамой и бабушкой в первый и последний раз вместе были в Москве.

Город этот Крапиве совсем не понравился: шумный, дома слишком большие, людей слишком много. А вот в метро все было по-другому. И не само метро даже, а вид из окон. Как замороженный смотрел он, как мимо поезда проносятся стены, провода, огни. Казалось, они мчатся с космической скоростью.

Вот и сейчас было как в метро. Наступила тьма, и в ней мимо него стали пролетать звезды, похожие на фонари, и фонари, похожие на звезды.

Он вынырнул из тоннеля над городом на уровне девятых этажей. Это был все тот же Н-ск, но чуть другой. Стоял яр-

кий морозный день, люди торопились по делам. Тут было необычно много машин. Почти все ларьки исчезли. На месте гаражей высилось действительно огромное здание. И был это не концертный зал, не гостиница для туристов, а жилой дом.

Крапива висел в воздухе над кинотеатром «Аврора». И когда посмотрел вниз, смог прочитать на нем слово «МОЛЛ». Крапива понятия не имел, что означают эти четыре буквы.

Но понял, что снова видит будущее. Один из его вариантов.

Еще он увидел прямо на площади перед кинотеатром огромный телевизор. Он и представить никогда не мог, что телевизоры могут быть высотой с трехэтажку.

По телевизору пел Газманов:

«Есаул, есаул, что ж ты бросил коня, пристрелить не поднялась рука?». По-прежнему в шинели, военных брюках и ботинках – все тот же старый бодрый Газманов. Только седой и сальто назад уже не делал.

На секунду Крапива усомнился, а действительно ли он в будущем.

– Ты сам руководишь своим полетом, – услышал Крапива голос Навигатора в своей голове.

– Дис, – Крапива теперь знал какое слово произнести. – Лек, – это было как заклинание. – Си, – достаточно было разбивать одно большое сложное слово на маленькие куски. – Я.

Шел дождь.

Крапива висел над самым логовом врага. Ночное небо прорезали молнии.

Но, несмотря на шум и грохот грозы, он отчетливо слышал музыку.

Рабочий день его почти уже закончен

А дебет с кредитом остался не сведен

Ему плевать на это, лишь бы днем и ночью

Я пела эту песенку о нем...

Крапива понял, что видит день концерта.

Иноземный аппарат светился зеленым. От него в небо уходил тонкий луч света, заставляя светиться грозное облако. Совсем как в «Охотниках за привидениями-2».

Бухгалтер, милый мой бухгалтер!

Вот он какой – такой простой.

Бухгалтер, милый мой бухгалтер,

А счастье будет, если есть в душе покой

Охотники за привидениями напомнили ему о Ренате. Как он там? Расправился ли с чудовищем? А если нет?

Буууух...

В следующую секунду молния прочертила небо и ударила в крышу соседнего здания, да так что с нее сорвалось что-то металлическое и полетело вниз.

... галтер, милый – милый мой бухгалтер

Зато родной, зато весь мой

– Дис... – начал Крапива.

«Я хотя бы попытался», – подумал Ренат, лежа на полу, пока тварь нависала над ним, раздувалась и поглощала его вместе с комнатой.

Больше он ничего подумать не успел, потому что в следующее мгновение на голову чудовища свалилась увесистая печатная машинка.

Тварь рухнула на пол, а на ее месте Ренат увидел Крапиву.

– Это ты? – спросил Ренат.

– Ты меня видишь? – спросил Крапива.

Тварь растеклась по полу черной матовой жижей, а мир вновь обрел краски.

– Мы его победили, – сказал Крапива торжественно.

– Пока еще нет, – ответил Ренат. – Во второй части они всегда возвращаются.

– Жизнь – это не кино...

– Нет, Крапива, жизнь это именно что кино. Но только если мы поступаем как главные герои.

Он схватил Крапиву за рукав рубашки и потянул прочь из комнаты. Напоследок Ренат оглянулся и увидел, как чудовище поднимается из лужи, обретая человеческую форму. Совсем как T-1000 во втором «Терминаторе».

Они оказались в длинном коридоре, где в свете мерцающих ламп вдоль стен шли двери, некоторые из которых были заперты.

– Ломай! – крикнул Ренат, подбежал к первой встречной двери и высадил ее ударом ног.

Из черной бездны, что была по ту сторону, показалась обугленная рука с лезвиями и грязный свитер в красно-зеленую полоску. А потом Фредди Крюгер вышел целиком.

– Напрасно вы меня похоронили, – сказал он. – Ведь я еще живой!

Черная тень Рената как раз выбиралась из комнаты, когда Фредди на нее набросился. А Ренат и Крапива лихо выламывали одну дверь за другой, и к Фредди присоединились Джейсон Вурхиз, Восставшие из Ада, Реаниматор и, чего греха таить, сам Пеннивайз.

Они мучили и терзали пришельца.

– Беру свои слова обратно, – потрясенно сказал Крапива. – Жизнь иногда кино.

«Я хотя бы попытался», – подумал пришелец, когда дверь отворилась, и в подъезд ворвались Алена и Пес. Прежде чем он успел встать, тяжелые лапы Навигатора оказались у него на груди.

– А ну отдавай Рената обратно! – крикнула на него Алена, – Черт лысый! Рената гони, живо!

– Да что ж это за планета такая? – запричитал пришелец голосом Рената. – Ни там, ни здесь от вас покоя нет!

Он открыл рот в тот момент, когда одна из адских тварей стала вбивать в его голову гвоздь, а из его брюха начал проклевываться Чужой.

– О чем это он? – спросил Денис. – «Там», это где?

Черная жижа выплеснулась из рта Рената, прилипла к потолку и поползла прочь.

Затем яркий, почти солнечный свет озарил подъезд, он шел от гигантской полупрозрачной печатной машинки, что висела прямо в воздухе. И из этого света в реальный, сегодняшний мир вышел наконец Крапива.

– Мы победили, – сказал он и прищурился, как Клинт Иствуд.

– Это еще не победа! – пробулькала в ответ жижа и просочилась в щель между ступеньками.

Часть четвертая. Любовь – это

Глава первая

Два часа дня, 12 мая 1994 года

Настоящий Сидорович терпеть не мог вида крови, и лишь мода могла заставить его надевать пиджаки разных оттенков красного. Сидорович имел дело с шоу-бизнесом и потому менял наряды каждый день.

Он начищал ботинки так, что, глядя в них, можно было бриться. Имел в шкафу целое отделение исключительно под галстуки.

Он всеми силами старался выглядеть круто, чтобы давить на людей и заставлять их выполнять приказы. Он держал в голове десятки контактов, которые не стоило доверять бумаге.

Он занимался музыкой, хотя никогда ее не любил.

Но вся это суета осталась в прошлом, потому что сейчас Сидорович сидел в норе в глубинах собственной головы и дрожал от страха.

Другой Сидорович практически ничем не отличался от оригинала, и ему даже не приходилось притворяться. Он тоже любил подчинять и властвовать. Разве что не имел ничего против вида крови.

Старый Сидорович хотел захватить мир музыки. Новому

было достаточно просто мира.

– Большая сила – большие возможности! – говорил Сидорович на нечеловеческом языке.

Перед ним стояла толпа – юные грабители, попавшие в ловушку этой ночью; рабочие, в авральном режиме достраивавшие сцену этим утром; приближенные в лице Людмилы Евстафьевны, Полищука и старого доброго Рузбека.

Все были в сборе.

– Враг не дремлет, – говорил Сидорович. – Он пришел сюда, чтобы забрать то, что принадлежит нам по праву сильного.

Новый Сидорович был уверен в собственных силах, ведь что против них могла сделать четверка ребяташек и единственный юный Навигатор? Как и старый Сидорович, он сплачивал подчиненных с помощью страха. А ведь нет ничего страшнее таинственного врага, который может напасть внезапно.

– Посему мы решили, что наше мероприятие состоится сегодня. Это нарушит планы заговорщиков и положит планету к нашим ногам...

– Педипальпам, – уточнил кто-то из зала.

– ...педипальпам на пару дней раньше, чем мы планировали.

Они привыкли подчинять и подчиняться. Их мир держался на унижении, страхе и подхалимаже. Они не умели жить

по-другому, да и не хотели. Сама их суть строилась на том, чтобы захватывать чужие тела, а затем и целые планеты.

В строгом смысле они не были коллективным разумом из фильма ужасов. Скорее, любили этот свой коллектив, объединенный ненавистью и завистью.

Сидорович достал самые большие динамики, какие только мог, чтобы подсоединить к ним самые большие генераторы. А в нужный момент генераторы переподключатся к антенне и пошлют сигнал флоту вторжения. И та же антенна сгенерирует поле, да такое, которого не ожидают сами Стражи Врат. А когда (и если) Стражи прилетят, будет уже поздно.

И то, что в зале и вокруг здания соберется огромная толпа – тоже весьма кстати. Они и станут первыми массово обращенными. А главное – концерт бесплатный.

«Трех зайцев одной «Комбинацией»», – подумал про себя Новый Сидорович.

Никогда еще концерт звезд русской эстрады не имел такого глобального значения для планеты Земля.

– Ой, нет-нет, только не это! Я так и знал, что это случится. Я же все предвидел, все рассчитал.

Крапива оттолкнул Антонда и первым вошел в квартиру. За ним последовали Навигатор, Алена, Денис и Ренат, кото-

рого все еще потряхивало после акта экзорцизма.

– Ты полегче с ним, – шепнула Алена на ухо Крапиве. – Мы же у него в гостях.

– Сам разберусь, – процедил Крапива.

Они столпились в узком коридоре, заваленном старыми журналами по электронике и новыми, о мире компьютерных игр. В воздухе носился отчетливый запах прокисшего борща.

– Итак, – потер руки Денис, – вся команда в сборе!

– Я не в команде, – сказал Антонд и тут же напоролся на суровый взгляд Крапивы.

– Ты вот что, – отрезал Крапива. – Ты уже по уши вляпался в нехорошее дело по спасению человечества, и тебе не отвертеться. Как говорят в наших кругах, вход – рубль, выход – два.

– Я денег дам, – сказал Антонд и заспешил в комнату. – Я как раз на ТриДэ-ускоритель собирал.

Не успели ему ответить, как Антонд вернулся с картонной коробкой, обмотанной изоляцией.

– Только уходите, пожалуйста, – сказал он и протянул коробку Крапиве. – И потом, скоро папа вернется.

Крапива схватил коробку и бросил через плечо Антонда обратно в комнату.

– Дурак ты, а не стратег! – рявкнул Крапива. – А ты подумал, что с тобой будет, если мы не спасем мир?

– Подумал, – сказал Антонд. – Нам конец... Но вы не

представляете, как трудно выбираться из квартиры и куда-то ходить! Это такой, знаете ли, иррациональный страх. Умом я все понимаю, но ничего с этим поделать не могу.

Вперед протолкнулся Навигатор и посмотрел на Антонда добрым, почти отеческим взглядом, который может быть только у сенбернара.

– А не надо никуда ходить, парень. Сиди здесь и придумывай план. Остальное предоставь нам.

Три часа дня, 12 мая 1994 года

Помимо стратегической точки для обзора, Антонд предоставил им печеньки собственного производства.

С третьего этажа открывался прекрасный вид на вражеский бизнес-центр. Не слишком высоко – чтобы можно было разглядеть входивших. Но и не слишком низко – чтобы не привлечь к себе внимание лысых охранников у входа. Эти уж точно походили на пришельцев.

«Мир Труд Май» было написано на доме, в котором жил Антонд, и окно его смотрело на логово пришельцев прямо из буквы «Д», создававшей прекрасную маскировку.

– А из чего печеньки? – спросила Алена.

– Мука и «Галина-Бланка», – ответил Антонд.

– Вкусно, – сказала Алена и запила их апельсиновым Юппи.

Было уже почти три часа, когда к дому начали подходить

первые зрители.

Денис передал бинокль Крапиве и повернулся к остальным.

– Ну, что, господа заговорщики? – спросил он. – Какие у нас идеи?

– Инопланетянам нужно много электроэнергии, – сказала Алена. – А значит, надо их ее лишить.

– Пробираемся на склад, сыплем в генераторы сахара, и все, – предложил Крапива. – Антонд, у тебя есть сахар?

– Есть, две пачки, сейчас принесу.

Антонд вскочил, чтобы побежать на кухню, но его, не вставая с кресла, перехватил за свитер Ренат. Рената все время клонило в сон, но он хотел принять участие в обсуждении. Он только что заснул, проспал целых пятнадцать минут, и никто не решался его разбудить.

– Не надо сахара, – сказал Ренат таким хриплым усталым голосом, словно только что громко и долго кричал (или словно у него из горла вырвался инопланетный монстр). – Нас поймают, и делу конец. Наверняка они охраняют генераторы. Нужно что-то другое.

– Например? – спросил Денис.

– Дай начальные условия, – сказал Антонд, – я привык работать с четкими инструкциями и рамками. Чтоб как в играх.

– Надо... – Мысли у Рената двигались со скрипом.

А еще он представлял, как у него в голове бегают малень-

кие и смешные Чужие, Крюгеры и Гремлины. Он удивился, вспомнив, как еще несколько дней назад они казались ему страшными.

– Начальное условие, – продолжил он. – Нужно сорвать концерт, не проникая в здание.

Все долго молчали и с надеждой смотрели на Антонда. В тишине было слышно, как за окном звучит:

Я играю на балалайке.

Это самый русский инструмент.

Я мечтаю жить на Ямайке.

На Ямайке балалаек нет.

– Выполнимо, – сказал наконец Антонд.

– Как?! – ахнула Алена.

– Еще не знаю, но выполнимо, – ответил Антонд. – Любая задача решаема при любых условиях. Просто иногда на это нужно время.

Крапива оторвался от бинокля и посмотрел на ребят. Вид у него был бледный.

– Народ, – выдал он, – концерт начался.

Глава вторая

Комбинация

ЗВЕЗДАМ ПРОСТИТЕЛЬНО

26 апреля на скромную сцену нашего «Прометея» ступила нога еще одной поп-звезды. На этот раз сама Ирина Аллегрова, исполнительница знаменитых шлягеров «Суженый, мой ряженный», «Странник» и других, почтила своим вниманием нашу публику.

Публика осталась этим довольна, концерты прошли с большим успехом. Не смутили нашего неискушенного зрителя ни исполнение под фонограмму, ни экстравагантный наряд певицы. Думается, что и звезда осталась довольна приемом. Только почему-то отказалась от интервью и запретила себя фотографировать.

Видимо, изрядно поднадоел ей наш брат репортер. Что ж, «звездам» прощают и не такое.

«Трудовой Н-ск». 10 мая 1994 года

Три часа дня, 12 мая 1994 года

Людмила Евстафьевна, даже не постучавшись, бесцере-

монно проникла в гримерку к звездам. Одна из троицы переодевалась, другая снимала с гитары струны (они натирают пальцы, а играть она все равно не умеет). Свободной была только блондинка.

– Аленка, у меня к вам серьезный разговор, – обратилась к ней Евстафьевна и поманила солистку толстым указательным пальцем.

– Да, я вас слушаю, – сказала та.

Девушка была совсем юной, без тонны макияжа она могла показаться и вовсе школьницей.

Евстафьевна достала листок бумаги с распечатанным текстом.

– Вот у вас тут второй куплет, – сказала она, указав на бумагу. – Начиная с «Я простая русская девчонка». У вас же тут размер скачет. Сначала десять-девять, потом девять-восемь, и в конце аж сразу «Приезжай поскорей за мной, я здесь». Это совершенно не годится.

Солистка смотрела на Евстафьевну щенячьим взглядом провинившейся школьницы. В ней еще срабатывал глубоко укоренившийся, почти тюремный условный рефлекс на учителя русского и литературы.

– Я понимаю, – тихо сказала девушка.

– Исправьте, пожалуйста, и тогда ваша песня расцветет новыми красками. – И Евстафьевна улыбнулась во всю ширь своих сорока восьми зубов (тех, что в переднем ряду).

– Я исп-правлю, – закивала солистка и открыла рот, чтобы

попрощаться. Но не тут-то было...

– Или, например, вот это, – учительница достала еще один листок. – Песня про два кусочка колбаски просто блестящая, спору нет. Она тонко демонстрирует глубину падения нашего общества и раскрывает автора как несчастную жертву трудных времен. Вы не находите?

– Н-нахожу.

– Ну и отлично. Но этой песне совсем немного не хватает глубины. Чем-то она напоминает признание несчастного Вийона, ограбившего бедных школьников. Та же тяга к бытовым образам. У него рваные одежды, у вас два кусочка колбаски. Вы не находите сходства?

– Н-нахожу.

– Просто здорово. Почитайте Вийона. Только не в переводе Эренбурга. У него много отсебятины. Алена, вы говорите по старо-французски?

Рыженькая к тому времени успела переодеться. Черненькая сняла последнюю струну.

– Слышь, училка, – сказала она, отложив гитару. – Во-первых, она не Алена. Мы – третий состав, а настоящая Алена в Москве. Так что идите со своим Вийоном к ней.

Людмила Евстафьевна опешила. Она поразмыслила о том, не обратить ли девочек прямо сейчас, но передумала. У группы была собственная охрана – все еще человеческая. Учительница заставила себя улыбнуться.

– Но «Бухгалтер» хорош, – сказала она. – Просто прекрасен.

– Бухгалтер! – подскочил Крапива.

– Кто?! – переспросила Алена.

– При чем тут... – начал Денис.

– Молния ударит в крышу соседнего дома – в пятиэтажку, – сказал Крапива. Ему порой было сложно собираться с мыслями. Когда он хватался за одну, вторая немедленно убегала. И сейчас у него тоже ничего не получалось. Он в отчаянии посмотрел на Рената. Они с Ренатом хорошо узнали друг друга в последние часы. – Как у Макфлая. Объясни им.

Услышав кодовое имя, Ренат стряхнул остатки сна. Он все понял.

– Крапива хочет сказать, что пока летал в астрале, заглянул в будущее, в этот самый день. И он знает точное время, когда в соседний дом ударит молния. Это произойдет, когда «Комбинация» будет петь песню про бухгалтера. Все, что нам нужно, – протащить стальной провод от крыши того дома к крыше вражеского логова. Электрический заряд от молнии пройдет по нему, ударит в их устройство и уничтожит его.

– Это вот он тебе только что сказал? – удивилась Алена.

– Ага.

– Да вы просто телепаты, – усмехнулся Денис.

Тем временем толпа на улице все прибывала и прибывала. Приходили люди всех возрастов. Казалось, что выступление «Комбинации» переплюнет недавнее празднование Дня Победы. Кто-то открыл окна концертного зала, чтобы лучше было слышно.

А «Комбинация» тем временем вдаривала по хитам:

Простой бухгалтер был упорный, словно танк,

Контору пыльную теперь сменил на банк.

Достал бумажник он и, зеленую шуриша,

Нас приглашает прокатиться в США!

Навигатор озвучил мысль, которая беспокоила всех.

– А теперь подумаем о главном. Где взять, – он посмотрел в окно и прищурился, – стометровый стальной трос, и как его доставить на крышу.

Какие люди в Голливуде,

Сплошные звезды, а не люди,

Сплошной "о'кей" и "вери гуд",

Нас приглашают в Голливуд.

– Ну, где достать – не проблема, – уверенно сказал Денис. – Это я устрою, лишь бы деньги были. – Тут он посмотрел на Антонда. – Говоришь, на ТриДэ-ускоритель собирал?

Антонд сидел в напряжении, готовый выполнять приказы.

– Да-да, вот теперь можешь идти за деньгами, – сказал Денис и рассмеялся.

Антонд рванул за коробкой.

– Не смейся над ним, – с укором сказала Алена. – Он просто странный и согласился нам помогать. И вообще, мы у него дома.

Денис открыл коробку и дважды пересчитал деньги. Затем взял телефон и начал обзванивать знакомых. Он все набирал и набирал номера, называя имена людей, о которых его лучший друг Ренат (лучший ли?) даже никогда не слышал. Рома Вислоух, Мама Крокодила, Саша Черный.

Он обещал самым разным типам самые разные деньги.

И наконец нашел то, что искал.

– Есть, – сказал он, зажав трубку рукой. – Народ, нам какой трос нужен: крестовой, односторонний или комбинированный?

– Без разницы, – ответил Антонд. – Мы же не высотные работы ведем, а электричество пропускаем.

– А толщина?

Антонд прикинул в уме мощность типичной молнии, сопротивление стали и температуру ее плавления.

– Не тоньше сантиметра.

Денис объяснил все в трубку, дал отбой и повернулся к подельникам:

– Будет, – сказал он. – Через полчаса подвезут прямо к подъезду.

– Отлично! – улыбнулась Алена. – У меня теперь такое чувство, что у нас все получится.

От предложенья сразу кругом голова.

Мы тут же вспомнили знакомые слова –

"What is your name? и "I love you", и "How much".

Жизнь показалась чередой сплошных удач.

А люди все прибывали – всех возрастов и вероисповеданий. Женщины с детьми в колясках стояли у входа чтобы послушать концерт на свежем воздухе. Старики дружно принесли скамейки и уселись слушать концерт, одновременно играя в домино. В зал входили и ветераны Афгана, и рабочие заводов, и милиция. Бандиты и кришнаиты, свидетели преступлений и Свидетели Иеговы.

Казалось, тут собралась в миниатюре вся Россия.

– Поднять трос на крышу, не входя внутрь, – напомнил Ренат базовое условие.

– Верно, – сказал Антонд. – Не входя. Значит, надо доставить с воздуха.

Он подошел к окну, с минуту осматривал окрестности и повернулся к остальным.

– Я принял решение, – сказал Антонд. – Мы запустим воздушного змея с крыши.

– Да вот только молния ударила в крышу пятиэтажки, – возразил Денис. – А это значит, что нам надо привязать тяжеленный металлический трос к огромному воздушному змею, который поднимет его с крыши пятого этажа на крышу двенадцатого. Я бы на всякий случай снабдил нашего змея турбиной от Ту-154.

Антонд улыбнулся так, словно придумал действительно хитрый план.

– Нет-нет, мы запустим змея с девятиэтажки. И главное –

никакого троса привязывать не будем.

– Тогда в чем смысл?

А смысл был вот в чем. Они поднимаются на крышу антондовой девятиэтажки. Там к змею привязывают блок с рыболовной леской попрочнее. Запускают змея, и когда тот застрянет на вражеской крыше, к той части лески, что останется внизу, привяжут самый тонкий многожильный стальной трос. Леска вытянет его лебедкой наверх, а уж этот трос поднимет следующий, самый прочный.

А уж второй конец троса поднять на нужную крышу – проще простого.

Огласив план, Антонд не обнаружил на лицах заговорщиков особого энтузиазма.

– Это должно сработать. Я же все так классно продумал.

Денис подошел к нему и похлопал по плечу.

– Понимаешь, в чем дело, – начал он. – Это в играх платформа едет с одной и той же скоростью, и боссы мечут лезера с одинаковыми интервалами. А в настоящем мире ветер может подуть, и обязательно подует, в другую сторону. А плохие ребята обязательно заметят нашу беготню с веревками. Просто по закону подлости. Или случится еще что-то, чего мы не предусмотрели.

Антонд, похоже, действительно вошел во вкус. Он выглядел как самый настоящий заговорщик, с надеждой заглядывая в глаза ребят. Но отклика так и не получал.

Разве что Ренат сидел с закрытыми глазами, и Антонд ре-

шил, что тот снова уснул.

– Надо прорываться, – озвучил общую мысль Крапива.

Но тут Ренат открыл глаза и заговорил все тем же хриплым голосом.

– Прорываться мы всегда успеем. Прорыв – это акт отчаяния, а пока у нас есть только этот план. Время уходит. Дэн, – сказал он, – свяжись со своими и достань все, что нужно для плана с воздушным змеем.

Денис не шелохнулся.

– А ветер? – спросил он.

– Тут полно девятиэтажек. Будем запускать змея с того дома, откуда будет дуть ветер.

– А если он переменится?

– А если нас на улице собьет машина? Будем исходить из того, что этого не случится.

– Ты говорил, что расскажешь про капитана в другой раз, – сказала Алена.

– Что, прости? – с трудом выговорил Пес, в зубах у которого была веревка.

Алена управляла сооружением воздушного змея. Оказалось, никто из ребят никогда не запускал змея. Они делали опасные хлопушки и электрошокеры. Но, в общем и целом, совершенно не умели творить что-то руками.

Шел дождь. Небо стремительно темнело. Грозовое облако над вражеским логовом казалось теперь еще более ярким. Люди внизу показывали на него пальцами, возможно, принимая за световое шоу с прожектором.

– Ты рассказал про всех членов экипажа, кроме капитана. Сказал, что, мол, в другой раз. И мне кажется, этот другой раз настал. Может, завтра уже не наступит.

Пес всем своим весом встал на доску, пока Ренат вбивал гвозди в раму воздушного змея. Змей получался огромный, практически четырех метров в длину. При таких размерах бумага не выдержала бы ветра, и потому Алена сшила парус из одеяла, которое предоставил Антонд. Получилось немного коряво, зато прочно.

– Черный гребень, – сказал Навигатор, – так звали нашего капитана. Хотя на самом деле гребень на его макушке был наполовину седым. Дело в том, что однажды, еще до того как меня взяли в команду, их корабль пролетел по самому краю черной дыры. И искривление времени прошло прямо по центру фюзеляжа. Детский сад, который находился справа от рубки, потом напоминал дом престарелых. Но больше всего досталось Черному гребню. Он стоял точнехонько в центре, и правая сторона его тела состарилась на добрых сорок лет. Когда его нашли, ровно половина его пушистого гребня была седой, и он вел сам с собой нравоучительную беседу. Он и сейчас любит сам с собой поспорить.

– Заканчивайте разговорчики, – прервал их беседу Кра-

пива.

Настало время поднимать воздушного змея.

Ветер дул прямо на бизнес-центр, то есть логово врага. На концертный зал, где пела «Комбинация». И Алена готова была поспорить, что ветер не поменяется. Более того, она непонятно откуда точно знала, что сейчас отовсюду ветер дует именно в эту сторону. Этого не могло быть, но это было.

– Когда поднимем змея, держите его крепко, – сказала она. – Он достаточно большой, чтобы утащить кого-то из нас за собой. Но если будем держать все вместе, нашего веса хватит.

Антонд не стал подниматься с ними. Он сказал, что все рассчитал, но ни за что из квартиры не выйдет. Да, он мог иногда ходить в школу, по проверенному маршруту, к проверенным людям, но крыша и толпы на улицах – это уже слишком.

Змей взмыл в воздух с громким хлопком и завис над ними. Его парус надулся. Сквозь шум дождя Алена слышала, как трещит его деревянная конструкция. Она успела похвалить себя за хорошую работу. Много лет она работала нитками и иголками, шила и перешивала одежду для отца. Опыт пригодился.

«Дедка за репку, бабка за дедку, внучка за бабушку», – думал Денис.

«Все-таки надо было штурмовать», – думал Крапива.

«Как в «Капитане Бладе»», – думал Ренат.

– Трави галсы! – крикнул он, не уверенный, правильно ли использовал морской термин.

Он думал, что все они основательно промокли и непременно слягут с простудой.

Они стали потихоньку отпускать канат, и змей поднимался все выше, подбираясь к своей цели. Там наверху, на вражеской крыше все еще стояли бетонные колонны с торчащей арматурой. Змей зацепился за ближайшую.

Денис посмотрел в бинокль и увидел, что блок на змее все еще на месте, и с него свисает веревка. Та самая, к которой они привяжут трос.

– Порядок, – сказал он, опуская бинокль. – Сработало.

Правда, он сам не верил, что это так, что все пошло по плану.

– А теперь все вниз, – сказал Ренат.

«Комбинация» в любой момент могла запеть «Бухгалтера». А это означало конец. Что они не успеют.

Глава третья

Любовь здесь больше не живет

Случилась в наших краях, а точнее – в нашем областном Д.К. им. «Красина» при ЦКО-БКЖО неслыханная радость. С концертом к нам пожаловал не кто-нибудь, а сам Владислав Сташевский. Телезрителям, а точнее, телезрительницам он знаком как исполнитель таких шлягеров как «Позови меня в ночи» и «Я не буду тебя больше ждать».

Из компетентных источников стало известно, что концерт этот случился спонтанно, ввиду снежных завалов на пути следования артиста в Тюмень.

Не мог молодой и красивый певец оставить нас без концерта, на котором не обошлось без курьезов. Дело в том, что пока ДК при ЦКО-БКЖО штурмовали, аки «Зимний», его поклонницы, анонимный источник прислал в нашу редакцию письмо, в котором высказывалась гипотеза, что В. Сташевский, именуемый себя Владом, на самом деле является древним упырем, в чьи задачи входит всякое развращение молодежи. Бенефициаром оного, по данным источника, является сам Враг рода человеческого. В качестве доказательства автор письма приводит изображение татуировки в виде Лукавого, что (опять же, по словам источника)

находится в нижней части спины талантливого певца.

Как серьезное издание, мы не можем полагаться на непроверенные факты и потому не приводим тут изображение (которое есть в распоряжении редакции). Однако ради справедливости призываем поклонников творчества Влада, в случае получения доступа к спине исполнителя, переписать изображение и прислать его нам. В случае если оно совпадет, мы гарантируем источнику ПРИЗ в виде видеодвойки Шлялис.

«Сибирь Секретная». 12 мая 1994 года.

Пять часов вечера, 12 мая 1994 года

Все было готово, стальной трос висел между зданиями, и его даже можно было разглядеть в бинокль. Оставалось только ждать начала нужной песни. Все было готово. Все получилось.

Они стояли внизу, смешавшись с толпой, и Крапива первым увидел, как прямо к ним бежит Антонд, весь мокрый и напуганный.

– Рафаэль покинул панцирь, – сказал Крапива, указав на Антонда.

Тот налетел на Рената и чуть не сбил его с ног.

Потом Антонд что-то пытался говорить, но ему не хватало воздуха. Он открывал и закрывал рот и больше всего по-

ходил на рыбу, выброшенную на берег.

– Я ошибся! Ребята, простите, я так ошибся, – он посмотрел на Алену, губы его тряслись. – А можно она уйдет, я не хочу при девочках плакать.

И расплакался.

Успокоившись, он объяснил им в чем дело. Он неправильно рассчитал. Недостаточно было дотянуть провод до крыши. Та, пусть и мокрая, даст слишком сильное сопротивление, и молния скорее всего уйдет не во вражеский агрегат, а даст цепной заряд по периметру арматуры, которая там везде торчит.

– Будем прорываться, – сказал Крапива, – Я с самого начала говорил.

А потом была хорошая новость.

– Не надо прорываться. Я все рассмотрел из окна, там никого нет. Помнишь, ты поднимался по лестнице. В том пролете пусто. Кажется, все пришельцы где-то еще. Наверно, охраняют концерт.

Но это была ловушка. А чем еще это могло быть, кроме ловушки?

Взбегая по длинному лестничному пролету, об этом думали все. Но никто не говорил, это и так было ясно. А что еще они могли поделаться, когда все здание уже сотрясли такие знакомые и такие ужасные звуки.

Мне надоело петь про эту за границу,

Надену валенки и красное пальто,

Пойду проведу любимую столицу,

Хоть в этом виде не узнает и никто

Никогда они так не ненавидели «Комбинацию», как сейчас.

Алена на секунду вспомнила их разговор с Навигатором в тот короткий момент, когда ей казалось, что у них все получится. Это было дома у бабушки, когда они пили компот, и Пес рассказывал ей о своем мире.

– Очень далеко отсюда, на другом краю галактики есть Поющая Туманность. Представь миллионы и миллионы звезд – маленьких, размером от планеты и до горошины. Они так причудливы и прекрасны, что все художники в галактике прилетают туда, чтобы получить образцы цветов и набраться вдохновения. Они выходят из звездолетов в скафандрах, со специальными мольбертами и начинают рисовать, но еще никто из них не сумел передать всю красоту

того места.

Когда они оказались на крыше, их там уже ждали. От бетонных колонн отделялись черные тени, и окружали их. А небо над ними светилось нечеловеческим зеленым светом.

Они встали в круг и приготовились защищаться.

– А почему туманность Поющая? – спросила тогда Алена.

– Потому что эти звезды еще и поют. Их можно услышать даже сквозь самую толстую обшивку корабля. А песни их похожи на... как если бы тысячи счастливых малышей одновременно смеялись, увидев целое облако сахарной ваты. И в то же время, это напоминает песню, которую поют на ветру хрустальные колокольчики. Но и это не самое удивительное...

Пес попытался спасти их сиянием. Он стал похож на маленькое, пушистое солнце, но, как ни старался, его свет был крохотной искрой на фоне зловещего зеленого марева.

Сразу шесть или семь чудовищ набросились на пса. Самые крупные, те, что раньше были взрослыми. Ренат нашел разводной ключ и размахивал им, отгоняя чудовищ, только с виду похожих на обычных подростков. Они дрались как в последний раз, потому что так оно и было.

Даже Антонд дрался.

– *Самое удивительное, – закончил Пес, – что если ты в военном крейсере, или если сделал что-то очень-очень плохое, то не услышишь ничего, кроме эфирного шума.*

– *Я слышу дождь, – на самом деле небо в то утро было ясным, но Алена сама не знала, почему так сказала.*

Пес больше не двигался. Он лежал, и бока его не поднимались.

Алена видела это в просвете между черными фигурами, которые встали и двинулись к ней. Пес был последней надеждой. Теперь против ребят были взрослые.

«Ты хотел взрослых», – подумал Ренат и грустно усмехнулся.

Крапива дрался как черт, как ниндзя. Он прыгал и летал, бросался под ноги, кусался, бил не по правилам.

Но потом Ренат увидел, как двое схватили Крапиву, бросили на землю, а еще один запрыгнул пацану на грудь. Крапива завыл, громко и жалобно. *Нет-нет, не хочу так!*

Ренат размахивал разводным ключом изо всех сил, и уже не чувствовал собственную рубку. Свитер на нем разорвался. Рубашка свисала лохмотьями. И когда он услышал крик Крапивы, они с Аленой стали прорываться к нему.

Но опоздали.

Черный водопад хлынул на лицо Крапивы, тот в последний раз вдохнул и замолчал.

Бухгалтер, милый мой бухгалтер

Вот он какой – такой простой

Бухгалтер, милый мой бухгалтер

А счастье будет, если есть в душе покой

Денис куда-то пропал. Сначала он был тут, а потом исчез. Да и песня почти закончилась.

Все было кончено, они не успели.

Ренат посмотрел на Алену. Она тоже была вся в лохмотьях и синяках, и губа у нее была разбита, и вся она такая на самом деле маленькая. И он тоже маленький. И ему стало жалко и ее, и себя, и родителей, и Крапиву, и весь мир, который они не спасли.

А потом бетонный пол ударил его в лицо и разбил ему нос. – Алена, Алена! – закричал он. – Я тебя люблю!

Он не знал, насколько это правда. На него навалились, прижали к мокрому холодному полу. И не услышал, что она ответила. Не из-за шума дождя, и не потому, что черная струя полилась на него...

Буух... галтер, милый мой бухгалтер

а потому что хор голосов вдруг закричал.

– За Супоневааа!

Его внезапно перестали держать. Ренат вскочил и увидел, что, как в замедленной съемке, прямо на него с шашками наголо летит стая незнакомых пацанов. Некоторые из них были крупнее и старше его.

Впереди отряда бежал остервенелый интеллигент, чья треугольная борода колыхалась на ветру.

Рядом с ним мчался сам Денис, держа в руках Андреевский флаг. Тот тоже колыхался.

– Взрослые, – одними губами произнес Ренат.

Ребят была всего лишь дюжина, но они действовали дружно и слажено, словно делали это не в первый раз.

Враг дрогнул и отступил. Чудовища встали кольцом вокруг своей адской машины, готовясь ее защищать. А на земле остались лежать тела Навигатора и Крапивы.

Они не пощадили Пса, потому что не смогли бы вселиться в его тело.

Алена подбежала к Навигатору. Ренат к Крапиве.

Лицо Крапивы, казалось, начало чернеть.

Подошел Денис.

– Это уже не он, сейчас он встанет и пойдет к своим. И

мы не сможем ему помешать.

Они стояли вдвоем над телом Крапивы.

– Свои – это мы.

– Уже нет.

– Я думал, что мы хорошие парни. Что раз так, то все получится. Но мы опоздали. Песня уже доиграла.

Крапива открыл глаза и они были зелеными.

– Но молния еще не ударила, – сказал он.

Это было правдой. Как Ренат раньше не догадался.

– Эта тварь внутри тебя. У тебя глаза зеленые.

– Так это облако мне прямо в глаза светит, так что я вас почти не вижу. И потом у меня всегда глаза были зеленые...

Но оно правда... – он закашлялся, и у него из уголка рта полилось что-то черное, – ...оно правда внутри меня. Я уже не чувствую ног, но мы еще поборемся. Не было еще так, чтобы Крапива перед кем-то засс... – он вновь закашлялся. – Мой ключ. Он у тебя в руках. Думал, я его потерял, когда стукнул им по этой штуковине и переместился.

Он начал вставать. Медленно, словно отлипая от пола.

Ренат хотел помочь ему подняться, но Денис удержал его.

– Пацаны, это уже не я, – сказал Крапива, – все, пацаны, увидимся. Но помните – молния еще не ударила. Я не знаю почему... Я отлично помню, что когда это случилось, играли «Бухгалтера»... Это точно... У нас еще есть шанс.

Он хотел еще что-то сказать, но теперь вместо человеческого голоса из его рта вырвался шелест.

Крапива, а точнее, тот, кто управлял его телом, пошел к тварям, охранявшим инопланетную машину.

– У нас еще есть шанс, – повторил Ренат.

И словно в подтверждение этому, снизу раздалось многоголосое «Бис! Бис! Бис!», а за ним – первые слова теперь уже самой прекрасной на свете песни.

Мне надоело петь про эту границу

Надену валенки и красное пальто...

И Ренат понял, что победит.

Он понял, что точно победит.

Да.

Даже в тот момент, когда, словно в фильме «Вий», отовсюду на крышу полезли черные фигуры, он знал, что победа будет за человечеством. Потому что в руке у Рената, словно у персонажа фэнтези из романов с обложкой Вальехо, был могучий артефакт – разводной ключ со знаком качества ГОСТ.

А еще у Рената был план.

Чудовища все шли и шли. Их были полчища. А возглавлял их не кто-нибудь, а сам Сидорович. На нем красовался неизменный малиновый пиджак, и золотая цепь грозно блестела в свете зеленого неба.

Справа от него шла Людмила Евстафьевна с широко раскрытым ртом, откуда торчали огромные треугольные зубы. И Ренат бы ее ни за что не узнал, если бы она не умудрялась, не закрывая рта, цитировать Лермонтова.

Ренат подбежал к команде и поднял над головой артефакт.

– За Отечество! – крикнул он, – В самом широком смысле!

– За Супонева! За Дисней! – ответил ему хор, и в воздух взмыли деревянные шашки.

За все, что было ими! Как в той дурацкой детской песне, подумал Ренат. «Из чего же, из чего же, из чего же сделаны наши мальчишки? Из веснушек и хлопушек, из линеек и батареек». Ренат хорошо это понял, когда все главное в своей жизни спрятал в единственную комнату, до которой пытались добраться чудовище.

Пришельцы, что мчались на них, не просто хотели захватить мир. Они не собирались как марсиане Уэллса, сжечь всех людей тепловым лучом. Они отнимали твое сознание, все, что тебе дорого, то, из чего ты состоишь, – хлопушек и линеек.

Понимали ли это другие, те, кто стоял теперь рядом с ним с обнаженными шашками. Возможно. Они видели, во что превращаются их друзья, поглощенные инопланетными паразитами. Видели, как люди становятся оболочками. А Крапива видел серый мир будущего, где даже те немногие, кого

не сожрали пришельцы, стали терять память, как мама Крапивы, которая пыталась с помощью дневника сохранить утекшее прошлое, каждый прожитый ею день.

«Из чего же, из чего же, из чего же сделаны наши девчонки? Из цветочков и звончков, из тетрадок и переглядок».

Их сверхоружие – излучатель, уничтожавший твою жизнь изо дня в день, стирающий твой предыдущий опыт. Он разрушит со временем даже тех, кто укроется от инопланетян и не впустит в себя паразита. Оба способа уничтожить человечество походили друг на друга куда больше, чем на пресловутые тепловые лучи марсиан.

И потому ребята сражались сейчас за отечество «в самом широком смысле», за тысячи мелочей, из которых состояли все мальчики и девочки, вне зависимости от возраста.

– За Отечество! За Дисней!

За недописанный роман про дракона и принцессу, за сочинение про «Луч света в темном царстве», за мультики по утрам.

Ровным клином отряд рванулся на штурм вражеского бастиона.

То был и штурм Измаила, и штурм Изенгарда. Смешались в кучу нелюди и люди. Враг спереди отступал, но сзади на людей напирало куда более многочисленное войско.

И в тот момент, когда маленький, но отважный отряд ока-

зался в тисках, тот, кто бежал во главе его, размахнулся и (хотя и был человеком) с нечеловеческой силой треснул артефактом по инопланетной машине.

Пронзительный свет ударил во все стороны. Обе армии отшатнулись и на мгновение ослепли.

Но этого мгновения оказалось достаточно.

Бух!..

Ренат вырвался из этого мира. Он попал не в далекое будущее, а туда, куда хотел. Ведь пес говорил, что раз уж ты открыл двери, ты ими и управляешь.

Он парил над полем битвы, а вокруг него зависли в воздухе капли дождя.

Он видел дерущегося Дениса, его людей и даже Антонда. И только Алена была чуть в стороне. Она только что оплакивала Навигатора, а теперь очень-очень медленно вставала, чтобы присоединиться к неравной битве.

Ренат увидел, как молния сошла с неба. Вернее, она стекла вниз, да так медленно что Ренату на секунду показалось, что весь этот застывший серый мир – фотография. А эта молния – линия разрыва, какая появляется, когда кто-то не спеша рвет фото.

Молния втекла в крышу пятиэтажки, разошлась тягучими как жвачка искрами, а потом зазмеилась вперед, по тому

самому проводу.

Ренат подплыл к воздушному змею и завис над многоэтажной пропастью. Нет. Конечно, он не может оторвать провод. Он не способен прикоснуться ни к чему вещественному. Так говорил Навигатор.

А еще Навигатор говорил, что прикасаться можно только к свету.

В этом и был план.

Знала ли учительница физики Регина Олеговна, известная как «Рентгена», что ее уроки однажды помогут спасти человечество?

Прикоснуться можно только к свету. Верно. А электричество – это электромагнитное излучение. Как и свет.

Когда молния уже доползла до блока на воздушном змее, Ренат замедлил время до черепашьей скорости. Электрические змеи окутали блок, так что тот стал похож на шаровую молнию. И когда это случилось, Ренат вырвал блок с места, взлетел с ним в руках над полем битвы и полетел к эпицентру сражения.

Если бы тут был сторонний наблюдатель, он бы принял Рената за аниме-версию былинного Садко – юноша с горящим сердцем в руке летит навстречу тьме, а за ним змеится шлейф из молний.

Трос в катушке закончился в тот момент, когда до чудовищного аппарата оставались считанные сантиметры. Но и

их хватило, чтобы молния перепрыгнула на устройство пришельцев, а электрические змеи принялись его пожирать.

Столб зеленого света, освещавший облако, задрожал и исчез. А потом крышу заполнило огненное горнило сине-белого солнца. Оно вспыхнуло, свернулось внутрь себя и исчезло, оставив в бетоне небольшой кратер из черного стекла.

...галтер, милый мой бухгалтер

Вот он какой – такой простой

Время вернулось.

Глава четвертая

Прощание с Навигатором

12 мая 1994 года, время не имеет значения

Когда Ренат пришел в себя, первым, что он увидел, была луна, сиявшая в идеально ровном круге из облаков, словно вырезанном гигантскими ножницами. Круг медленно расширялся, обнажая все новые и новые звезды.

Звезды были почти такими же яркими, как в горах у девушки.

Ренат лежал на мокром бетоне, а они все стояли над ним – Алена, Денис, Крапива и еще несколько ребят. Только Навигатора с ними не было.

– Ты всех спас, – сказал Денис.

– Мы... – прохрипел Ренат, любой звук отдавался болью в горле. – Мы всех спасли.

Алена опустилась к нему, обняла его, приподнимая. Она была такой теплой.

– Ты вставай, а то простынешь.

– Это самое пустячное, что может случиться, – ответил он.

Ренат встал и огляделся. Чудовищ больше не было. Денис поймал его вопросительный взгляд.

– Как только эта штука взорвалась, они все свалили. Тут была такая паника, ты бы видел.

Денис попытался усмехнуться, но получилось грустно.

– Но мы победили, – сказал Крапива.

Он повел Рената к краю крыши, и там внизу в свете фонарей они увидели черную реку, текущую прочь. Это были пришельцы-паразиты, покинувшие тела своих хозяев.

Там еще были люди. Одни бегали в панике, не понимая, что происходит. Другие просто стояли и смотрели на странную черную реку. И эти последние казались такими потерянными.

– Они драпают, – сказал Крапива.

Пес был еще жив. Он открыл глаза, посмотрел на Алену.

– Это все, – сказал он.

– Тебя можно спасти, – сказала она. – Мы отнесем тебя к ветеринару. У Оли из 7-го «В» мама ветеринар. Она тут рядом живет.

– Вот же она удивится, когда меня вскрыет, – сказал Навигатор, и улыбнулся, как могут улыбаться только самые настоящие сенбернары.

– Не шути так, – сказала Алена, – мы тебя вылечим.

– Вылечить меня могут только на «Королеве звезд». Я когда-нибудь тебе рассказывал про нашего фельдшера Юни-217?

– Это у которого однажды кости из-под ногтей вытекли?

Рассказывал.

– А про штурмана по имени Светло-Лиловый?

– Это который разумная форма гравитации? Рассказывал.

– Но я не рассказывал тебе про Лабиринт Вечности, про Храм Миллионов Солнц, про Водопады Антареса, да-да, ты непременно должна про них услышать.

Она сидела рядом, держа в руках его большую пушистую лапу, а по щекам медленно катились слезы. Или последние капли дождя.

Но дождь уже закончился. А облака, гонимые ветром, обнажили огромное черное небо, полное звезд.

– Не сейчас, – прошептала Алена. – Потом ты мне все расскажешь.

– Увы, – сказал пес. Он все еще слабо светился, но сияние становилось слабее с каждой минутой.

Потом он поднял лапу и показал вверх.

Там в вышине горела яркая голубая звезда.

– Это Сириус, – сказал Ренат, – в это время он как раз появляется вечером.

Но звезда становилась все ярче, пока всем, даже Крапиве, не стало понятно, что это вовсе не Сириус.

– Это вовсе не Сириус, – так и сказал Крапива.

Синяя звезда становилась все больше и ярче, пока наконец не приняла очертание корабля. Яркое, перемигивающееся огнями блюдце, так похожее на то, что было в «Ближких

контактах третьей степени» (что не преминул отметить Ренат) опустилось на крышу бизнес-центра, что еще недавно был логовом инопланетных паразитов.

Корабль накрыл крышу почти целиком. Свет его погас, и под ним стало почти совсем темно.

Послышалось шипение, и бойцы молодежного отделения «Друзей отечества» встали клином чтобы дать еще один бой.

– Отставить! – скомандовал Ренат. – Это свои.

Тут на крышу опустился трап, и яркая полоса света пролегла от него, осветив спасителей земли и лежащего на руках у Алены сенбернара.

По трапу спускались три фигуры, и Алена их сразу узнала. Вот идет на металлических протезах фельдшер Юни-217, у которого однажды, после встречи с безумным роботом, из-под ногтей вытекли кости. А вот штурман Светло-Лиловый, который на самом деле разумная форма гравитации, и носит скафандр, только чтобы его видели. Так он делает с тех пор, как его случайно забыли на одном планетоиде.

Впереди шел сам капитан Черный Гребень. Пушистый, чем-то похожий на песика. Часть лица его вместе с гребнем была седой, после того как он проехался по самой кромке черной дыры.

Ребята как замороженные смотрели на Стражей Врат. Юни-217 поднял Навигатора своими здоровенными клешнями.

Фельдшер первым нарушил молчание.

– Я должен отнести его в медотсек, пока последний свет его не покинул. Надо спешить.

Стражи улетели, больше ничего не сказав и не взяв с собой никого. Хотя это был бы хороший шанс для новых приключений, где будут и Лабиринт Вечности, и Храм Миллионов Солнц, и Водопады Антареса.

Ребята еще долго смотрели на небо, туда, где таяла голубая звездочка. А дольше всех смотрел Крапива.

– Все-таки кино, – сказал он.

Ренат дернул его за рукав. Крапива обернулся.

– Я тут на лестнице нашел. Пока мы сюда поднимались, – сказал он, протягивая Крапиве пачку Бомбибомов. – Кажется, это твое.

Эпилог

ХИТРАЯ КОМБИНАЦИЯ

Не далее как в прошлый четверг в нашем родном Н-ске прошел концерт ВИА «Комбинация», но до сих пор город сотрясают слухи о нем. В нашу газету продолжают поступать письма самого странного и противоречивого содержания, но все сходятся на том, что необычные события начались сразу после того, как московские гости исполнили свой последний хит.

Одни утверждают, что оказались свидетелями массового телекинеза, другие – что стали жертвами демонов или вампиров, и конечно же, кто-то видел над Н-ском летающие тарелки (куда же без них!). Приведенные в качестве доказательств фотографии отличаются (как и всегда) от обратительным качеством и не поддаются верификации.

Иные и вовсе говорят, будто дорога у общежитий на Ленинградской наполнилась кровью, аки ветхозаветная река Иордан. Последним напомним, что мы пока что живем в секулярной стране и, несмотря на засилье разного рода сект, относимся скептически к нездоровым сенсациям. Наша редакция обязуется в ближайшее время проверить все теории и факты и представить верному читателю развернутый и

подробный отчет.

Пока что экспертный совет нашей газеты выдвинул рабочую гипотезу о том, что имевшие место явления были хитрой комбинацией, обязанной скрыть работу отечественных или (возможно) иностранных спецслужб.

«Тайны Югры», 17 мая 1994 года

И далее...

...Испытания психотронного оружия массового поражения завершились пшиком.

Газета «Сибирь секретная»

...По словам парагеолога, карстовые пещеры образуют тоннели, которые тянутся подо всей Сибирью на тысячи километров и имеют искусственное происхождение. Кто знает, какая древняя цивилизация могла...

Журнал «Новая Гиперборея»

...А ведь еще в 1878 году профессор-египтолог Захар Верлинский научно доказал, что именно тут, в Предуралье, скрыты так называемые «места силы», что могут проснуться в любой момент.

Альманах общества «Сияющие кедры тайги»

...Выходит, простой особист Васильков и начальник Ге-

нерального штаба связаны одной страшной тайной. Оба они не только не подвергают сомнению сам факт существования НЛО наперекор указаниям идеологического отдела ЦК КПСС, но и, похоже, знают, где у этой залетной птицы места гнездования...

Игорь Прокопенко «Пришельцы государственной важности»

...Беда не в том, что мы до сих пор не знаем, что именно случилось. Беда в том, что мы оплачиваем это из своих налогов.

Еженедельник Yuga Economics International

– Это не красные! – понял подпоручик, и его верный наган блеснул в свете луны. – Отступайте, братцы! Я их задержу!

Из книги Данила Чебунского «Тайна Усть-Нахимовки, или Последний день генерала Висборфа»

То, что казалось таким важным, вдруг оказалось пустяком. И наоборот.

Так бывает, когда тебе двенадцать.

Ну, отбили Землю у инопланетян, с кем не бывает. Самое время всей командой перелезть через забор садика «Сол-

нышко», закупить жвачек, много-много Херши-колы и отпраздновать. Да вообще можно кутить до утра, как супергерои.

Но есть мама. А когда по городу паника, и вокруг бегают напуганные взрослые, мама будет беспокоиться. Да нет – с ума сходить!

Они шли огромной ватагой по городу, и казалось, земля содрогается под их ногами. Роман Михайлович шел впереди. Он то поглаживал бороду, то снимал и чистил пенсне, слушая Дениса. А тот рассказывал, как случайно разглядел в толпе долговязого Александра.

– Я потому вас оставил, я вас не бросил, – говорил Денис. – Мы бежали наверх, а я выглянул в окно, смотрю – там внизу Александр. А это был такой шанс.

Роман Михайлович важно кивал, словно все это было его личной заслугой.

Пока они шли, Крапива пару раз интересовался временем (свои китайские часы с фальшивым фосфором он потерял в драке), а когда дошли до Первомайской, сказал:

– Простите, мужики... – он поймал взгляд Алены и поклонился, – и леди, но мне пора домой. Мама меня, наверное, уже обыскалась, может, даже в милицию заявила.

– У тебя есть мама? – улыбнулась Алена. – Подумать только. Крапива – домашний мальчик. Конечно, иди.

Крапива был в одной майке, свитер он потерял еще в той первой драке с пришельцами, когда пытался в одиночку сло-

мать их машину. Один из «Друзей отечества» одолжил ему свою теплую рубашку.

После слов о маме Крапива стал выглядеть немного потрепанным. Никто бы не подумал, что еще час назад в схватке с монстрами он был просто воплощенной яростью. Сам Крапива еще несколько раз напомнил себе, что ничего не боится, что он спас человечество (не один, но все же). И делал мужественно-беззаботное лицо.

Но дома была мама. Имидж – ничто. Мама – все.

Потом они попрощались с «Друзьями отечества», в том числе с Петром, которому было ужасно неловко, что в той славной битве ему пришлось воевать на стороне противника. «Друзья отечества» сказали, что в этом городе у них друзья, так что им есть где ночевать.

Антонд испарился еще раньше, что никого не удивило. И в свой двор на Дзержинского они вернулись уже втроем – Денис, Ренат и Алена.

– Ой, а я ж теперь у бабушки, – сказала она.

Ренат почему-то весь стал красный. Он поднял руку, чтобы попрощаться, да так неловко, словно та была привязана веревочкой к пальцам кукольника.

– Ну, тогда пока, что ли.

Денис подумал, что Ренат ночью под одеялом читает свои книжки при свете собственных ушей. И эта идея так ему понравилась, что он готов был засмеяться в самый неподходящий момент, чем все испортил бы. Чтобы этого не сделать,

он внезапно обнял Рената и прошептал ему в ухо:

– Проводи ее до дома, Ромео.

Когда парочка вышла со двора, Денис зашел в подъезд и пошел к себе на девятый этаж пешком – так он решил отсрочить неизбежное. Сначала они откроют дверь, и ему в лицо ударит запах жареного лука, мама любит лук, говорит, он от всех болезней. Потом родители увидят, в каком он виде, и будут задавать вопросы. Без проблем. Скажет, что подрался. Потом он позвонит маме Рената и скажет ей, что Ренат задержался, провожает девочку и скоро вернется. Ну а под конец надо сделать главное. Конечно, он всем им испортит праздник, но по-другому нельзя.

А небо было чистым и звездным. Кажется, это случилось в первый раз с тех пор, как две недели назад тут упал инопланетный корабль.

Они вышли из автобуса и топали вдоль леса к бабушкиному дому. Дул теплый ветерок, а Ренат рассказывал Алене про созвездия. *Вот Волосы Вероники, вот Секстант, Дева, ну и обе Медведицы, конечно. А ты знаешь, что не все эти созвездия можно увидеть осенью.*

Ренат еще не знал, что пройдет много лет, и в похожих ситуациях он все еще будет рассказывать девушкам про звезды, вместо того чтобы говорить о главном. Ренат чувствовал, что есть вещи страшнее инопланетян. Он, конечно, не трус, но бывают моменты...

– Я вот не знаю, что бабушке сказать, – начала Алена, – у меня вон рубашка вся порвана. Скажи, какой у меня нос.

Они уже вошли на территорию «вагончиков». Под единственным в округе фонарем она остановилась, повернулась к Ренату лицом и встала впритык, так что Ренату остро захотелось прямо сейчас как можно больше рассказать про галактики и квазары.

– Ну?!

– Нормальный у тебя нос, красивый.

– Это я в курсе, балда. Видно, что он разбит, там, опух? А то бабушка будет задавать вопросы.

Ренат раньше еще никогда не разглядывал девочек вот так в упор.

– Ты глаза не закрывай. Ты что, близорукий? Так я поближе подойти могу.

– Не надо. В смысле, да, чуть-чуть опух и еще вот тут синяк под челюстью. Слушай, – он отошел назад, как бы разглядывая Алену в целом, – Бабушка все равно будет вопросы задавать. Вид у нас обоих неважнецкий.

Это было правдой. Кровь смыл дождь, но рваная одежда, синяки и усталость говорили сами за себя – дети явно попали в переделку. На улице было темно, да и в автобусе они сидели в дальнем конце, чтобы не привлекать внимания немногих пассажиров. Но дома от бабушки так просто не отделаешься.

Алена вмиг представила, как та будет причитать и задавать вопросы. Она знала, что Нинасита, которую десятки се-

риалов обучили выявлять ложь, ни за что не поверит в совпадения. Утром является Алена с каким-то сенбернардом, за ней отец, потом как снег на голову этот парень. Ну и пес! Они с таким трудом доказали тогда бабушке, что слова пса ей слышались. А сейчас она соберет все факты и ничему не поверит.

– Правду, – сказал Ренат. – Мы можем сказать ей правду. Это логичный шаг.

– Она не поверит, – начала было Алена и осеклась. Инопланетяне были частью объективной реальности не только для них, но и для Нинаситы. По телевизору люди загадочным голосом рассказывали про Бермудский треугольник, газеты каждый день дарили новые сенсации про НЛО. Книги срывали покровы с тайн мироздания.

– Поверит, – сказал Ренат и улыбнулся. – Теперь уже нет нужды таиться от старших. Мы боялись их впутать во все это, думали, что они нам помешают, чтобы защитит, или вяжутся сами. Но все уже кончилось. Теперь можно.

– Теперь можно, – повторила за ним Алена и разлилась, даже не на Рената и его идиотскую улыбку, а так, на ситуацию. Что вроде бы все закончилось, но на самом деле еще нет, потому что надо идти к Нинасите, и все выкладывать. Ренат – прав, и это ее тоже бесило.

– Я прав, так?

– Любишь правду, да? А то, что ты мне там сказал, тоже правда? – Маленькая Ненси, сидевшая в ее голове, довольно

потирала руки.

– Что? Где?

– Да там, на крыше. Когда мы с пришельцами махались.

Из окон железных «вагончиков» шел теплый свет. У одних пел Газманов, у других подходили к концу «Акулы пера», у третьих в Лиге чемпионов играли «Спартак» и «Галатасарай». А высоко-высоко над ними, над вагончиками, над тайгой, над Н-ском светились звезды. И где-то там, невидимый человеческому глазу, улетал прочь звездолет с Навигатором.

Эти звезды светили так ярко, но какая теперь разница.

Все, что было таким важным еще в начале вечера, оказалось пустяком. И наоборот.

Крапива вернулся домой, чтобы рассказать маме, что с ним все в порядке.

Денис как вошел к себе, набрался храбрости, пошел в гостиную, выключил Тринитрон и сказал родителям, что выиграл его нечестно и телевизор придется вернуть. Но не потому, что так хотят Ленин или Иисус, а потому что это правильно.

Алена через минуту войдет к Нинасите и расскажет ей всю правду. Потому что это важно.

А Ренат...

– Ну, вспоминай, вспоминай, – скала Алена, – Ты правду сказал там на крыше?

– Да.

30 лет спустя. В доме у Рената.

– Да, – сказал Ренат и засмутился, совсем как ребенок, вдруг став в тот момент снова двенадцатилетним. – Это она тебе рассказала?

Я кивнул. В таких случаях потом идут слова «ну как она там?», попытки вынюхать что-то о ее жизни. Мне такое никогда не нравилось, не люблю быть посредником в амурных делах. Я стал соображать, на какую бы тему перескочить. Но ничего не приходило в голову. Да и сам Ренат не стал продолжать.

Он стоял у окна и разглядывал книжные полки.

– А знаешь, в «Авроре» теперь гипермаркет, – сказал он.

– А в «Филателии» банк.

Иногда наступают моменты, когда не знаешь, что важно, а что нет.

Вот собрать коллекцию «Бумеров», не потерять билет в кино, получить 4 по русскому. А потом всякие любовные страдания. Потом много-много политики. А в какой-то момент самое важное – родители. И где-то между всем этим затесалось наше спасение мира.

– Я не все делал правильно, – сказал Ренат. Он стоял у окна и смотрел на город. В сером контражуре Н-ского неба

Ренат выглядел особенно печальным.

– Это только в кино ты делаешь все как надо, потому что там все просто. Как в случае с пришельцами.

– Но жизнь... – начал он.

– ...Это не кино, – закончил я.

– Если только ты...

– ...Не поступаешь как главный герой.

Виталий Крапива,

Май – декабрь 2021